

Пирр. Творцы истории

Джейкоб Эббот

Pyrrhus

Jacob Abbott

Project Gutenberg

Проект "Электронная книга Гутенберга" о Пирре

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Титул: Пирр

Автор: Джейкоб Эббот

Дата выхода: 12 ноября 2008 г. [Электронная книга № 27240]

Последнее обновление: 4 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Д. Александером и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПИРР" ***

Творцы истории

Пирр

ДЖЕЙКОБ ЭББОТТ

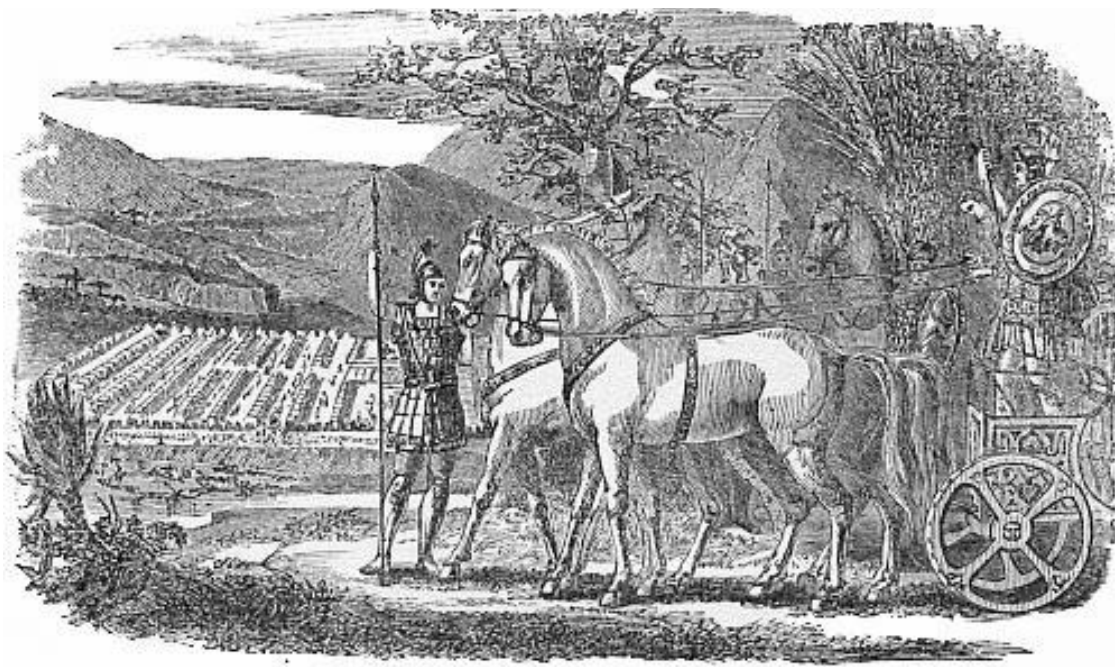
С ГРАВЮРАМИ

НЬЮ - ЙОРК И ЛОНДОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО HARPER & BROTHERS PUBLISHERS

Внесен, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году фирмой "Харпер и братья" в канцелярию окружного суда Южного округа Нью-Йорка.

Пирр осматривает римский лагерь.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В отношении героев древней истории, живших во времена, предшествовавшие периоду, когда начинаются регулярные записи подлинной истории, нельзя полагаться на действительную достоверность дошедших до нас отчетов об их жизни и деяниях. В те древние времена, по сути, не существовало разграничительной линии между романом и историей, и все истории, которые рассказывали о Кире, Дарии, Ксерксе, Ромуле, Пирре и других персонажах столь же древних, как и они, являются более или менее сказочными и мифическими. Мы узнаем это также из внутренних свидетельств, представленных самими повествованиями, а также из исследований современных ученых, которым во многих случаях удалось распутать паутину и отделить ложное от истинного. Однако в связи с этим не менее важно, чтобы эти древние сказания в том виде, в каком они были рассказаны изначально и в том виде, в каком они дошли до нас через столько веков, были доведены до читателей настоящего времени. Они были распространены среди человечества в их первоначальном виде в течение двадцати или тридцати столетий и

неразрывно слились с литературой, красноречием и поэзией каждой цивилизованной нации наземном шаре. Конечно, знать, какова история, правдивая или вымышленная, которую записали древние рассказчики и которая была прочитана и прокомментирована каждым последующим поколением вплоть до наших дней, является важным достижением для каждого хорошо информированного человека; на самом деле, гораздо более важным достижением для обычного читателя, чем узнать сейчас, в этот поздний период, каковы были действительные факты, давшие начало басне.

Поэтому при написании этой серии исторических рассказов целью автора было не *исправить* древнюю историю, а повторить ее в том виде, в каком она есть, однако предостерегая читателя, когда того требует случай, не предполагать, что удивительные повествования исторически правдивы.

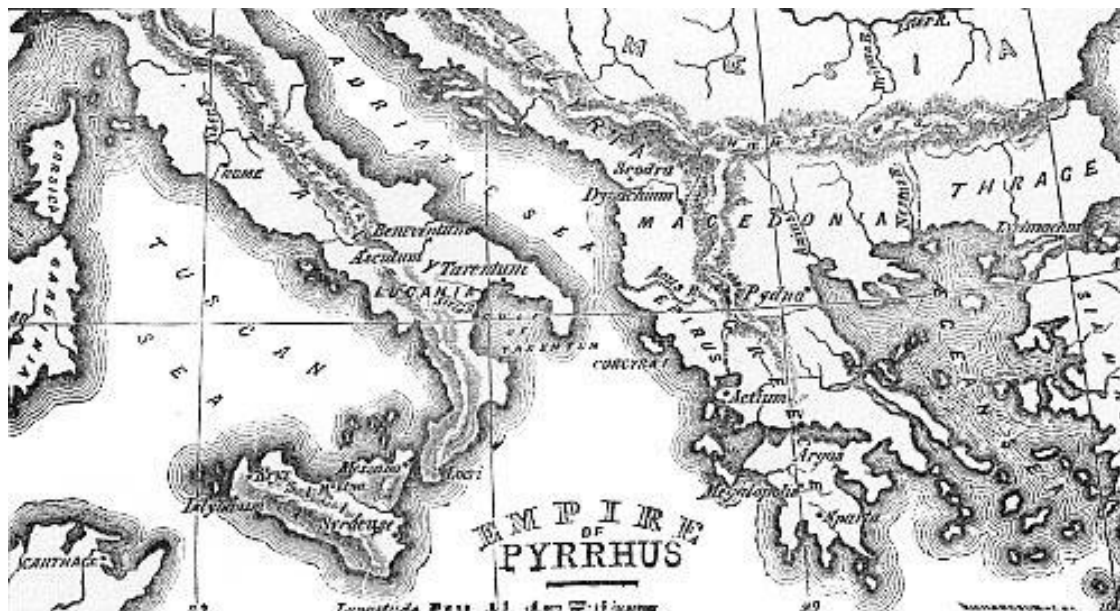
Содержание.

Глава	Страница
I. ОЛИМПИАДА И АНТИПАТР	13
II. КАССАНДР	40
III. РАННЯЯ ЖИЗНЬ ПИРРА	64
IV. ВОЙНЫ В МАКЕДОНИИ	86
Против ВОЙНЫ В ИТАЛИИ	111
VI. ПЕРЕГОВОРЫ	134
VII. СИЦИЛИЙСКАЯ КАМПАНИЯ	159
VIII. ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ИТАЛИИ	188
IX СЕМЬЯ ЛИСИМАХА	210
X. ОТВОЕВАНИЕ МАКЕДОНИИ	235
XI. СПАРТА	249
XII. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ПИРРА	268

ГРАВЮРЫ.

	СТРАНИЦА
РИМСКОГО ЛАГЕРЯ	<i>Фронтиспис.</i>
КАРТА—ИМПЕРИЯ ПИРРА	12
ЭВРИДИКА В ТЮРЬМЕ	58
КАРТА—ГРЕЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ	110
ТРОФЕИ	133

СПРЯТАННЫЙ СЛОН	145
НАПАДЕНИЕ	177
РАЗГРОМ	206
УПАВШИЙ СЛОН	233
ОБВИНЕНИЕ	283
СМЕРТЬ ПИРРА	300

ПИРР.

Глава I.

Олимпиада и Антипатр.

336-321 гг. до н. э.

Положение в стране Эпир.

Пирр, царь Эпира, в самом начале своей жизни столкнулся с необычайной чередой романтических приключений, которые так поразительно ознакомили его карьеру. Он стал изгнанником и беглецом из отцовского дома, когда ему было всего два года, поскольку в тот период слуги внезапно увезли его, чтобы избежать самой неминуемой личной опасности, которая угрожала ему. Обстоятельства, давшие повод к этому экстраординарному отступлению, были следующими:

Эпир и Македония.
Их политические связи.

Страна Эпир, как видно из прилагаемой карты, располагалась на восточном берегу Адриатического моря,^[A] и на юго-западных границах Македонии. Таким образом, Эпирское царство было очень близко к Македонскому царству и в некоторых отношениях зависело от него. Фактически, общественные дела двух стран, благодаря личным отношениям и связям, которые время от времени существовали между царскими семьями, правившими ими соответственно, часто были тесно переплетены, так что вряд ли могла возникнуть какая-либо серьезная война или даже какое-либо крупное гражданское раздорение в Македонии, которые рано или поздно не привлекли бы царя или народ Эпира к участию в споре либо на одной, либо на другой стороне. И поскольку иногда случалось, что в этих вопросах македонской политики царь и народ Эпира занимали противоположные стороны, дела великого царства часто были средством привести в меньшее бесконечную степень беспокойства и неразберихи.

Олимпиада.
Ее визиты в Эпир.
Филипп.

Период карьеры Пирра последовал непосредственно за периодом карьеры Александра Македонского, причем рождение Пирра произошло примерно через четыре года после смерти Александра. В то время случилось так, что отношения, существовавшие между королевскими семьями двух королевств, были очень близкими. Эта близость возникла в результате чрезвычайно важного смешанного брака, имевшего место между двумя семьями в предыдущем поколении, а именно, брака Филиппа Македонского с Олимпиадой, дочерью эпирского царя. Филипп и Олимпиада были отцом и матерью Александра Македонского. Конечно, на протяжении всего периода истории великого завоевателя жители Эпира, как и македоняне, проявляли особый интерес к его карьере. Они считали его потомком своего собственного царского рода, а также македонского, и поэтому, вполне естественно, присвоили себе некоторую долю славы, которую он приобрел. Олимпиада, которая иногда после замужества с Филиппом проживала в Эпире, а иногда в Македонии, поддерживала тесную связь как со своей семьей, так и с семьей Филиппа; и таким образом, благодаря различным результатам ее деятельности, а также благодаря известности о подвигах Александра правительства двух стран постоянно смешивались.

Олимпиада как жена.

Однако ни в коем случае не следует предполагать, что отношения, установившиеся под влиянием Олимпиады между дворами Эпира и Македонии, всегда носили дружественный характер. На самом деле часто все было как раз наоборот. Олимпиада была женщиной очень страстного и неуправляемого нрава и с очень решительной волей; а поскольку Филипп сам был таким же порывистым и решительным, как и она, домашняя жизнь этой выдающейся пары представляла собой постоянную череду бурь. В начале своей супружеской жизни Олимпиада, конечно, в целом преуспевала в достижении своих целей. Среди прочих мер она убедила Филиппа возвести ее брата на трон Эпира вместо другого принца, который был более прямым претендентом на престолонаследие. Поскольку, однако, истинный наследник по этой причине не отказался от своих притязаний, в стране образовались две партии, принадлежащие соответственно двум ветвям семьи, претендовавшей на трон, и последовал раскол, который, в

конце концов, вовлек Эпирское царство в затяжные гражданские войны. Таким образом, хотя Олимпиада продолжала оказывать влияние на разум своего мужа, она использовала его таким образом, чтобы открыть источники серьезных бедствий для своей собственной родины.

Она создает много трудностей.

Однако через некоторое время она полностью утратила это влияние. Ее споры с Филиппом в конце концов вылились в ожесточенную и непримиримую ссору. Филипп женился на другой женщине по имени Клеопатра, отчасти, действительно, как мера политического союза, а отчасти как акт вражды и ненависти к Олимпиаде, которую он обвинял в самых позорных преступлениях. Олимпиада в ярости вернулась домой в Эпир и искала убежища при дворе своего брата.

Александр принимает участие вместе со своей матерью в ее ссоре.

Александр, ее сын, остался в Македонии из-за разлуки между его отцом и матерью. Ему тогда было около девятнадцати лет. Он вместе со своей матерью участвовал в конкурсе. Это правда, что он некоторое время оставался при дворе Филиппа после отъезда своей матери, но его разум был в очень раздражительном и угрюмом настроении; и, наконец, по случаю большого общественного праздника между Александром и Филиппом произошел сердитый разговор, возникший из некоторых намеков, сделанных в адрес Олимпиады некоторыми гостями, в ходе которого Александр открыто осудил царя и бросил ему вызов, а затем внезапно покинул двор и уехал в Эпир, чтобы присоединиться к своей матери. Конечно, внимание жителей Эпира было сильно привлечено к этой ссоре, и они встали на сторону, кто Филиппа, а кто Олимпиады и Александра.

Олимпиаду подозревают в убийстве ее мужа.

Вскоре после этого Филипп был убит самым загадочным и экстраординарным образом.^[B] Олимпию обычно обвиняли в том, что она была подстрекательницей к этому деянию. Не было никаких положительных доказательств ее вины; и, с другой стороны, в ее характере и поведении никогда не было таких признаков присутствия даже обычных чувств справедливости и человечности в ее сердце, которые могли бы сформировать презумпцию ее невиновности. Одним словом, она была такой женщиной, что человечеству, как казалось, было легче и естественнее поверить в ее виновность, чем в невиновность; и, соответственно, она была повсеместно осуждена, хотя и на основании очень слабых улик, как соучастница преступления.

Отношение Александра к своей матери.

Конечно, смерть Филиппа, независимо от того, была ли Олимпиада его сводницей или нет, имела для нее величайшее из возможных преимуществ с точки зрения влияния на ее положение и на осуществление ее честолюбивых планов. Путь для ее возвращения в Македонию был немедленно открыт. Александр, ее сын, немедленно унаследовал трон. Он был очень молод и, как она и предполагала, с готовностью подчинился влиянию своей матери. Фактически, в некотором смысле это было правдой. Александр, каковы бы ни были его недостатки в других отношениях, был очень послушным сыном. Он относился к своей матери, пока был жив, с величайшим вниманием и уважением, в то же время ни в коем случае не желая подчиняться ее авторитету и влиянию в своей политической карьере. Он составлял свои собственные планы и исполнял их по-своему; и если когда-либо между ним и Олимпиадой

возникал какой-либо спор или несогласие относительно его мер, она вскоре понимала, что его нельзя контролировать в этих вещах, и отказывалась от борьбы. И это не было особо экстраординарным результатом, поскольку мы часто видим, что непокорная женщина, которую никакими способами нельзя заставить подчиниться своему мужу, легко и полностью управляется сыном.

Его доброе и внимательное поведение.

Пока был жив Александр, все шло довольно гладко. Однако это было *только* терпимо; ибо Олимпиада, хотя и всегда оставалась в дружеских отношениях с самим Александром, постоянно ссорилась с военачальниками и государственными министрами, которых он оставил с ней в Македонии, пока сам отсутствовал в своих азиатских кампаниях. Эти раздоры не вызывали серьезных трудностей до тех пор, пока был жив сам Александр, чтобы вмешиваться, когда требовал случай, и разрешать возникшие в них трудности и споры до того, как они станут неуправляемыми. Александр всегда был достаточно ловок, чтобы делать это с уважением и внимательностью по отношению к своей матери, и при этом сохранял фактическую административную власть в королевстве в руках, которым он ее доверил.

Таким образом, он забавлял ум своей матери, успокаивал ее раздражительный нрав знаками внимания и ласки и поддерживал ее в очень достойном и высоком положении в королевском доме, в то время как сам предоставлял ей очень мало существенной власти.

Антипатр.

Характер Антипатра.

Мнение Александра о нем.

Офицером, которого Александр оставил главным командующим в Македонии, пока отсутствовал в своем азиатском походе, был Антипатр. Антипатр был очень почтенным человеком, ему тогда было почти семьдесят лет. Он долгое время был главным государственным министром Македонии, с большой преданностью и успехом служа Филиппу в этом качестве в течение многих лет до восшествия на престол Александра. В течение всего срока своего пребывания на государственной должности он поддерживал самую высокую репутацию мудреца и добродетельного человека. Филипп полностью доверял ему и часто поручал самые важные дела его руководству. И все же, несмотря на выдающееся положение, которое таким образом занимал Антипатр, и огромное влияние и контроль, которые он осуществлял в государственных делах Македонии, он был прост и непритязателен в своих манерах, добр и внимателен ко всем окружающим, как будто он был полностью лишен каких-либо личных амбиций и руководствовался только честной и искренней преданностью делу тех, кому служил. При македонском дворе о нем рассказывали различные анекдоты, которые свидетельствовали о том, какого мнения он придерживался. Например, однажды Филипп, оказавшись в обстоятельствах, требовавших особой осторожности и бдительности с его стороны, появился поздно утром и извинился за это, сказав офицерам: "Сегодня утром я проспал довольно долго, но потом я понял, что Антипатр не спит". Александр тоже испытывал величайшее уважение и преклонение перед личностью Антипатра. Однажды какой-то человек выразил удивление по поводу того, что Антипатр не облачился в пурпурную мантию — знак благородства и величия, — как привыкли делать другие великие полководцы и государственные министры. "Эти люди, - сказал Александр, - снаружи одеты в пурпур, но Антипатр пурпурный внутри".

Олимпиада доставляет много хлопот.
Александр отправляет Кратера домой.

Одним словом, вся страна настолько верила в мудрость, справедливость и умеренность Антипатра, что очень охотно подчинилась его влиянию во время отсутствия Александра. Олимпиада, однако, доставляла ему постоянные неприятности. Осуществляя свое регентство, он управлял страной так, как, по его мнению, требовал его долг перед народом королевства и Александром, нисколько не уступая требованиям или ожиданиям Олимпиады. Следовательно, она, обнаружив, что он неуправляем, сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать его планам, сорвать их и обойти. Она постоянно писала Александру письма, постоянно жалуясь на его поведение, иногда искажая события, которые действительно имели место, а иногда выдвигая обвинения, совершенно беспочвенные и не соответствующие действительности. Антипатр точно так же в своих письмах Александру жаловался на вмешательство Олимпиады и на беспокойство и смущение, которые доставляло ему ее поведение. Александру в течение некоторого времени удавалось более или менее успешно разрешать эти трудности, время от времени по мере их возникновения; но в конце концов он решил внести изменения в регентство. Соответственно, в тот случай, когда значительный отряд новобранцев из Македонии должен был отправиться маршем в Азию, Александр приказал Антипатру сопровождать их, и в то же время он отправил домой другого полководца по имени Кратер, командовавшего отрядом войск из Азии, срок службы которого истек.^[C] Его план состоял в том, чтобы оставить Антипатра у себя на службе в Азии и передать Кратеру македонское правительство, полагая, что, возможно, Кратер сможет лучше договориться с Олимпиадой, чем это сделал Антипатр.

Антипатр не должен был покидать Македонию до тех пор, пока туда не прибудет Кратер; и пока Кратер был в пути, Александр внезапно умер. Это событие изменило весь аспект дел по всей империи и привело к серии очень важных событий, которые быстро сменяли друг друга и которые оказали весьма существенное влияние на состояние и судьбу Олимпиады. Положение дел было в основном таким. История образует довольно сложный сюжет, для четкого понимания которого со стороны читателя потребуется пристальное внимание.

Жена Александра Роксана.
Ее малыш.

Вопрос, который первым пришел в голову каждому, как только стало известно о смерти Александра, был вопрос о престолонаследии. Так уж случилось, что не было ни одного члена семьи Александра, которого можно было бы считать его явным и бесспорным наследником. На момент его смерти у него не было ребенка. Однако у него была жена по имени Роксана, и через несколько месяцев после смерти Александра у нее родился ребенок. Роксана была дочерью азиатского принца. Александр взял ее в плен вместе с несколькими другими дамами в крепости на скале, куда отец поместил ее в целях безопасности. Роксана была необычайно красива, и Александр, как только увидел ее, решил сделать ее своей женой. Говорили, что среди тысяч пленниц, взятых им в Азиатском походе, Роксана была самой красивой из всех; и поскольку Александр умер всего через четыре года после женитьбы, она все еще была в полном расцвете молодости и красоты, когда родился ее сын.

Аридей.
Два конкурирующих претендента на корону.

Но помимо этого сына, родившегося таким образом через несколько месяцев после смерти Александра, у Александра был брат, или, скорее, сводный брат, чьи притязания на престолонаследие казались более прямыми, поскольку он был жив в то время, когда умер Александр. Имя его брата было Аридей. Он был слабоумным и совершенно незначительным политическим деятелем, за исключением того, что по рождению был следующим наследником Александра по македонской линии. Он был сыном не Олимпиады, а другой матери, и его слабоумие было вызвано, как говорили, попыткой Олимпиады отравить его в юности. На это ее подтолкнули гнев и ревность к его матери, ради которой Филипп бросил ее. Яд разрушил интеллект бедного ребенка, хотя и не смог разрушить его жизнь. Александр, вступив на престол, принял меры для защиты Аридея от любых будущих попыток его матери уничтожить его, и по этому, а также, возможно, по другим причинам, взял Аридея с собой в свой азиатский поход. Аридей и Роксана оба были в Вавилоне, когда умер Александр.

Что бы ни думали о сравнительных притязаниях Аридея и младенца Роксаны на наследование македонской короны, было ясно, что ни один из них не был способен осуществлять какую—либо реальную власть - сын Александра был недееспособен из-за своей молодости, а его брат - из-за своего слабоумия. Реальная власть немедленно перешла в руки великих полководцев и государственных советников Александра. Эти генералы, посоветовавшись друг с другом, решили не решать вопрос о престолонаследии в пользу кого-либо из двух наследников, а совместно передать суверенитет империи им обоим. Поэтому они дали Аридею имя Филипп, а младенцу Роксаны - Александр. Они сделали этих двух принцев совместными номинальными суверенами, а затем от их имени разделили всю фактическую власть между собой.

Некоторые сведения о династии Птолемеев.

В этом разделе Египет и прилегающие к нему африканские страны были закреплены за очень выдающимся полководцем по имени Птолемея, который стал основателем длинной линии египетских государей, известной как династия Птолемеев, — линии, из которой несколько столетий спустя произошла знаменитая Клеопатра. Македония и Греция вместе с другими европейскими провинциями были переданы Антипатру и Кратеру — сам Кратер в то время находился на пути в Македонию с инвалидами и распущенными войсками, которых Александр отправил домой. В то время здоровье Кратера было слабым, и отчасти по этой причине он возвращался в Македонию. Фактически, он был не в состоянии в полной мере принять активное командование вверенным ему отрядом, и Александр соответственно послал с ним офицера по имени Полисперхон, который должен был помогать ему в выполнении его обязанностей на марше. Этот Полисперхон, как появится в дальнейшем, сыграл очень важную роль в событиях, которые произошли в Македонии после того, как он и Кратер прибыли туда.

Распределение империи Александра.

Компромисс между соперничающими претензиями.

В дополнение к этим большим и важным провинциям — Египту в Африке, Македонии и Греции в Европе — существовало множество других провинций поменьше в Малой Азии и Сирии, которые были закреплены за разными генералами и государственными министрами, находившимися на службе у Александра, и которые все теперь претендовали на свои доли в общем распределении власти, которое произошло после его смерти. Распределение дало

поначалу сносную степень удовлетворения. Это было сделано от имени царя Филиппа, хотя лицом, которое действительно контролировало это мероприятие, был Пердикка, военачальник, ближайший к Александру и самый высокий по рангу на момент кончины великого завоевателя. Фактически, как только Александр умер, Пердикка принял на себя командование армией и общее руководство делами.^[D] Он намеревался, как и предполагалось, провозгласить себя императором вместо Александра. Сначала он настоятельно настаивал на том, чтобы ребенок Роксаны был объявлен наследником престола, исключая Аридея. Его тайный мотив в этом заключался в том, что, правя в качестве регента в течение длительного несовершеннолетия младенца, он мог бы подготовить почву для окончательного захвата королевства самостоятельно. Другие военачальники армии, однако, не согласились с этим; они были склонны настаивать на том, чтобы царем стал Аридей. В течение нескольких дней армия была разделена по этому вопросу, и спор разгорелся очень сильно. На самом деле, какое-то время казалось, что надежды на то, что это удастся уладить, не было. Были все признаки того, что должна начаться гражданская война, которая сначала вспыхнет под самыми стенами Вавилона. В конце концов, однако, как уже говорилось, вопрос был решен, и было решено, что корона Александра должна стать совместным наследством Аридея и младенца, и что Пердикка должен осуществлять в Вавилоне функции регента. Конечно, когда был произведен раздел империи, это было сделано от имени Филиппа, ибо ребенок Роксаны на момент раздела еще не родился. Но, хотя это и было сделано от имени короля Филиппа, на самом деле это была работа Пердикки. Предполагалось, что его план при распределении провинций между различными военачальниками состоял в том, чтобы удалить их из Вавилона и дать им работу в отдаленных областях, где они не мешали бы ему в осуществлении его планов стать хозяином верховной власти.

Вопрос о браке.

Клеопатра.

Никея.

После того, как эти приготовления были сделаны, и дела империи были на время сносно урегулированы благодаря такому распределению власти, и Пердикка начал обдумывать, какие скрытые меры ему следует принять для расширения своей власти, возник вопрос, который в течение некоторого времени сильно озадачивал его: это был вопрос о его женитьбе. Ему было сделано два предложения — одно от Олимпиады, а другое от Антипатра. У каждого из этих персонажей была дочь, которую они хотели, чтобы Пердикка взял в жены. Дочь Олимпиады звали Клеопатра, дочь Антипатра - Никея. Клеопатра была молодой вдовой. В то время она проживала в Сирии. Она была замужем за эпирским царем по имени Александр, но сейчас проживала в Сардах, в Малой Азии. Некоторые из советников Пердикки очень настойчиво убеждали его, что брак с ней укрепит его положение больше, чем любой другой союз, который он мог бы заключить, поскольку она была сестрой Александра Македонского, и своим браком с ней он укрепит на своей стороне влияние Олимпиады всей семьи Александра. Пердикка настолько разделял эти взгляды, что отправил гонца в Сарды с просьбой навестить Клеопатру от его имени и сделать ей подарок. Соответственно, Олимпиада и Клеопатра сочли это соглашение решенным делом.

Никею отправляют в Вавилон.

План Антипатра.

Тем временем, однако, Антипатр, который, по-видимому, был более серьезен в своих планах, отправил свою дочь Никею саму в Вавилон, чтобы там ее принесли в жертву непосредственно Пердикке. Она прибыла в Вавилон после того, как посланец Пердикки отправился навестить Клеопатру. Прибытие Никеи очень отчетливо напомнило Пердикке о преимуществах союза с Антипатром. Олимпиада, это правда, имела громкое имя, но она не обладала реальной властью. Антипатр, с другой стороны, правил обширным регионом, который включал в себя одни из самых богатых и густонаселенных стран на земном шаре. Под его командованием также была большая армия, состоявшая из самых храбрых и дисциплинированных войск в мире; и он сам, несмотря на преклонный возраст, был очень способным и эффективным командиром. Одним словом, Пердикка был убежден этими и подобными соображениями, что союз с Антипатром был бы для него более выгоден, чем союз с Олимпиадой, и соответственно он женился на Никее. Олимпиада, которая и раньше всегда ненавидела Антипатра, теперь, когда она обнаружила, что он таким образом вытеснил ее из ее планов союза с Пердиккой, пришла в крайнее негодование и ярость.

Еще один матримониальный вопрос.

Кинейн.

Волнения в армии.

Новое имя Ады.

Помимо женитьбы Пердикки, примерно в это же время возник еще один матримониальный вопрос, который привел к большим трудностям. Была дама из македонской царской семьи по имени Кинана — дочь Филиппа Македонского и сводная сестра Александра Македонского, — у которой была дочь по имени Ада. Кинана задумала выдать свою дочь замуж за короля Филиппа, который теперь, как и Роксана с младенцем, находился в руках Пердикки в качестве их опекуна. Кинана отправилась из Македонии со своей дочерью в путешествие в Азию, чтобы привести это соглашение в исполнение. Это было расценено как очень смелое предприятие со стороны Кинаны и ее дочери, поскольку Пердикка, конечно же, был бы непримиримо настроен против любого плана женитьбы Филиппа, и особенно против его женитьбы на принцессе из македонской царской семьи. На самом деле, как только Пердикка услышал о движении, которое предприняла Кинана, он пришел в ярость от дерзости этого и послалгонцов перехватить Кинану и убить ее по дороге. Однако эта сделка, как только о ней стало известно, вызвала большое волнение во всей македонской армии. Армия, на самом деле, испытывала настолько сильную привязанность к каждой ветви и каждому члену семьи Александра, что не потерпела бы никакого насилия или несправедливости по отношению к кому-либо из них. Пердикка был очень напуган поднятой им бурей. Он немедленно отменил приказы, которые отдал убийцам; и, чтобы искупить свою ошибку и унять волнение, он принял Аду, когда она прибыла в Вавилон, с большой кажущейся добротой и, в конце концов, согласился с планом выдать ее замуж за Филиппа. Соответственно, она вышла за него замуж, и армия успокоилась. Ада получила в это время имя Эвридика, и впоследствии под этим именем она стала довольно известной в истории.

Различные интриги.

Козни Антипатра и Птолемея.

Никея.

Планы Пердикки.

В то время, когда происходили эти несколько сделок, между губернаторами различных провинций Европы и Азии происходили различные интриги и раздоры, которые, поскольку их результаты не особенно повлияли на дела Эпира, нам нет необходимости здесь подробно описывать. В течение всего этого периода, однако, Пердикка расширял и совершенствовал свои приготовления и разрабатывал свои планы по закреплению за собой всей империи; в то время как Антипатр и Птолемей в Македонии и Египте все время вели тайные сношения друг с другом и пытались изобрести средства, с помощью которых они могли бы помешать ему и обойти его. Ссора была примером того, что очень часто происходит в таких политических системах, какие представляла Македонская империя в то время, а именно, объединения крайностей против центра. В течение некоторого времени усилия враждующих сторон ограничивались маневрами и контрманеврами, которые они придумывали друг против друга. На самом деле Антипатра удерживало от открытой враждебности против Пердикки уважение к его дочери Никее, которая, как уже упоминалось, была женой Пердикки. В конце концов, однако, под влиянием растущей вражды, царившей между двумя семьями, Пердикка решил развестись с Никеей и все-таки жениться на Клеопатре. Как только Антипатр узнал об этом, он сразу же решился на открытую войну. Кампания началась с двойной операции. Пердикка сам собрал армию; и, взяв Филиппа и Эвридику, а также Роксану и ее младенца в свою свиту, он двинулся в Египет войной против Птолемея. В то же время Антипатр и Кратер во главе большого македонского отряда переправились через Геллеспонт в Малую Азию, направляясь напасть на Пердикку в Вавилоне. Пердикка послал большой отряд войск под командованием выдающегося полководца встретить Антипатра и Кратера в Малой Азии, в то время как сам был занят египетской кампанией.

Битва.

Кратер убит.

Недовольство.

Непопулярность Пердикки.

Результат состязания оказался фатальным для дела Пердикки. Антипатр победоносно продвигался по Малой Азии, хотя в одном из сражений, которые там происходили, Кратер был убит. Но в то время как сам Кратер пал, его войска одержали победу. Таким образом, военная удача в этой части была против Пердикки. Результат его собственных операций в Египте был для него еще более катастрофическим. Приблизившись к египетской границе, он обнаружил, что его солдаты очень неохотно сражаются против Птолемея, полководца, к которому они всегда относились с крайним уважением и почитанием и который, как было хорошо известно, управлял своей провинцией в Египте с величайшей мудростью, справедливостью и умеренностью. Пердикка отнесся к этому недовольству очень надменно и властно. Он назвал своих солдат мятежниками и пригрозил наказать их как таковых. Это вызвало их негодование, и от тайного ропота они перешли к громким и гневным жалобам. Они сказали, что Пердикка не был их царем, чтобы господствовать над ними таким властным образом. Он был не кем иным, как наставником их королей, и они не потерпели бы никакой дерзости с его стороны. Вскоре Пердикка был весьма встревожен, заметив степень недовольства, которое он пробудил, и жестокость формы, которую оно, казалось, принимало. Он сменил тон и попытался успокоить и примирить умы своих людей. В конце концов ему удалось восстановить некоторый порядок и дисциплину в армии, и в таком состоянии экспедиция вошла в Египет.^[E]

Переправа через Нил.

Экстраординарный инцидент.

Пердикка пересек один из рукавов Нила, а затем повел свою армию вперед, чтобы атаковать Птолемея в мощной крепости, где он укрепился со своими войсками. Войска Пердикки, хотя и были гораздо многочисленнее войск Птолемея, сражались без особого воодушевления, в то время как войска Птолемея прилагали все усилия под влиянием сильной привязанности, которую они испытывали к своему командиру. Пердикка потерпел поражение в этом сражении; и он был настолько ослаблен поражением, что решил отступить обратно за реку. Когда армия прибыла на берег ручья, войска начали переходить его; но после того, как примерно половина армии переправилась, они, к своему удивлению, обнаружили, что вода, которая все это время постепенно становилась глубже, стала непроходимой. Причина такого углубления ручья поначалу была большой загадкой, поскольку поверхность воды, о чем свидетельствовали отметины вдоль берега, все время оставалась на одном и том же уровне. Наконец было установлено, что причиной этого экстраординарного явления было то, что песок на дне реки был истоптан ногами людей и лошадей при переправе, так что течение воды могло смыть его; и было такое огромное количество шагов, сделанных сменявшими друг друга отрядами войск, что к тому времени, когда переправа была завершена наполовину, вода стала слишком глубокой, чтобы перейти ее вброд. Таким образом, Пердикка оказался, так сказать, в ловушке — половина его армии оказалась на одном берегу реки, а он сам с остальными на другом.

Огромное количество людей бросилось в реку и было уничтожено.

Он был серьезно встревожен опасной ситуацией, в которой оказался, и немедленно прибегнул к различным средствам, чтобы устранить неожиданное затруднение. Однако все его усилия были напрасны. Наконец, поскольку казалось крайне необходимым осуществить соединение между двумя дивизиями его армии, он приказал тем, кто перешел на сторону противника, попытаться во что бы то ни стало вернуться. Они так и сделали; но при этой попытке огромное количество людей вышло за пределы своей глубины, были унесены течением и утонули. Множество тел, как мертвых, так и умирающих, было схвачено и съедено крокодилами, которые окаймляли берега реки внизу. Таким образом, при попытке переправиться через ручей погибло около двух тысяч человек.

Во всех военных операциях критерием заслуг, по мнению армии, является успех; и, конечно, недовольство, царившее в лагере Пердикки, вновь вспыхнуло вследствие этих неудач. Произошел всеобщий мятеж. Военачальники сами возглавили это дело, и сотня из них всем отрядом перешла на сторону Птолемея, забрав с собой значительную часть армии; в то время как те, что остались, остались с Пердиккой, но не для защиты, а для того, чтобы уничтожить его. Отряд всадников собрался вокруг его палатки, охраняя ее со всех сторон, чтобы помешать побегу своей жертвы, а затем некоторое количество людей ворвалось внутрь и убило его посреди его ужаса и отчаяния.

Царей отправляют обратно в Вавилон.

Антипатр возвращается в Македонию, полный почестей.

Птолемей подошел к лагерю Пердикки и был встречен там одобрительными возгласами. Вся армия немедленно подчинилась его командованию. Была достигнута договоренность о возвращении армии в Вавилон вместе с царями и их свитой. Пифон, один из военачальников

Пердикки, по возвращении принял командование армией и заботу о царской семье. Тем временем Антипатр вошел в Азию, одержав победу над войсками, которые Пердикка послал против него. Был проведен новый съезд военачальников и произведено новое распределение власти. Согласно новому соглашению, Антипатр должен был сохранить свое командование в Македонии и Греции и находиться под опекой царей. Соответственно, когда все было таким образом улажено, Антипатр отправился обратно в Македонию с Филиппом и Эвридикой, а также Роксаной и младенцем Александром в своей свите. Почтенный солдат — ибо сейчас ему было около восьмидесяти лет — был встречен в Македонии по возвращении всеобщими почестями и аплодисментами. На самом деле, было несколько соображений, которые сговорились возвысить Антипатра в глазах его соотечественников в этом случае. Он совершил великий военный подвиг, возглавив экспедицию в Азию, из которой теперь с триумфом возвращался. Он также возвращал в Македонию царскую семью Александра, представителей древнего македонского рода; и, став опекуном этих принцев и регентом империи от их имени, он был возведен в самое высокое положение, которое мог себе позволить весь мир в то время. Соответственно, македонцы встретили его возвращение громкими и всеобщими приветствиями.

Глава II.

Кассандр.

320-316 гг. до н. э.

Трудности Антипатра.

Хотя Антипатр, вернувшись в Македонию, вернулся осыпанный почестями и в полном и победоносном обладании властью, его положение все еще было не лишено трудностей. В Македонии у него были враги, две самые жестокие и неуправляемые женщины, которые когда-либо жили, — Олимпиада и Эвридика, — которые постоянно ссорились с ним и ненавидели друг друга даже больше, чем его.

Проблемы с Олимпиадой и Эвридикой.

Олимпиада в это время находилась в Эпире. Она осталась там, потому что не захотела подчиняться власти Антипатра, проживая в Македонии. Однако своими маневрами и интригами она преуспела в том, что доставила Антипатру немало хлопот. Ее древняя враждебность к нему сильно возросла и усугубилась из-за провала ее плана выдать замуж свою дочь Клеопатру за Пердикку из-за авансов, которые Антипатр сделал от имени своей дочери Никеи; и хотя Никея и Пердикка теперь были мертвы, все же эта сделка была оскорблением, которое такая женщина, как Олимпиада, никогда не смогла бы простить.

Характер Эвридики.

Ее диктаторское и властное поведение.

Эвридика была для Антипатра еще большим источником раздражения и смущения, чем сама Олимпиада. Она была женщиной с очень мужским складом ума, и ее мать, Кинейн, приучила ее к боевым упражнениям, подобным тем, которым в те дни обычно обучали молодых мужчин. Она умела стрелять из лука, метать дротик и скакать верхом во главе отряда вооруженных людей. Как только она вышла замуж за Филиппа, она сразу же начала напускать на себя вид властности, думая, очевидно, что она сама, будучи женой короля, имеет право на гораздо большую долю королевской власти, чем генералы, которые, по ее мнению, были всего лишь его наставниками и опекунами или, в крайнем случае, всего лишь военными агентами, назначенными для исполнения его воли. Во время памятной экспедиции в Египет Пердикке было очень трудно осуществлять какой-либо контроль над ней; а после смерти Пердикки она взяла более надменный и властный тон, чем когда-либо. По возвращении из Египта она постоянно ссорилась с Пифоном, командующим армией, и самым решительным образом воспротивилась назначению Антипатра хранителем царских особ.

Трипарадейская конвенция.

Буйство Эвридики.

Жизнь Антипатра в опасности.

Местом, где проводилась консультация, на которой была назначена эта встреча, был Трипарадейсус,^[F] в Сирии. Это было то место, где экспедиция Антипатра, шедшая из Малой Азии, встретила возвращающуюся египетскую армию. Как только произошло соединение двух армий и был созван большой совет, Эвридика самым яростным образом воспротивилась происходящему. Антипатр упрекнул ее за то, что она проявила такое волнение и непокорность духа. Это рассердило ее еще больше, чем когда-либо; и когда, наконец, Антипатра назначили регентом, она вышла и произнесла официальную речь перед армией, в которой в самых суровых выражениях осудила Антипатра, обвинила его в преступлениях и упреках и попыталась подстрекнуть солдат к восстанию. Антипатр попытался защититься от этих обвинений спокойным ответом, но влияние, которое оказало бурное красноречие Эвридики на умы солдат, было для него слишком велико. Последовал очень серьезный бунт, который грозил привести к самым плачевным результатам. Какое-то время жизнь Антипатра находилась в самой непосредственной опасности, и его спасло только вмешательство некоторых других военачальников, которые рисковали собственными жизнями, чтобы спасти его от разъяренных солдат.

Эвридика вынуждена подчиниться.

Возбуждение от этой сцены постепенно улеглось, и, поскольку военачальники настаивали на заключенном ими соглашении, Эвридика оказалась вынужденной подчиниться ему. На самом деле в ее руках не было никакой реальной власти, кроме как устраивать временные неприятности; и, как это обычно бывает с такими персонажами, как она, когда она обнаружила, что ее капризность и упрямство не могут сдвинуть с места окружающих, она подчинилась необходимости дела, хотя и в угрюмой манере. Таковы были отношения, которые Антипатр и Эвридика связали друг с другом по возвращении Антипатра в Македонию.

Антипатр опасно болен.

Однако неприятностям в его правительстве, которые, как Антипатр мог разумно ожидать, могли возникнуть из-за его связи с Олимпиадой и Эвридикой, было суждено продлиться очень

недолго, что касалось его лично; ибо вскоре после его возвращения в Македонию он заболел опасной болезнью, от которой вскоре стало очевидно, что жизненный принцип, которого он достиг в преклонном возрасте, вскоре должен был уступить. Фактически, сам Антипатр вскоре оставил все надежды на выздоровление и сразу же начал принимать меры к окончательной передаче своей власти.

Принятые им меры.

Меры Антипатра по наследованию престола.

Полисперхон.

Следует помнить, что когда Кратер прибыл из Азии в Македонию примерно ко времени смерти Александра, он привел с собой полководца по имени Полисперхон, который, хотя и был номинально вторым в командовании, на самом деле руководил армией на марше, поскольку сам Кратер в то время был инвалидом. Когда некоторое время спустя Антипатр и Кратер отправились в свою экспедицию в Азию на войну против Пердикки, Полисперхонт был оставлен во главе Македонского царства, чтобы управлять им в качестве регента до возвращения Антипатра. У Антипатра был сын по имени Кассандр, который был генералом в его армии. Кассандр, естественно, ожидал, что во время отсутствия его отца царство будет передано в его ведение. Однако по той или иной причине Антипатр предпочел Полисперхона и доверил ему управление страной. Полисперхонт, конечно, познакомился с обязанностями правительства и приобрел обширные знания о македонских делах. Он тоже хорошо управлял страной, и люди привыкли к его власти. Поэтому Антипатр пришел к выводу, что было бы лучше сохранить Полисперхона у власти после его смерти, а не смещать Полисперхона ради продвижения его сына Кассандра. Поэтому он предусмотрел предоставление Кассандру очень высокого командования в армии, но отдал царство Полисперхону. Этот поступок, хотя сам Кассандр так и не простил его, поднял Антипатра на более высокое место, чем когда-либо, в глазах человечества. Они сказали, что он сделал то, чего раньше не делал ни один монарх: решив важный вопрос о престолонаследии, он заставил возвышение своей собственной семьи уступить место благосостоянию королевства.

Антипатр на смертном одре, среди других советов, которые он давал Полисперхону, очень серьезно предостерегал его от опасности уступить какой-либо женщине какую бы то ни было долю в управлении государственными делами. Женщина, сказал он, по самой своей природе является импульсивным созданием, и во всем своем поведении руководствуется эмоциями и страстями своего сердца. Она не обладала ни одним из спокойных, рассудительных и контролирующих себя принципов мудрости и благоразумия, столь необходимых для надлежащего управления делами государствами наций. Эти предостережения в том виде, в каком их произносил Антипатр, были сформулированы в общих чертах, но понимались как относящиеся к Олимпиаде и Эвридике, которыми всегда было очень трудно управлять и которые, конечно, когда Антипатра уберут со сцены, можно было ожидать, что они проявят дух, более навязчивый и неуправляемый, чем когда-либо.

Полисперхон приглашает Олимпиаду вернуться в Македонию.

Однако эти советы умирающего царя, по-видимому, оказали очень мало влияния на Полисперхонта; ибо одной из первых мер его правительства после смерти Антипатра было послать в Эпир приглашение Олимпиаде вернуться в Македонию. Решение об этой мере было принято на большом совете, который Полисперхонт созвал для обсуждения состояния

государственных дел, как только власть перешла в его руки. Полисперхонт считал, что ему следует значительно укрепить свою администрацию, привлекая Олимпиаду на свою сторону. Она пользовалась большим почитанием у всего народа Македонии; не из-за каких-либо личных качеств, которыми она обладала, дающих право на такое уважение, а потому, что она была матерью Александра. Поэтому Полисперхонт считал очень важным заручиться ее влиянием и престижем ее имени в свою пользу. В то же время, стремясь таким образом умиловить Олимпиаду, он пренебрегал Кассандром и всеми другими членами семьи Антипатра. Несомненно, он считал их соперниками и антагонистами, которых он должен был подавлять всеми доступными ему средствами.

Кассандр планирует восстание.
Его мнимый охотничий отряд.

Кассандр, который был человеком очень смелым, решительным и честолюбивым, некоторое время спокойно оставался при дворе Полисперхона, внимательно наблюдая за всем, что делалось, и молча прокручивая в уме вопрос, какого курса ему самому следует придерживаться. В конце концов он собрал небольшую группу своих друзей, чтобы отправиться на охоту. Оказавшись на безопасном расстоянии от двора Полисперхона, он созвал своих друзей и сообщил им, что решил не подчиняться узурпации Полисперхона, который, заняв македонский трон, захватил то, что по праву принадлежало, по его словам, ему, Кассандру, как сыну и наследнику своего отца. Он пригласил своих друзей присоединиться к нему в деле свержения Полисперхона и принятия короны.

Кассандр объясняет свои замыслы друзьям.

Он настаивал на этом начинании, приводя весьма благовидные аргументы. Это был единственный путь к безопасности как для них, так и для него, поскольку все они, то есть друзья, которым Кассандр делал эти предложения, были друзьями Антипатра; а Олимпиада, которую Полисперхонт собирался посвятить в свои советы, ненавидела само имя Антипатра и, несомненно, проявляла самую безжалостную враждебность ко всем, кого она считала его друзьями. По его словам, он был уверен, что азиатские князья и полководцы поддержат его дело. Они были горячо привязаны к Антипатру и не захотели бы добровольно лишить его сына и законного преемника его законных прав. Кроме того, Филипп и Эвридика присоединятся к нему. Им было чего опасаться со стороны Олимпиады, и они, конечно же, выступили бы против власти Полисперхона теперь, когда он решил вступить с ней в союз.

Они соглашаются присоединиться к нему.

Друзья Кассандра очень охотно согласились на его предложение, и результат доказал истинность его предсказаний. Азиатские князья оказали Кассандру очень эффективную помощь в его попытке свергнуть своего соперника. Олимпиада поддерживала Полисперхона, в то время как Эвридика поддерживала дело Кассандра. Последовал ужасный конфликт. Некоторое время он велся в Греции и в других странах, более или менее удаленных от Македонии, причем преимущество в боях было иногда на одной стороне, иногда на другой. Нет необходимости подробно описывать здесь события, произошедшие во время сражения, пока театр военных действий находился за границами Македонии, поскольку стороны, с которыми мы сейчас конкретно имеем дело, не были непосредственно затронуты конфликтом, пока он не приблизился к нашей стране.

Олимпиада боится возвращаться в Македонию.

Здесь следует отметить, что Олимпиада сначала не приняла приглашение вернуться в Македонию, которое прислал ей Полисперхонт. Она колебалась. Она посоветовалась со своими друзьями, и они так и не пришли к решению относительно того, какой путь ей лучше избрать. За время своего прежнего пребывания там она нажила себе очень много врагов в Македонии, и она хорошо знала, что ей придется сильно опасаться их враждебности в случае, если она вернется и таким образом снова, так сказать, попадет в их власть. Кроме того, было совершенно неясно, какое направление в конечном итоге примут дела в Македонии. Антипатр завещал царство Полисперхону, это было правдой; но могли возникнуть большие сомнения в том, что народ согласится с этим решением и позволит верховной власти спокойно оставаться в руках Полисперхона. Поэтому она решила ненадолго остаться там, где была, пока не увидит, как в конце концов повернется дело. Соответственно, она продолжала проживать в Эпире, поддерживая, однако, постоянную переписку с Полисперхоном относительно мер его правительства и с величайшей заботой и беспокойством наблюдая за ходом войны между ним и Кассандром в Греции, когда эта война разразилась.

Война между Кассандром и Полисперхоном.

Любопытный инцидент.

Кассандр оказался слишком силен для Полисперхона в Греции. Он получил большие отряды войск от своих азиатских союзников, и он маневрировал и управлял этими силами с такой храбростью и мастерством, что Полисперхонт не смог вытеснить его из страны. Однажды во время кампании произошел несколько любопытный инцидент, который иллюстрирует способы ведения войны, практиковавшиеся в те дни. Похоже, что один из городов Пелопоннеса, названный Мегалополем, был на стороне Кассандра, и когда Полисперхонт прислал им повестку с требованием сдаться ему и признать его власть, они забрали все свое имущество и все свое население за стенами и объявили ему неповиновение. Затем Полисперхонт двинулся вперед и осадил город.

Полисперхон мой.

Желаю успеха.

После того, как он полностью окружил город и начал операции с разных сторон, чтобы привлечь внимание гарнизона, он нанял отряд саперов и шахтеров для тайного подрыва части стены. Порядок действий при подобных операциях заключался в том, чтобы прорыть подземный ход, ведущий к фундаменту стены, а затем, как только эти фундаменты были сняты, заменить подпорки для поддержки свернапорной массы до тех пор, пока все не будет готово для вскрытия шахты. Когда раскопки были завершены, подпорки внезапно убирались, и стена обваливалась, к великому изумлению осажденных, которые, если операция была проведена умело, ничего не знали об опасности до тех пор, пока ее окончательное завершение внезапно не открыло перед их глазами огромную брешь в их обороне. Шахта Полисперхона была настолько удачной, что в нее обрушились три башни со всей соединяющей их стеной. Эти башни рухнули с ужасающим грохотом, материалы, из которых они были сложены, лежали после падения, наполовину зарытые в землю, грудой развалин.

Конфликт.

Ужас, вызванный появлением слонов.

Гарнизон города немедленно в большом количестве прибыл на место, чтобы предотвратить проникновение врага; в то время как, с другой стороны, сильный отряд войск бросился вперед из лагеря Полисперхона, чтобы пробиться через брешь в город. Последовал очень отчаянный конфликт, и пока мужчины города были таким образом заняты сдерживанием захватчиков, женщины и дети были заняты возведением линии укреплений дальше внутри, чтобы прикрыть отверстие, которое было проделано в стене. Жители города одержали победу в этом бою. Штурмующий отряд был отброшен назад, и осажденные начали поздравлять себя с избавлением от угрожавшей им опасности, как вдруг они были безмерно напуганы известием о том, что осаждающие готовят караван слонов, чтобы провести их через брешь. В те дни слонов часто использовали на войне в азиатских странах, но в Греции они редко появлялись. Полисперхонт, однако, имел некоторое их количество в обозе своей армии, и солдаты Мегалополя были охвачены ужасом при мысли о том, что их растопчут эти огромные звери, поскольку они были совершенно не осведомлены о средствах борьбы с ними.

План защиты от них.
Железные шипы.

Однако случилось так, что в это время в городе Мегалополе находился солдат по имени Дамид, который в прежние годы служил в Азии при Александре Македонском. Он пошел к офицерам, которые командовали в городе, и предложил свою помощь. "Ничего не бойся, - сказал он, - но продолжай свои приготовления к обороне, а слонов предоставь мне. Я отвечу за них, если ты сделаешь, как я скажу". Офицеры согласились следовать его инструкциям. Он немедленно приказал изготовить большое количество острых железных шипов. Эти шипы он прочно воткнул в концы коротких деревянных кольев, а затем воткнул колья в землю по всему периметру укреплений и в бреши таким образом, чтобы сами шипы остриями вверх выступали из земли. Затем шипы были скрыты от посторонних глаз, засыпав землю соломой и другим подобным мусором.

Следствием такого расположения было то, что, когда слоны двинулись вперед, чтобы войти в брешь, они наступили на эти шипы, и вскоре вся их колонна была выведена из строя и приведена в замешательство. Некоторые слоны были ранены так серьезно, что упали там, где стояли, и не смогли подняться. Другие, обезумев от боли, которую они перенесли, поворачивали назад и топтали ногами своих собственных хранителей в попытках скрыться с места происшествия. Короче говоря, брешь вскоре оказалась заваленной телами животных и людей, что нападавшие были вынуждены отказаться от борьбы и отступить. Вскоре после этого Полисперхон снял осаду и вообще покинул город.

Фактически, партия Кассандра в конце концов одержала победу в Греции, и Полисперхонт решил вернуться в Македонию.

Олимпиада наконец решает отправиться в Македонию.

Тем временем Олимпиада решила приехать в Македонию и помочь Полисперхону в его состязании с Кассандром. Соответственно, она покинула Эпир и с небольшим отрядом войск, которым снабдил ее ее брат Александр, бывший в то время царем Эпира, отправилась дальше и присоединилась к Полисперхону по его возвращении. Эвридика была встревожена этим, ибо, поскольку она считала Олимпиаду своей главной политической соперницей и врагом, она очень хорошо знала, что ни для нее, ни для ее мужа не будет безопасности, если Олимпиада получит

власть при дворе Полисперхона. Соответственно, она начала призывать окружающих ее людей в городе, где она тогда проживала, вооружиться для ее защиты. Они так и сделали, и таким образом были собраны значительные силы. Эвридика встала во главе всего этого. Она отправила гонцов к Кассандру, убеждая его немедленно приехать и присоединиться к ней. Она также отправила посольство к Полисперхону, приказав ему от имени царя Филиппа передать свою армию Кассандру. Конечно, это была всего лишь форма, поскольку она не могла ожидать, что такой приказ будет выполнен; и, соответственно, отдав эти приказы, она встала во главе собранных ею войск и выступила навстречу возвращающемуся Полисперхону, намереваясь, если он не подчинится, дать ему бой.

Войска Эвридики покидают ее.
Олимпиада в своей колеснице.

Однако все ее замыслы в конце концов были расстроены весьма неожиданным образом. Ибо, когда две армии приблизились друг к другу, солдаты, которые были на стороне Эвридики, вместо того чтобы сражаться за ее дело, как она ожидала, полностью подвели ее во время испытания. Ибо, когда они увидели Олимпиаду, которую они давно привыкли почти боготворить как жену старого царя Филиппа и мать Александра, и которая теперь двигалась им навстречу по возвращении в Македонию в великолепном сопровождении и ехала в своей колеснице во главе армии Полисперхона с видом и величием царицы, они были так поражены возбуждением от этого зрелища, что всем скопом оставили Эвридику и перешли, по общему согласию, на сторону Полисперхона.

Эвридика схвачена.
Ее отправляют в темницу.
Смерть Филиппа.
Отчаяние Эвридики.
Келья.
Ужасный конец Эвридики.

Конечно, сама Эвридика и ее муж Филипп, который был с ней в это время, попали в руки Полисперхона в качестве пленников. Олимпиада была почти вне себя от ликования и радости, что ее ненавистная соперница таким образом оказалась в ее власти. Она заточила Эвридику и ее мужа в темницу, такую маленькую, что им едва хватало места, чтобы повернуться в ней; и пока они были таким образом заключены, единственное внимание, которое уделялось несчастным узникам, заключалось в том, что их время от времени кормили грубыми припасами, которые им подсовывали через дыру в стене. Обезопасив таким образом Эвридику, Олимпиада приступила к осуществлению своей мести всем членам семьи Антипатра, которых смогла заполучить в свою власть. Кассандр, правда, в настоящее время был вне ее досягаемости; он постепенно продвигался через Фессалию в Македонию во главе мощной и победоносной армии. Однако был еще один сын Антипатра, по имени Никанор, который в то время находился в Македонии. Его она схватила и предала смерти вместе с примерно сотней его родственников и друзей. На самом деле, ее гнев против дома Антипатра был настолько силен и безумен, что она открыла гробницу, где было похоронено тело другого его сына, и приказала вынести останки и выбросить на улицу. Люди вокруг нее начали протестовать против подобных зверств; но эти протесты, вместо того чтобы умерить ее ярость, только еще больше разожгли ее. Она послала в темницу, где содержались ее пленники, Филипп и Эвридика, и приказала заколоть

Филиппа кинжалами; а затем, когда эта ужасная сцена едва закончилась, к Эвридике вошел палач с кинжалом, веревкой и чашей с ядом, сказав, что Олимпиада послала их ей, чтобы она могла сама выбрать, от чего ей умереть. Эвридика, получив это послание, ответила: "Я молю Небеса, чтобы однажды самой Олимпиаде была представлена подобная альтернатива". Затем она разорвала льняное платье, которое было на ней, на бинты и перевязала этими бинтами раны на мертвом теле своего мужа. Исполнив этот ужасный, хотя и бесполезный долг, она затем, отвергнув все три способа саморазрушения, которые предложила ей Олимпиада, задушила себя, туго завязав на шее ленту, которую взяла из своего собственного наряда.

Эвридика в тюрьме.

Движения Кассандра.

Конечно, весть об этом разбирательстве не заставила себя долго ждать, чтобы дойти до Кассандра. В это время он находился в Греции, продвигаясь, однако, медленно на север, к Македонии. Направляясь из Греции в Фессалию, его маршрут лежал через знаменитый Фермопильский перевал. Он обнаружил, что этот проход охраняется большим отрядом войск, которые были размещены там, чтобы воспрепятствовать его проходу. Он немедленно собрал все корабли, шлюпки, галеры и суда всех видов, какие только смог раздобыть, и, погрузив на них свою армию, проплыл мимо ущелья и высадился в Фессалии. Оттуда он двинулся в Македонию.

Олимпиада действует самым энергичным образом.

Пока Кассандр таким образом медленно приближался, Полисперхонт и Олимпиада были очень энергично заняты приготовлениями к его приему. Олимпиада с Роксаной и юным Александром, которому сейчас было около пяти лет, в своей свите путешествовала взад и вперед по городам Македонии, призывая народ к оружию, вербуя всех, кто хотел поступить к ней на службу, и собирая деньги и военные припасы. Она также послала в Эпир к царю Эакиду, отцу Пирра, умоляя его прийти ей на помощь со всеми силами, которые он мог привести. Полисперхонт тоже, хотя и был отделен от Олимпиады, прилагал все усилия, чтобы укрепиться против приближающегося врага. Так обстояли дела, когда Кассандр вступил в Македонию.

Осада Пидны.

Кассандр немедленно разделил свои войска на два отдельных отряда и, отправив один из них под командованием способного полководца атаковать Полисперхонт, сам отправился в погоню за Олимпиадой. Олимпиада отступала перед ним, пока, наконец, не достигла города Пидна, расположенного в юго-восточной части Македонии, на берегу Эгейского моря.^[G] Она знала, что сил под ее командованием недостаточно, чтобы дать противнику сражение, и, соответственно, она вошла в город и укрепилась там. Кассандр немедленно выдвинулся к этому месту и, обнаружив, что город слишком сильно укреплен, чтобы его можно было взять приступом, окружил его своей армией и плотно обложил как с суши, так и с моря.

Передвижение Кассандра.

Унос Пирра.

Город не был хорошо подготовлен к осаде, и жители внутри него очень скоро начали страдать от нехватки провизии. Олимпиада, однако, убеждала их держаться, сообщив им, что она послала в Эпир за помощью и что царь Эакид уже в пути с большим войском, чтобы прийти ей на помощь. Это было чистой правдой; но, к несчастью для Олимпиады, Кассандр знал об этом факте так же хорошо, как и она, и, вместо того чтобы ждать, пока войска Ацида придут и нападут на него, он послал большие вооруженные силы на границу между Эпиром и Македонией, чтобы перехватить этих ожидаемых союзников в горных перевалах. Это движение было успешным. Армия Ацида обнаружила, когда они достигли границы, что все проходы, ведущие в Македонию, были заблокированы войсками противника. Они предприняли несколько безуспешных попыток прорваться; и тогда ведущие офицеры армии, которые никогда по-настоящему не горели желанием ввязываться в войну, восстали против Ацида и вернулись домой. И поскольку в случае актов насилия и революции всегда безопаснее довести дело до конца, когда оно однажды начато, они полностью свергли Эацида и возвели на трон вместо него другую ветвь королевской семьи. Именно в этот момент младенец Пирр был схвачен и унесен своими друзьями, чтобы спасти ему жизнь, как упоминалось в первых абзацах этой истории. Подробности этого переворота и бегства Пирра будут более подробно описаны в следующей главе. Здесь достаточно сказать, что попытка Эакида прийти на помощь Олимпиаде в ее бедственном положении полностью провалилась, и теперь не осталось ничего, кроме городской стены, чтобы защитить ее от ужасного врага.

Олимпиада прибегает к хитрости.

Тем временем положение в городе из-за нехватки продовольствия стало ужасным. Сама Олимпиада, Роксана, мальчик и другие придворные дамы питались мясом лошадей. Солдаты пожирали тела своих товарищей, убитых на стене. Говорили, что они кормили слонов опилками.

Солдаты и жители города, находившие такое положение вещей невыносимым, постоянно дезертировали к Кассандру, тайком спускаясь ночью со стены. И все же Олимпиада не сдавалась; у нее оставалась еще одна надежда. Она ухитрилась отправить гонца к Полисперхону с письмом, прося его прислать галеру в гавань в определенное время ночи, чтобы она могла подняться на борт и таким образом спастись. Кассандр перехватил этого гонца. Прочитав письмо, он снова вернул его гонцу и приказал ему отправиться дальше и доставить его. Гонец так и сделал, и Полисперхонт отправил галеру. Кассандр, конечно, ждал этого и сам схватил его, когда оно пришло. Таким образом, погасла последняя надежда несчастной Олимпиады, и она открыла ворота и отдалась Кассандру. Сразу после этого вся страна попала в руки Кассандра.

Олимпиада в тюрьме.

Друзья семьи Антипатра теперь громко требовали, чтобы Олимпиада была привлечена к ответственности за столь зверское убийство сыновей и родственников Антипатра, пока она была у власти. Олимпиада заявила, что желает предстать перед судом, и обратилась к македонскому сенату с просьбой быть ее судьями. Она полагалась на то влияние, которым так долго пользовалась в умах македонян, и не верила, что они осудят ее. Сам Кассандр боялся, что они этого не сделают; и хотя он не хотел убивать ее, пока она была беззащитной пленницей в его руках, он решил, что она должна умереть. Он тайно порекомендовал ей не рисковать судебным разбирательством, а совершить побег и уехать в Афины, и предложил дать ей возможность сделать это. Говорили, что он намеревался, если она предпримет такую попытку, перехватить и убить ее по дороге как скрывающуюся от правосудия. Она отказалась принять это предложение, подозревая, возможно, в нем предательство Кассандра. Затем Кассандр послал отряд из двухсот солдат, чтобы предать ее смерти.

Ее конец.

Эти солдаты, войдя в тюрьму, были настолько поражены присутствием королевы, на которую в прежние годы они привыкли смотреть с таким благоговением, что отступили от своего долга, и какое-то время казалось, что никто не нанесет удара. В конце концов, однако, некоторые из них, которые были родственниками тех, кого убила Олимпиада, преуспев в том, что им удалось взяться за оружие с решимостью отомстить, напали на нее и убили своими мечами.

Что касается Роксаны и мальчика, Кассандр много лет держал их взаперти; и, наконец, все больше и больше чувствуя, что его обладание троном Александра постоянно находится под угрозой из-за существования сына Александра, он приказал убить и их.

Глава III.

Ранняя жизнь Пирра.

332-295 гг. до н. э.

Семья из Эпира.

Их трудности.

В двух предыдущих главах мы рассказали о той части истории Македонии, которую необходимо понять, чтобы правильно оценить природу трудностей, с которыми столкнулась царская семья Эпира в то время, когда Пирр впервые появился на сцене. Источников этих трудностей было два: во-первых, неопределенность линии наследования, поскольку существовало две ветви царской семьи, каждая из которых претендовала на трон, и такое положение вещей было в значительной степени вызвано вмешательством Олимпиады в дела Эпира несколькими годами ранее; и, во-вторых, поступок Олимпиады, побудившей Эацида приехать в Македонию, чтобы начать там свою борьбу против Кассандра. Конечно, поскольку существовало две линии князей, обе претендовавшие на трон, ни один правитель ни той, ни другой линии не мог удержать в сердцах своих подданных ничего, кроме разделенной империи; и, следовательно, когда Эакид покинул царство, чтобы сражаться в битвах Олимпии в Македонии, оппозиционной ему партии было сравнительно легко совершить переворот и возвести на трон своего собственного принца.

Два Александра.

Их разные судьбы.

Принц, которого Олимпиада первоначально сделала царем Эпира, за исключением претендента, принадлежащего к другой ветви семьи, был ее родным братом. Его звали Александр. Он был сыном Неоптолема. Соперничающей ветвью семьи были дети Аримбаса, брата Неоптолема. Этот Александр процветал в то же время, что и Александр Македонский, и по своему характеру очень походил на своего выдающегося тезку. Он начал завоевательную карьеру в Италии в то же время, когда его племянник отправился в Азию, и начал ее тоже при очень похожих обстоятельствах. Один отправился на Восток, а другой на Запад, каждый из которых был полон решимости стать хозяином мира. Александр Македонский преуспел. Александр Эпирский потерпел неудачу. Следовательно, один из них приобрел всеобщую и вечную известность, в то время как память о другом была почти полностью забыта.

Приключения Александра Македонского.

Одной из причин, несомненно, разницы в этих результатах, была разница в характере врагов, с которыми приходилось бороться двум искателям приключений. Александр Эпирский отправился на запад, в Италию, где ему пришлось столкнуться с римской армией — армией с самым суровым, решительным и неукротимым характером. Александр Македонский, с другой стороны, отправился на Восток, где ему пришлось сражаться только с азиатскими народами, чьи войска, хотя и были бесчисленны по численности и великолепно экипированы для всех целей парада и шоу, все же были пресыщены роскошью и совершенно неспособны противостоять какому-либо энергичному и решительному врагу. Фактически, Александр Эпирский говорил, что причина, по которой его племянник, Александр Македонский, добился успеха, в то время как он сам потерпел неудачу, заключалась в том, что он сам вторгся в страны,

населенные *мужчинами*, в то время как македонянин в своей азиатской кампании сталкивался только с женщинами.

Тарентский залив.

Как бы то ни было, поход Александра Эпирского в Италию закончился весьма плачевно. Поводом для его поездки туда послужила просьба, которую он получил от жителей Тарента, о том, чтобы он приехал и помог им в войне, в которой они участвовали с некоторыми соседними племенами. Тарент был городом, расположенным на западном побережье Италии. Очертания Италии, изображенные на карте, предстают взору в начале глубокого залива, называемого Тарентским, залив занимает впадину у подножия горы.^[Н] Тарент находился, соответственно, через Адриатическое море от Эпира. Расстояние составляло около двухсот миль. Выбрав южный маршрут и пройдя вверх по Тарентскому заливу, это расстояние можно было преодолеть исключительно морем. Немного севернее Адриатическое море узкое, пролив там имеет всего около пятидесяти миль в поперечнике. Однако экспедиции, идущей этим курсом, после прибытия на берег Италии предстояло преодолеть пятьдесят миль или более по суше, чтобы достичь Тарента.

Оракул Додоны.

Двусмысленное предсказание.

Прежде чем принять решение удовлетворить просьбу тарентинцев о том, чтобы он пришел им на помощь, Александр послал к знаменитому оракулу в Эпире, называемому оракулом Додоны, узнать, безопасно ли для него предпринимать экспедицию. На его вопросы оракул дал ему такой ответ:

"Воды Ахерона станут причиной твоей смерти, а Пандосия - это место, где ты умрешь".

Пандосия.

Александр очень обрадовался, получив этот ответ. Ахерон был притоком Эпира, а Пандосия была городом на его берегах. Он понял, что этот ответ означал, что ему суждено тихо умереть в своей собственной стране в какой-то будущий период, вероятно, отдаленный, и что в его экспедиции, в которую он был призван, не было никакой опасности. Соответственно, он отплыл из Эпира и высадился в Италии; и там, полагая, что ему суждено умереть в Эпире, а не в Италии, он сражался в каждом сражении с самой отчаянной и безрассудной храбростью и проявлял чудеса доблести. Возможность существования Ахерона и Пандосии в Италии, так же как и в Эпире, не приходила ему в голову.

Неожиданное наводнение.

Его последствия.

Снесенный мост.

Какое-то время его карьера была очень успешной. Он участвовал в битвах, одерживал победы, завоевывал города и установил свое господство над довольно обширным регионом. Чтобы удержать то, что он приобрел, он отправил большое количество заложников в Эпир, чтобы их держали там в качестве гарантии дальнейшего подчинения тех, кого он подчинил. Эти заложники состояли в основном, как обычно в таких случаях, из детей. Наконец, в ходе войны представился случай, когда для защиты его войск было необходимо разбить их лагерем на трех

холмах, расположенных очень близко друг к другу. Эти холмы были разделены низменностями и небольшим ручьем; но в то время, когда Александр разбил свой лагерь, ручей не представлял собой препятствия для свободного сообщения между различными подразделениями его армии. Однако разразился сильный дождь; ручей вышел из берегов; промежутки были затоплены. Это позволило врагу атаковать два лагеря Александра, в то время как для самого Александра было совершенно невозможно оказать им какую-либо помощь. Враг предпринял атаку и добился в ней успеха. Оба лагеря были разбиты, а расквартированные в них войска обращены в бегство. Те, кто остался с Александром, обескураженные безнадежным положением, в котором они оказались, взбунтовались и были отправлены в лагерь врага, предлагая выдать им Александра живым или мертвым, как они выберут, при условии, что им самим будет позволено вернуться на родину с миром. Это предложение было принято; но прежде чем оно было приведено в исполнение, Александр, обнаружив заговор, встал во главе решительной и отчаянной группы сторонников, прорвался сквозь ряды окружавших его врагов и скрылся в соседнем лесу. Из этого леса он отправился по дороге, которая привела его к реке, намереваясь перейти реку по мосту, который он ожидал там найти, а затем разрушить мост, как только он пересечет его, чтобы помешать своим врагам преследовать его. Таким образом он надеялся добраться до какого-нибудь безопасного места. Подойдя к берегу ручья, он обнаружил, что мост был снесен наводнением. Он, однако, въехал в воду верхом на лошади, намереваясь перейти ручей вброд. Поток был бурным, и опасность была неминуемой, но Александр продолжал движение. Наконец один из слуг, увидев, что его хозяину грозит неминуемая опасность утонуть, громко воскликнул: "Эта проклятая река! хорошо, что она называется Ахерон". Слово "Ахерон" на языке оригинала означает "Река скорби".

Река скорби.

Александр убит.

Его тело падает в реку.

Из этого восклицания Александр впервые узнал, что река, которую он пересекал, носила то же название, что и река в Эпире, о которой, как он предполагал, говорилось в предупреждении оракула. Его сразу охватил ужас. Он не знал, идти ли ему вперед или вернуться. Момент нерешительности внезапно прервался громкими криками его приближенных, поднявших митревогу о том, что предатели близко к нему. Затем Александр двинулся вперед по воде. Ему удалось взобраться на берег, но как только он это сделал, дротик одного из его врагов достиг его и убил на месте. Его безжизненное тело упало обратно в реку и поплыло вниз по течению, пока, наконец, не достигло лагеря врага, который оказался на берегу ручья внизу. Здесь его вытащили из воды и подвергли всевозможным унижениям. Солдаты разрубили тело надвое и, отправив одну часть в один из городов в качестве трофея своей победы, другую часть выставили в лагере в качестве мишени для стрельбы дротиками.

Женщина спасает останки.

Наконец в лагерь пришла женщина и с искренними мольбами и обильными слезами умоляла солдат отдать ей изуродованный труп. Ее целью в желании завладеть им было то, что она могла бы отправить его домой в Эпир, семье Александра, и купить за него свободу своему мужу и детям, которые были среди отправленных туда заложников. Солдаты удовлетворили эту просьбу, и части тела, которые были снова собраны вместе, были доставлены в Эпир и доставлены Олимпиаде, которая с почетом предала останки земле. Мы должны предположить,

что женщина, пославшая их, получила ожидаемую награду в виде возвращения своего мужа и детей, хотя об этом нас прямо не проинформировали.

Олимпиада.

Конечно, катастрофический результат этой самой неудачной экспедиции привел в Эпире к значительному снижению популярности и силы той ветви царской семьи, а именно линии Неоптолема, к которой принадлежал Александр. Соответственно, вместо того, чтобы ему наследовал один из его братьев, Эакид, отец Пирра, который был представителем другой линии, получил разрешение спокойно принять корону. Можно было ожидать, что Олимпиада воспротивилась бы его восшествию на престол, поскольку она сама была принцессой из конкурирующей линии. Однако она этого не сделала. Напротив, она оказала ему свою поддержку и очень тесно сблизилась с ним; а он, со своей стороны, стал в последующие годы одним из ее самых преданных сторонников и друзей.

Эациды маршируют, чтобы освободить Пидну.

Когда Олимпиада была заперта в Пидне армией Кассандра, как было рассказано в предыдущей главе, и послала за Эацидом, чтобы он пришел ей на помощь, он немедленно собрал армию и двинулся к границе. Он обнаружил, что перевалы в горах, которые вели из Эпира в Македонию, тщательно охраняются, но он все равно решил пробиться через них силой. Вскоре, однако, он начал замечать признаки недовольства среди офицеров своей армии. Эти признаки усиливались, пока, наконец, недовольство не переросло в открытый мятеж, о чем говорилось в предыдущей главе. Затем Эацид собрал свои силы и отдал приказ, чтобы всем, кто не пожелал следовать за ним в Македонию, было позволено свободно вернуться. По его словам, он не хотел, чтобы кто-либо сопровождал его в такой экспедиции, за исключением тех, кто отправился по собственной воле. Затем значительная часть армии вернулась, но вместо того, чтобы мирно разойтись по домам, они подняли всеобщее восстание в Эпире и снова возвели на трон семью Неоптолема. Был принят торжественный государственный указ, объявлявший, что Эакид, покидая королевство, лишился своей короны, и навсегда изгоняющий его из страны. И поскольку эта революция была направлена не только против Эацида лично, но и против ветви королевской семьи, к которой он принадлежал, новое правительство сочло необходимым завершить свою работу и убедиться, что многие из его родственников и друзей, и особенно его малолетний сын и наследник, должны умереть. Соответственно, несколько членов семьи Ацида были убиты, хотя дежурным удалось спасти жизнь ребенка внезапным бегством.

Бегство семьи с Пирром.

Отряду чудом удается спастись.

Побег был совершен с помощью двух приближенных Ацида, по имени Андроклид и Ангелус. Эти люди, как только была поднята тревога, поспешили увезти младенца, взяв с собой только тех медсестер и других сопровождающих, которых было необходимо взять с собой. Ребенок все еще не был отнят от груди, и хотя ответственные лица постарались, чтобы число сопровождающих было как можно меньше, все же отряд по необходимости имел такой характер, чтобы воспрепятствовать сколь-нибудь быстрому бегству. В погоню за ними был послан отряд, который вскоре начал приближаться. Когда Андроклид обнаружил, что его отряд будет настигнут войском, он поручил ребенка заботам трех молодых людей, приказав им

скакать с ним со всей возможной скоростью до определенного города в Македонии, называемого Мегары, где, по их мнению, он будет в безопасности; а затем он сам и остальная часть его отряда повернули назад, чтобы встретить преследователей. Им удалось, частично своими заявлениями и мольбами, а частично таким сопротивлением и препятствиями, какие были в их силах, остановить солдат на месте. Наконец, им, хотя и с некоторым трудом, удалось ускользнуть от солдат, Андроклидес и Ангелус продолжали путь тайными путями, пока не настигли трех молодых людей. Теперь они начали думать, что опасность миновала. Наконец, вскоре после захода солнца, они приблизились к городу Мегаре. Прямо перед городом протекала река, которая выглядела слишком бурной и ужасной, чтобы ее можно было перейти. Отряд, однако, подошел к краю и попытался перейти ручей вброд, но обнаружил, что это невозможно. Становилось темно; вода в реке, разбухшая от дождей, была очень высокой и бурной, и они обнаружили, что не могут перебраться через нее. Наконец они увидели, что несколько жителей города спускаются к берегу на противоположной стороне. Они надеялись, что эти люди смогут оказать им какую-нибудь помощь в переправе через ручей, и начали звать их с этой целью; но ручей бежал так быстро, а рев потока был таким сильным, что они не могли себя услышать. Расстояние было очень незначительным, так как ручей был нешироким; но, хотя группа с Пирром громко и настойчиво кричала и делала знаки, держа ребенка на руках, чтобы люди могли его увидеть, они не могли выразиться понятнее.

Оригинальный способ отправки письма.

Наконец, потратив некоторое время на эти бесплодные попытки, один из тех, кто был с Пирром, придумал написать то, что они хотели сказать, на куске коры и перебросить его через ручей тем, кто был на другом берегу. Соответственно, они оторвали немного коры с молодого дуба, росшего на берегу реки, и с помощью язычка пряжки сумели нанести на нее знаки, достаточные для того, чтобы сказать, что с ними Пирр, молодой принц Эпира, и что они летят с ним, чтобы спасти ему жизнь, и умолять людей на другом берегу придумать какой-нибудь способ переправить их через реку. Этот кусок коры им затем удалось перебросить через ручей. Некоторые говорят, что они обмотали им дротик, а затем отдали метать дротик самому сильному из своего отряда; другие говорят, что они прикрепили его к камню. Тем или иным способом им удалось придать ему достаточный импульс, чтобы перенести через воду; и люди на другом берегу, когда они получили его и прочитали, что на нем было написано, были сильно взволнованы новостью и сразу же с жаром и энтузиазмом принялись за спасение ребенка.

Плот.

Они принесли топоры и начали рубить деревья, чтобы соорудить плот. В назначенное время плот был закончен; и, несмотря на темноту ночи, силу и стремительность течения реки, группе беглецов удалось переправиться на нем и таким образом благополучно переправить ребенка и всех сопровождавших его слуг.

Отряд с Пирром не собирался останавливаться в Мегарах. На самом деле они считали небезопасным оставаться в какой-либо части Македонии, не зная, какой ход примет там война между Полисперхоном и Кассандром и как стороны, участвующие в противоборстве, могут повлиять на Пирра. Поэтому они решили продолжать свое бегство до тех пор, пока не пройдут Македонию и не достигнут страны за ее пределами.

Пирра везут в Иллирию.

Страной к северу от Македонии, на западном побережье, в которой они решили искать убежища, была Иллирия. Царя Иллирии звали Главкийас. У них были основания полагать, что Главкийс примет и защитит ребенка, поскольку он был связан узами брака с царской семьей Эпира, а его жена Бероя была принцессой из рода Ацидов. Когда беглецы прибыли ко двору Главия, они отправились во дворец, где нашли Главия и Бероя; и, рассказав историю об опасности, в которой они оказались, и о побеге, они положили ребенка как просителя к ногам короля.

Маленький Пирр при дворе Главция.

Главций был немало смущен ситуацией, в которую он попал, и не знал, что делать. Он долго молчал. Наконец маленький Пирр, который все это время лежал у его ног, начал подползать к нему ближе; и, наконец, ухватившись за царскую мантию, он начал карабкаться по ней вверх и попытался забраться к нему на колени, глядя в то же время в лицо царю с выражением уверенности и надежды, смешанным с неким инстинктивным детским страхом. Сердце короля было так тронут этой безмолвной просьбой, что он взял ребенка на руки, сразу выбросил из головы все благоразумные соображения и, в конце концов, передал мальчика королеве Бероя, поручив ей воспитывать его вместе со своими собственными детьми.

Кассандр вскоре обнаружил место отступления Пирра и приложил немало усилий, чтобы убедить Главция выдать его. Он предложил Главцию очень крупную сумму денег, если тот передаст Пирра в его руки, но Главций отказался это сделать. Кассандр, возможно, начал бы войну с Главкием, чтобы заставить его выполнить это требование, но в то время он был полностью занят врагами, которые угрожали ему в Греции и Македонии. Впоследствии он предпринял попытку вторгнуться во владения Главция и завладеть персоной Пирра, но экспедиция провалилась, и после этого мальчику было разрешено остаться в Иллирии без каких-либо дальнейших домогательств.

Пирр становится большим мальчиком.

Планы Кассандра.

Главк возводит Пирра на трон.

Время шло, пока, наконец, Пирру не исполнилось двенадцать лет. За это время в делах Кассандра в Македонии произошли большие перемены. Сначала он очень преуспел в своих планах. Ему удалось изгнать Полисперхона из страны и утвердить себя в качестве царя. Он приказал убить Роксану и юного Александра, как было сказано в предыдущей главе, чтобы убрать с дороги единственных людей, которые, по его мнению, могли когда-либо выдвинуть какие-либо конкурирующие претензии на трон. Какое-то время все у него шло хорошо и процветало, но в конце концов ход его дел, казалось, переменился. Противного в Азии появился новый враг — некий выдающийся полководец по имени Деметрий, который впоследствии стал одной из самых выдающихся личностей своего времени. Как раз в это время умер и царь Эпира Алкет, принц из рода Неоптолема, правивший во время ссылки Пирра в Иллирии. Главк счел это благоприятной возможностью для восстановления Пирра на троне. Соответственно, он встал во главе армии и двинулся в Эпир, взяв с собой молодого принца. Никакого эффективного сопротивления оказано не было, и Пирр был коронован царем. Конечно, на самом деле он был слишком молод, чтобы править, и, соответственно, у власти был своего рода регент, наделенный полномочиями управлять страной от имени молодого короля до его совершеннолетия.

Восстание.

Пирр снова в изгнании.

Такое положение вещей не могло быть очень стабильным. Оно продолжалось около пяти лет; и за это время Пирр, казалось, очень прочно утвердился у власти. Сила его положения, однако, была скорее кажущейся, чем реальной, поскольку принцы другой ветви семьи, которые были смещены после возвращения Пирра к власти, конечно, были все время недовольны и беспокойны. Они постоянно строили заговоры и интриги и только ждали возможности совершить еще одну революцию. Наконец такая возможность представилась. Один из сыновей Главция должен был жениться. Пирр был компаньоном и товарищем по играм этого принца во время его пребывания в Иллирии и, конечно же, был приглашен на свадьбу. Предположив, что в его владениях все в порядке, он принял приглашение и отправился в Иллирию. Пока он был там, развлекаясь празднествами и ликованием, связанными со свадьбой, его соперники подняли восстание, захватили правительство и все сокровища Пирра, убили или обратили в бегство его сторонников и друзей и возвели на трон принца из семьи Неоптолема. Пирр снова оказался в изгнании.

Пирр поступает на службу к Деметрию.

Пирр приобретает великую известность.

Революция в Эпире была настолько полной, что после тщательного рассмотрения и расследования Пирр понял, что с теми ресурсами, которые были в его распоряжении, нет никакой надежды вернуть себе трон. Но, будучи честолюбивым и беспокойным духом, он решил не оставаться праздным; и поэтому он решил поступить на службу к Деметрию в его войне против Кассандра. К этому его побудили два соображения. Во-первых, Кассандр был его самым грозным врагом, и он хорошо знал, что перспектива его окончательного восстановления на троне будет почти полностью зависеть от возможности уничтожить или, по крайней мере, ограничить власть Кассандра. Кроме того, Деметрий был его особым другом. Женой Деметрия была Дейдамия, сестра Пирра, так что Пирр смотрел на Деметрия как на своего естественного союзника. Соответственно, он предложил поступить на службу к Деметрию и был с готовностью принят. На самом деле, несмотря на его молодость — ибо сейчас ему было всего семнадцать или восемнадцать лет, — Деметрий поручил ему очень важное командование в своей армии и приложил немало усилий, чтобы обучить его военному искусству. Вскоре представилась возможность испытать способности Пирра как солдата. При Ипсе, в Малой Азии, произошла великая битва между Деметрием с одной стороны и Кассандром с другой. Помимо этих двух командиров, было много принцев и генералов самого высокого ранга, которые приняли участие в состязании в качестве союзников главных сражающихся, что сделало битву очень знаменитой и привлекло к ней очень сильное внимание всего человечества в то время, когда она произошла. Результат состязания был, в целом, неблагоприятен для дела Деметрия. Его войска, как правило, были вынуждены уступить, хотя дивизия, которой командовал Пирр, удержала свои позиции. Пирр, на самом деле, приобрел большую известность благодаря своему мужеству и энергии, и, возможно, еще больше благодаря своему успеху в этом деле. Несмотря на его молодость, Деметрий немедленно дал ему новое и очень ответственное командование и поручил ему руководство несколькими очень важными экспедициями и походами, во всех из которых молодой солдат проявил такую степень энергии и мужества в сочетании с такой предусмотрительностью, благоразумием и военным мастерством, что это очень ясно предвещало его последующую известность.

Он становится заложником.

В конце концов между Деметрием и Птолемеем, царем Египта, был заключен союз, и в качестве гарантии надлежащего исполнения обязательств, взятых Деметрием по договору, который они заключили, Птолемей потребовал заложника. Пирр предложил самому отправиться в Египет в этом качестве. Птолемей принял его, и Пирр, соответственно, был доставлен на одном из кораблей Птолемея через Средиземное море в Александрию.

Ситуация с заложником.

В Египте молодой принц, конечно же, был объектом всеобщего внимания. Он был высоким и красивым человеком, приятными манерами, дружелюбным и кротким нравом. Его царский сан, слава о совершенных им подвигах, несчастья его юных лет и странные романтические приключения, через которые он прошел, - все это сговорилось пробудить глубокий интерес к нему при дворе Птолемея. Ситуация заложника также всегда вызывает сочувствие и добрые чувства у тех, кто держит его под стражей. На пленника в некотором смысле смотрят как на врага; и хотя его тяжелая участь может вызывать определенную степень жалости и сочувствия, все же это доброе чувство всегда смягчается тем фактом, что объект этого, в конце концов, хотя и обезоружен и беспомощен, все же остается врагом. Однако заложник - это друг. Он приходит в качестве гарантии верности друга и союзника, так что симпатия и интерес, которые испытываются к нему как к изгнаннику из его родной страны, усиливаются тем обстоятельством, что его положение делает его естественным объектом дружеского отношения.

Пирр при дворе Птолемея.

Привязанность, которую вскоре начали испытывать к Пирру при дворе Птолемея, усилилась благодаря превосходному поведению, которое он демонстрировал, находясь там. Он был очень сдержан в своих удовольствиях, честен во всех своих поступках. Одним словом, он стал всеобщим любимцем и через год или два женился на Антигоне, принцессе королевской семьи. Из заложника он превратился в гостя, и вскоре после этого Птолемей снарядил экспедицию, чтобы отправиться в Эпир и восстановить его на троне. Прибыв в Эпир, Пирр обнаружил, что все благоприятствует успеху его планов. Народ страны был недоволен правительством правящего царя и очень хотел принять Пирра на его место. Переворот был легко осуществлен, и Пирр, таким образом, был снова восстановлен на своем троне.

Глава IV.

Войны в Македонии.

295-288 гг. до н. э.

Пирр восстановлен на своем троне.

Принц, которого Пирр сместил с эпирского трона по возвращении из Египта, как повествуется в предыдущей главе, был, конечно, из семьи Неоптолема. Его собственное имя было Неоптолемус, и он был вторым сыном Неоптолема, который дал свое имя роду.

Пирр проявил необычайную умеренность в своей победе над соперником; ибо вместо того, чтобы лишить его жизни или даже изгнать из царства, он отнесся к нему с почтением и предложил, как могло бы показаться, очень великодушно предоставить ему долю королевской власти. Неоптолем принял это предложение, и два царя долгое время правили совместно. Однако вскоре возникла трудность, которая привела к открытой ссоре, результатом которой стало то, что Неоптолем был убит. Обстоятельства, о которых рассказывают историки того времени, были следующими:

Праздник.

Празднества.

Похоже, что у людей Эпира был обычай отмечать ежегодный праздник в определенном городе королевства, главным образом с целью возобновления клятв верности, с одной стороны, и клятв верности, с другой, между народом и царем. Конечно, с этим праздником было связано великое множество игр и зрелищ, а также различных религиозных обрядов и церемоний; и среди других преобладавших обычаев у народа был обычай приносить подарки королю по этому случаю. Когда время для этого празднования повторилось, после восстановления Пирра на троне, и Пирр, и Неоптолемей, каждый в сопровождении своих особых последователей и друзей, отправились в город, где должно было состояться празднование, и начали празднества.

Дар Гелона.

Гелон и Миртил составляют заговор.

Среди других пожертвований, которые были сделаны Пирру на этом празднике, он получил в подарок две упряжки быков от некоего человека по имени Гелон, который был близким другом Неоптолема. По-видимому, у царей был обычай распоряжаться многими подарками, которые они получали по этим случаям от населения страны, раздавая их своим слугам и домашним чиновникам; и некий виночерпий по имени Миртил упросил Пирра отдать ему этих быков. Пирротклонил эту просьбу, но потом отдал волов другому человеку. Миртил был оскорблен этим и высказал в частном порядке много ропота и жалоб. Гелон, заметив это, пригласил Миртила поужинать с ним. Во время ужина он попытался еще больше возбудить неприязнь, которую Миртил испытывал к Пирру; и, обнаружив, что ему, по-видимому, это удалось, он в конце концов предложил Миртилу встать на сторону Неоптолема и присоединиться к заговору с целью отравления Пирра. Гелон сказал, что его должность виночерпия позволит ему осуществить такой замысел без труда и опасности, и, выполнив это, он настолько заслужит уважение Неоптолема, что сможет рассчитывать на самые щедрые награды. Миртил, по-видимому, воспринял эти предложения с большой благосклонностью; он с готовностью пообещал принять участие в заговоре и обещал выполнить отведенную ему роль в его осуществлении. Когда настало надлежащее время, после завершения ужина, Миртил простился с Гелоном и, отправившись прямо к Пирру, рассказал ему обо всем, что произошло.

Виночерпий делает вид, что присоединяется к заговору.

Пирр не предпринял никаких необдуманных или поспешных мер в чрезвычайной ситуации, ибо он очень хорошо знал, что если бы Гелону было предъявлено обвинение в преступлении, которое он намеревался совершить, он бы отрицал, что когда-либо предлагал это, и что тогда было бы только слово Миртила против слова Гелона, и что у беспристрастных людей не было бы никаких положительных средств сделать выбор между ними. Поэтому он очень мудро рассудил,

что, прежде чем предпринимать какие-либо решительные шаги, необходимо получить дополнительные доказательства того, что Гелон действительно сделал это предложение. Соответственно, он приказал Миртилу продолжать делать вид, что одобряет этот план, и предложить Гелону пригласить другого виночерпия по имени Алексикрат присоединиться к заговору. Алексикрату должны были тайно дать указание казаться готовым вступить в заговор, когда его призовут, и таким образом, как и ожидал Пирр, будут получены показания двух свидетелей о виновности Гелона.

Разговор, подслушанный весьма необычным образом.

Однако случилось так, что необходимые доказательства против Гелона были представлены без применения этой меры; ибо, когда Гелон сообщил Неоптолему, что Миртил согласился на его предложение присоединиться к нему в плане устранения Пирра с дороги, Неоптолемей был настолько вне себя от радости при мысли о том, что трон снова перейдет к его собственной семье, что не смог удержаться от раскрытия планам некоторым членам семьи, и, среди прочих, своей сестре Кадмии. В то время, когда он таким образом раскрыл замысел Кадмии, он предположил, что поблизости никого не было слышно. Разговор происходил в квартире, где он ужинал с Кадмией, и случилось так, что в это время на кушетке в углу комнаты лицом к стене лежала служанка и, по-видимому, спала. На самом деле она не спала и подслушала весь разговор. Однако она лежала неподвижно и не произнесла ни слова; но на следующий день она пошла к Антигоне, жене Пирра, и рассказала ей все, что услышала. Теперь Пирр счел доказательства того, что Неоптолемус замышлял его уничтожение, исчерпанными и решил принять решительные меры, чтобы предотвратить это. Соответственно, он пригласил Неоптолема на пир. Неоптолем, ничего не подозревая, пришел, и Пирр убил его за столом. С тех пор Пирр правил только в Эпире.

Ссора между наследниками Кассандра.

Пирру было сейчас около двадцати трех лет, и поскольку, при всей его умеренности в отношении юношеских удовольствий, он отличался очень честолюбивым нравом, он начал строить планы по расширению своей власти. Вскоре ему представилась возможность сделать военную карьеру. Кассандр, провозгласивший себя царем Македонии уже описанным способом, умер примерно в то время, когда Пирр утвердился на своем троне в Эпире. Он оставил двух сыновей, Александра и Антипатра. Эти братья немедленно поссорились, каждый из которых претендовал на наследство короны своего отца. Антипатр оказался сильнейшим в этой борьбе; и Александр, обнаружив, что он не может выстоять против своего брата без посторонней помощи, одновременно отправил гонцов к Пирру, а также к Деметрию в Фессалию, призывая обоих прийти к нему на помощь. Они оба были полны решимости сделать это. Деметрий, однако, был занят некоторыми предприятиями, которые на некоторое время задержали его, но Пирр немедленно встал во главе своей армии и приготовился перейти границу.

Пирр впервые принимает самостоятельное командование.

Начало этого похода знаменует важную эпоху в жизни Пирра, поскольку теперь у него впервые была армия, полностью находящаяся под его командованием. Во всех прежних военных операциях, в которых он участвовал, он был всего лишь генералом, действовавшим по приказу своего начальства. Теперь он был независимым сувереном, ведущим в бой свои собственные

войска и ни перед кем не ответственным за то, как он осуществлял свою власть. Характер, который он проявил в этом новом качестве, был таков, что очень скоро вызвал восхищение всех своих солдат и завоевал их расположение в очень сильной степени. Его прекрасная внешность, его огромная сила и ловкость во всех боевых упражнениях, его доброе отношение к своим солдатам, систематическая и умелая манера, с которой делались все его приготовления, и определенное благородство и великодушные характера, которые он проявлял во многих случаях, - все это в совокупности сделало его объектом всеобщего расположения.

Анекдоты о Пирре.

В лагере о нем рассказывали разные анекдоты, свидетельствовавшие о превосходстве его ума и том особом чувстве уверенности и силы, которое так часто сопутствует величию. Однажды одного человека обвинили в том, что он испытывает к нему неприязнь и имеет привычку при любых обстоятельствах злословить о нем; и некоторые из его советников предложили изгнать преступника. "Нет, - сказал Пирр, - пусть он останется здесь и говорит обо мне плохо только немногим, вместо того чтобы быть отосланным бродяжничать и дурно отзываться обо мне перед всем миром". В другой раз некоторые люди, находясь в полупьяном состоянии, на веселом приеме, очень свободно высказывались порицая то, что сделал Пирр. Их призвали к ответу за это; и когда Пирр спросил, правда ли, что они действительно говорили такие вещи, они ответили, что это правда. "И нет никаких сомнений, - добавили они, - что мы говорили бы гораздо хуже, если бы выпили еще вина". Пирр рассмеялся над этим ответом и отпустил виновных без всякого наказания. Эти и другие подобные проявления великодушия, которыми был отмечен характер генерала, произвели большое и очень благоприятное впечатление на умы всех, кто находился под его командованием.

Его популярность.

Обладая, таким образом, в очень высокой степени доверием и привязанностью своих войск, Пирр был способен вдохновлять их своим собственным рвением и порывистостью, когда они вступали в бой, и его войска одерживали победы почти в каждом конфликте. Куда бы он ни приезжал, он подчинял страну Александру и гнал Антипатра впереди себя. Он оставил свои гарнизоны в захваченных городах, чтобы обезопасить свои завоевания, и вскоре казалось очевидным, что Антипатр будет изгнан из страны, а на трон взойдет Александр.

В этот критический момент некоторые из союзников Антипатра задумали хитростью обойти своего врага, поскольку казалось, что он настолько превосходит их силой. Они знали, насколько сильным было его чувство почтения к Птолемею, царю Египта, своему тестю, и поэтому подделали письмо к нему от имени Птолемея, предписывающее ему заключить мир с Антипатром и уйти из Македонии. Антипатр, говорилось в письме, был готов заплатить ему триста талантов серебра в награду за то, что он это сделает, и в письме настоятельно призывалось принять это предложение и покинуть королевство.

Пирр обнаруживает подделку.

План фальсификаторов.

В древние времена было гораздо легче осуществить успешный обман такого рода, чем сейчас, поскольку тогда запись обычно выполнялась специально обученными для этой цели писцами, и поэтому в почерке сообщения редко было что-либо, что могло бы определить вопрос о его подлинности. Пирр, однако, обнаружил подлог, который был предпринят в данном случае, в тот

момент, когда он открыл послание. Оно начиналось словами: "Царь Птолемей царю Пирру, приветствие", тогда как подлинные письма Птолемея своему зятю всегда начинались так: "Отец своему сыну, приветствие".

Война окончена.

Пирр возвращается домой.

Пирр в суровых выражениях упрекнул организаторов этого мошенничества за их попытку обмануть его. Тем не менее, он согласился с сделанным ими предложением, и были проведены некоторые переговоры с целью мирного урегулирования спора. В конце концов, однако, переговоры провалились, и война продолжалась до тех пор, пока Александр не утвердился на своем троне. Затем Пирр вернулся в свое королевство. В награду за свои заслуги перед Александром он получил в дар ту часть македонской территории, которая лежит на побережье Адриатического моря, к северу от Эпира; и таким образом был восстановлен мир, и все казалось навсегда улаженным.

Возможно, читатель помнит, что в то время, когда Александр послал за Пирром, чтобы тот помог ему, он также послал за Деметрием, который в прежние годы был союзником и другом Пирра. На самом деле Дейдамия, сестра Пирра, была женой Деметрия. Деметрий был занят делами своего собственного правительства в то время, когда получил это послание, и тогда не был готовоказать желаемую помощь. Но через некоторое время, когда он уладил свои собственные дела, он встал во главе армии и отправился в Македонию. Однако теперь было уже слишком поздно, и Александр с сожалением узнал, что он приедет. Он уже расстался со значительной частью своего царства, чтобы отплатить Пирру за его помощь, и опасался, что Деметрий, если бы ему разрешили войти в царство, не остался бы доволен, не получив значительной части оставшегося.

Интервью с Деметриусом на границе.

Заговоры и контрзаговоры.

Соответственно, он двинулся навстречу Деметрию на границе. Здесь, во время беседы, которую он провел с ним, он поблагодарил его за доброту, проявленную при оказании ему помощи, но сказал, что теперь его помощь не потребуется. Деметриус сказал, что все было очень хорошо, и поэтому приготовился вернуться. Однако Александр, как впоследствии утверждал Деметрий, не собирался позволять ему уйти, а разработал план убийства во время ужина, на который он намеревался его пригласить. Деметрий избежал уготованной ему участи, неожиданно уйдя с ужина до того, как Александр успел осуществить свой план. После этого Деметрий пригласил Александра на ужин. Александр пришел безоружным и незащищенным, чтобы показать своему гостю пример беззаботности, в надежде, что Деметрий придет столь же беззащитным на второе представление, которое он приготовил для него на следующий день и на котором он намеревался принять такие меры, чтобы его гость ни при какой возможности не смог сбежать. Деметрий, однако, не стал дожидаться второй попытки, а приказал своим слугам убить Александра и всех, кто был с ним, пока они были заего столом. Один из людей Александра, когда на них было совершено нападение, сказал, когда солдаты Деметрия наносили ему удары ножом: "Вы слишком быстры для нас всего на один день".

Деметрий торжествует.

Македонские войска, которых Александр привел с собой на границу, услышав об убийстве своего царя, ожидали, что Деметрий немедленно нападет на них со всем своим войском и разорвет их на куски. Но вместо этого Деметрий послал им весточку, что он не намеревался причинить им никакого вреда, а, напротив, желал бы иметь возможность объяснить и оправдать им то, что он сделал. Соответственно, он встретился с ними и произнес краткую речь, в которой рассказал об обстоятельствах, побудивших его лишить жизни Александра, и оправдал это как акт самообороны. Эта речь была встречена бурными аплодисментами, и македонские солдаты немедленно провозгласили Деметрия царем.

Насколько правдиво было обвинение, выдвинутое Деметрием против Александра в намерении убить его, сказать, конечно, невозможно. Доказательств этому факту не было, да и не могло быть никаких доказательств, кроме таких, которые Деметриус мог легко сфабриковать. Это универсальное оправдание, которое предлагается во все века виновными в политических преступлениях, что они были вынуждены сами совершать акты насилия и жестокости, за которые их осуждают, чтобы предвидеть и предотвратить совершение аналогичных деяний со стороны своих врагов.

Отношения между Деметрием и Пирром.

Деметрий и Пирр были теперь соседними царями, и, исходя из дружеских отношений, которые поддерживались между ними в течение стольких лет, можно, пожалуй, предположить, что два царства, которыми они соответственно управляли, с этого времени будут жить в постоянном и прочном мире и поддерживать друг с другом самые дружеские отношения. Но фактом было обратное. На границах возникали раздоры. Каждая нация жаловалась на то, что жители другой вторгались через границу. Деметрий и Пирр постепенно втянулись в эти споры. К несчастью для мира в двух странах, Дейдамия умерла, и крепкий союз, который она создала между двумя правящими семьями, распался. Одним словом, это было незадолго до того, как Пирр и Деметрий вступили в открытую войну.

Между ними вспыхивает война.
Фивы.

Однако война, вспыхнувшая таким образом между Деметрием и Пирром, не была полностью результатом случайных столкновений, происходивших на границах. Деметрий был человеком с самыми неистовыми и ненасытными амбициями и совершенно беспринципным в отношении средств удовлетворения своей страсти. До того, как начались его трудности с Пирром, он совершал экспедиции на юг, в Грецию, и в конце концов ему удалось подчинить своему влиянию значительную часть этой страны. Он, однако, в свое время, в ходе своих кампаний в Греции, чудом избежал очень внезапного завершения своей карьеры. Он осаждал Фивы, один из главных городов Греции, который был упрямо полон решимости не подчиняться ему. На самом деле, жители города дали ему какой-то особый повод для обиды, так что он был чрезмерно зол на них, и хотя в течение долгого времени он добивался очень незначительного прогресса в продолжении осады, он был полон решимости не отказываться от этой попытки. В какой-то период он сам был отозван на время из этого места, чтобы выполнить какую-то военную обязанность, требовавшую его внимания в Фессалии, и на время своего отсутствия он оставил своего сына руководить осадой. По возвращении в Фивы он обнаружил, что из-за

энергичного и упорного сопротивления, оказанного жителями Фив, большое количество его людей постоянно падало — настолько, что его сын начал возражать ему против того, чтобы продолжать столь масштабную и бесполезную резню. "Подумайте, — сказал он, - почему вы должны подвергать стольких своих доблестных солдат такой верной гибели, когда..."

Тут Деметрий в гневе прервал его, сказав: "Не беспокойся о том, сколько солдат будет убито. Чем больше будет убито, тем меньше вам придется обеспечивать пропитание!"

Безрассудство и жестокость Деметрия.

Однако жестокое безрассудство, которое Деметрий проявил таким образом в отношении резни своих войск, не сопровождалось, как это часто бывает, каким-либо трусливым нежеланием подвергать себя опасности. Он лично участвовал в состязаниях, которые происходили у стен города, и рисковал собственной жизнью так же свободно, как требовал, чтобы его солдаты рисковали своей. Наконец, однажды дротик, брошенный со стены, попал ему в шею и, пройдя прямо насквозь, повалил его на землю. Его приняли за мертвого и отнесли в его палатку. При осмотре было обнаружено, что ни одна крупная артерия или другая жизненно важная часть тела не была повреждена, и все же за очень короткое время у Деметрия началась сильная лихорадка, и в течение некоторого времени жизнь Деметрия была в непосредственной опасности. Однако он по-прежнему отказывался снимать осаду. Наконец, он оправился от последствий своей раны, и, в конце концов, город сдался.

Война между Пирром и Деметрием.

Именно по возвращении Деметрия в Македонию, после завершения его успешной кампании в Греции, разразилась война между ним и Пирром. Как только стало ясно, что реальные боевые действия неизбежны, обе стороны собрали армию и подготовились к конфликту.

Они шли навстречу друг другу: Пирр из Эпира и Деметрий из Македонии. Однако случилось так, что они пошли разными маршрутами и таким образом обогнали друг друга на границе. Деметрий вошел в Эпир и обнаружил, что вся страна открыта и беззащитна перед ним, ибо вся военная сила страны была на стороне Пирра и проникла в Македонию другим путем. Соответственно, Деметрий продвигался, насколько ему было угодно, по территориям Пирра, захватывая и разграбляя все, что попадалось ему на пути.

Пантаухус.

С другой стороны, сам Пирр встретил совершенно иной прием. Деметрий не взял с собой всю свою армию, но оставил большой отряд под командованием полководца по имени Пантаух для защиты страны во время своего отсутствия. Пирр столкнулся с Пантаухом, когда тот вступил в Македонию, и дал ему сражение. Последовал очень тяжелый и упорный конфликт. В ходе этого Пантаух вызвал Пирра на поединок один на один. Он был одним из самых выдающихся полководцев Деметрия, прославившись среди всех офицеров армии своей ловкостью, силой и мужеством; и, поскольку он был человеком очень высокого и честолюбивого духа, он был очень доволен представившейся ему возможностью отличиться. Он полагал, что личная встреча с таким великим полководцем, как Пирр, очень прибавит ему славы.

Единоборство.

Пирр ранен.

Пантаухус чудом избежал смерти.

Пирр принял вызов. Были сделаны предварительные приготовления. Сражающиеся вышли на поле боя и, приближаясь к месту схватки, метали друг в друга свои дротики еще до того, как встретились, а затем бросились вперед на мечах в ближний и смертельный бой. Бой продолжался долго. Сам Пирр получил рану; но, несмотря на это, ему удалось повалить своего противника на землю, и он убил бы его, если бы друзья Пантауха не поспешили вперед и не спасли его от опасности. Последовало генеральное сражение между двумя армиями, в котором Пирр одержал победу. Армия Пантауха была полностью разбита, и пять тысяч человек были взяты в плен.

Македонские войска, которых Пирр таким образом разгромил, вместо того чтобы обезуметь от негодования и злобы против своего победителя, как можно было бы ожидать, были охвачены чувством восхищения им. Они аплодировали его благородному виду и манере держаться на поле боя, а также подвигам мужества и силы, которые он совершал. В его облике и поведении была некая суровая и возвышенная простота, которая напоминала им, как они говорили, Александра Македонского, которого помнили многие старые солдаты. В этих отношениях они сравнивали Пирра с Деметрием, своим собственным государем, в ущерб последнему; и столь сильным было чувство, возбужденное таким образом в пользу Пирра, что в то время считалось, что, если бы Пирр двинулся к столице с целью завоевания страны, вся армия сразу перешла бы на его сторону и что он мог бы сделать себя царем Македонии без каких-либо дальнейших затруднений. Однако он не сделал этого, а снова удалился в Эпир, когда Деметрий вернулся в Македонию. Македонцы отнюдь не были рады возвращению Деметрия.

Деметрия ненавидят его подданные.

Фактически, Деметрия начали ненавидеть все его подданные, и все они считали его тщеславным и жестоким тираном. Он был не только беспринципно честолюбив по отношению к владениям своих соседей, но и несправедлив и властолюбив по отношению к собственным друзьям. Пирр, с другой стороны, был добр и вежлив к своей армии, как к офицерам, так и к солдатам. Он жил с большой простотой и разделял трудности, а также труд тех, кто находился под его командованием. Он также отдал им их долю славы, которую приобрел сам, приписав свой успех их мужеству и верности. Однажды, после блестящей кампании в Македонии, некоторые люди в его армии сравнили его продвижение сполетом орла. "Если я орел, - сказал он в ответ, - то я обязан этим вам, ибо вы - крылья, с помощью которых я поднялся так высоко".

Его знаменитое одеяние.

Оно осталось незаконченным.

Деметрий, с другой стороны, относился к офицерам и рядовым, находившимся под его командованием, с некоторой надменностью и презрением. Казалось, он считал их намного ниже себя и получал удовольствие от того, что заставлял их чувствовать его огромное превосходство. Он был тщеславен и щеголеват в своей одежде, тратил огромные суммы на украшение своей персоны, украшая свои одежды и облачения и даже обувь золотом и драгоценными камнями. Фактически, он приказал начать изготовление одежды, которая, по его замыслу, должна была превзойти по великолепию и дорогим украшениям все, что когда-либо

прежде было изготовлено. Это одеяние осталось незаконченным на момент его смерти, и его преемники не пытались завершить его. Однако они сохраняли его очень долго как диковинку и как памятник тщеславию и глупости.

Деметрий тоже был склонен ко многим порокам, привыкнув к безудержному потаканию своим аппетитам и склонностям во всех формах. Отчасти именно из-за этих эксцессов он стал таким отвратительным в манерах и характере, а привычное потакание его животным аппетитам и склонностям привело к тому, что он стал угрюмым и своенравным.

Жены Пирра.

Его мотив женитьбы на Ланассе.

Враждебность между Пирром и Деметрием очень возросла и усугубилась одно время из-за затруднения, возникшего у одной женщины. Антигона, первая жена Пирра, умерла, и после ее смерти Пирр женился на двух или трех других женах, согласно обычаю, который господствовал в те дни среди азиатских царей. Среди этих жен была Ланасса, дочь Агафокла, царя Сиракуз. Брак Пирра с Антигоной, по-видимому, был вызван любовью; но его последующие союзы, по-видимому, были простыми мерами государственной политики, призванными только помочь ему в расширении его владений или укреплении власти. Его побуждением к женитьбе на Ланассе было получение острова Коркира, который царь Сиракуз, находившийся в то время под его властью, был готов отдать своей дочери в качестве приданого. Остров Коркира, как видно из карты, находился недалеко от побережья Эпира, так что обладание им значительно увеличило бы ценность владений Пирра.

Ланасса недоволен и покидает Пирра.

Ланасса не была счастлива в качестве невесты Пирра. На самом деле, быть женатым ради острова, полученного в качестве приданого, и, в конце концов, быть всего лишь одной из нескольких жен, казалось бы, не особенно обнадеживающие обстоятельства в отношении обещания супружеского блаженства. Ланасса жаловалась, что ею пренебрегают; что другие жены получают знаки внимания, которых не оказывали ей. Наконец, когда она поняла, что больше не может выносить тяготы и испытания своего положения, она оставила мужа и вернулась на Коркиру, а затем послала Деметрию приглашение приехать, вступить во владение островом и жениться на ней. Короче говоря, она развелась сама с собой и возобновила владение своим приданым, считая себя вправе заново распоряжаться как своей личностью, так и своим имуществом.

Деметрий принял сделанное ему предложение. Он отправился в Коркиру, женился на Ланассе, а затем, оставив гарнизон для защиты острова от любых попыток Пирра вернуть его, вернулся в Македонию. Конечно, после этой сделки Пирр разгневался на Деметрия еще больше, чем когда-либо.

Очень скоро после этого Пирру представилась возможность отомстить за обиду, нанесенную ему Деметрием. Деметрий был болен; чрезмерное употребление алкоголя вызвало у него лихорадку. Пирр решил воспользоваться случаем и совершить новое вторжение в Македонию. Соответственно, он пересек границу во главе многочисленной армии. Деметрий, каким бы больным он ни был, вскочил на коня и встал во главе своих войск, чтобы выступить навстречу врагу. Эта кампания не принесла ничего важного, но после нескольких безуспешных попыток завоевания Пирр вернулся в свою страну.

Война затянулась на много лет.

Таким образом, война между Пирром и Деметрием затянулась на много лет с переменным успехом, иногда побеждала одна сторона, а иногда другая. Наконец, в то время, когда фортуна, казалось, склонялась против Пирра, произошли некоторые обстоятельства, которые сильно привлекли его внимание в другом направлении и в конечном итоге привели его к новой и очень блестящей карьере в совершенно другом регионе. Эти обстоятельства и цепь событий, к которым они привели, станут предметом следующей главы.

Глава V.

Война в Италии.

280 г. до н. э.

Великая экспедиция в Италию.

Великим предприятием, которым теперь занимался Пирр, как указано в предыдущей главе, тем, в котором он приобрел такую большую известность, был поход в Италию против римлян. Непосредственным поводом для его участия в этом предприятии стало приглашение, которое он получил от жителей Тарента прийти им на помощь.^[1] Его предшественник Александр был втянут в Италию точно таким же образом; и мы могли бы предположить, что ужасная судьба, постигшая Александра, предостерегла бы Пирра не следовать по его стопам. Но военных никогда не удерживают от опасных начинаний бедствия, с которыми другие сталкивались,

предпринимая их раньше. На самом деле, возможно, Пирру больше всего хотелось попытать счастья на этом поприще из-за плачевных результатов кампании его дяди. Он не желал, чтобы его Эпирское королевство было опозорено поражением, и его переполняло особое стремление показать, что он может победить там, где другие были побеждены и уничтожены.

Владычество римлян.

К этому времени владычество римлян распространилось на значительную часть Италии, хотя Тарент и зависимые от него области страны еще не были покорены. Римляне, однако, теперь постепенно продвигались к восточной и южной части Италии и, наконец, продвинулись к границам тарентинской территории; и поскольку там их встретили тарентинские войска и оказали им сопротивление, последовало столкновение, за которым последовала открытая всеобщая война. В ходе борьбы тарентинцы обнаружили, что они не могут удержать свои позиции против римских солдат. Они были постепенно отброшены назад; и теперь сам город находился в очень непосредственной опасности.

Тарентинцы.

Трудности, в которые были поставлены тарентинцы, значительно усугублялись тем фактом, что в городе не было хорошо организованного и стабильного правительства. Правительство было своего рода демократией по своей форме, и в своих действиях оно, по—видимому, носило демократию очень беспокойного характера - вопросы государственной политики обсуждались и решались на народных собраниях, где, казалось бы, парламентских законов для регулирования деятельности было очень мало; и теперь опасности, которые угрожали им при приближении римлян, отвлекали их советы больше, чем когда-либо, и фактически вызвали всеобщий беспорядок и неразбериху по всему городу.

В Таренте образовались различные партии.

Были сформированы различные партии, каждая из которых имела свой собственный набор мер, к которым нужно было призывать и настаивать. Одни были за то, чтобы подчиниться римлянам и таким образом позволить включить себя в состав римского государства; другие были за то, чтобы упорствовать в своем сопротивлении до последней крайности. В разгар этих споров некоторыми советниками было высказано предположение, что причина, по которой они не смогли удержать свои позиции против своих врагов, заключалась в том, что у них не было командира, обладающего достаточным превосходством в звании и авторитете, чтобы сосредоточить свои силы и использовать их эффективным и выгодным образом; и они предложили, чтобы для восполнения этого весьма существенного недостатка следует пригласить Пирра прибыть и принять командование их силами. Этому плану решительно воспротивились наиболее рассудительные и дальновидные представители народа; ибо они хорошо знали, что, когда таким образом привлекалась иностранная держава в качестве временного друга и союзника, она почти всегда становилась, в конце концов, постоянным хозяином. Однако масса жителей города была так взволнована неизбежностью непосредственной опасности, что было невозможно внушить им какое-либо беспокойство по поводу столь отдаленной и неопределенной опасности, и было решено призвать Пирра.

Шумные собрания.

Уловка Метона.

Говорили, что собрания, которые устраивали тарентинцы во время этих слушаний, были настолько шумными и беспорядочными, что, как это часто бывает на демократических собраниях, голоса тех, кто был в меньшинстве, не были услышаны; и что в конце концов один из общественных деятелей, который был против плана послать приглашение Пирру, прибег к необычному приему, чтобы выразить свое мнение. Звали этого персонажа Метон. Уловка, которую он применил, заключалась в следующем: он переоделся бродячим шарлатаном и музыкантом, а затем, притворившись полупьяным, появился на собрании с гирляндой на голове, факелом в руке и с женщиной, игравшей ему на чем-то вроде флейты, чтобы аккомпанировать. Увидев, что он входит в собрание, все люди обратили свое внимание на него. Кто-то засмеялся, кто-то захлопал в ладоши, а кто-то позвал его, чтобы он спел им песню. Метон приготовился сделать это; и когда после долгих усилий наконец удалось добиться тишины, Метон вышел вперед на пространство, которое было для него расчищено, и, сбросив свою маскировку, громко крикнул:

- Жители Тарента! Ты хорошо поступаешь, призывая к песне и наслаждаясь радостями веселья, пока можешь; ибо я предупреждаю тебя, что ты не увидишь ничего похожего на веселье в Таренте после прихода Пирра ".

Метону удается достичь своей цели.

Изумление, вызванное этим внезапным поворотом дела, на мгновение сменилось одобрительным ропотом, который, казалось, прошел по собранию; здравый смысл многих зрителей, так сказать, вылился в признание того, что чувство, которое Метон так тайно нашел способ выразить им, было истинным. Однако эта пауза была кратковременной. Последовала сцена сильного возбуждения и замешательства, и Метон и женщина были изгнаны с собрания без каких-либо церемоний.

Пирра приглашают приехать в Тарент.

Решение послать за Пирром было подтверждено, и вскоре после этого послы были отправлены в Эпир. Сообщение, которое они передали Пирру по прибытии, состояло в том, что тарентинцы, будучи вовлеченными в войну с римлянами, пригласили Пирра прибыть и принять командование их армиями. По их словам, у них было достаточно *войск*, а также вся необходимая провизия и военное снаряжение. Все, что им теперь требовалось, - это способный и умелый полководец; и если Пирр перейдет к ним и примет командование, они сразу же поставят его во главе армии из двадцати тысяч всадников и трехсот пятидесяти тысяч пехотинцев.

Кажется невероятным, что государство достигло такой степени процветания и могущества, что смогло вывести на поле боя такие силы, находясь под управлением людей, которые, будучи созваны для рассмотрения вопросов государственной политики в условиях серьезнейшего кризиса, были способны полностью отвлечь свое внимание от стоящих перед ними дел появлением группы бродячих шарлатанов и актеров. И все же таково повествование, записанное одним из величайших историков древности.

Огромное количество добровольцев.

Пирр, конечно, был очень рад получить это сообщение. Эта новость также вызвала большое волнение среди всего населения Эпира. Большое количество людей немедленно начали предлагать себя в качестве добровольцев для сопровождения экспедиции. Пирр сразу же

решил приступить к этому предприятию и начал приготовления к нему в самом грандиозном масштабе; ибо, несмотря на заверения, которые дали ему тарентинцы в том, что у них уже собран очень большой отряд людей, Пирр, по-видимому, счел за лучшее взять с собой собственные силы.

Кино.

Как только часть его армии была готова, он послал ее вперед под командованием выдающегося генерала и государственного министра по имени Кинеас. Кинеас занимал очень высокое положение при дворе Пирра. Он был фессалийцем по происхождению. Он получил образование в Греции, при Демосфене, и был очень опытным ученым и оратором, а также государственным деятелем. Пирр время от времени нанимал его для посольств и переговоров различного рода, и Киней всегда выполнял эти поручения очень умело и удовлетворительно. На самом деле Пирр, с присущей ему вежливостью признававший свои обязательства перед теми, кого он нанимал, обычно говорил, что Киней своим обращением завоевал ему больше городов, чем он когда-либо завоевывал сам своим оружием.

Кинеас задает Пирру вопросы.

Говорили, что Кинеас с самого начала был не слишком в восторге от этой экспедиции в Италию. Точка зрения, с которой он относился к такому предприятию, была показана в примечательном разговоре, который он вел с Пирром, пока шли приготовления. Однажды, когда Пирр ненадолго отвлекся от своей работы, он воспользовался случаем, чтобы затронуть эту тему, сказав:

"Римляне славятся как отличные солдаты, и с ними в союзе много воинственных народов. Но предположим, что мы преуспеем в нашем предприятии и победим их, какую пользу мы извлечем из нашей победы?"

"Твой вопрос отвечает сам за себя", - ответил король. "Римляне - преобладающая сила в Италии. Если они однажды будут покорены, в Италии не останется ничего, что могло бы противостоять нам; мы сможем немедленно выступить вперед и стать хозяевами всей страны".

Пирр объясняет свои замыслы.

После короткой паузы, во время которой он, казалось, размышлял о победном пути, открывшемся таким образом Пирру, Кинеас добавил:

- А после того, как мы завоюем Италию, что мы будем делать дальше?

- Да ведь совсем рядом есть Сицилия, - ответил Пирр, - очень плодородный и густонаселенный остров, который мы тогда очень легко сможем покорить. Сейчас он находится в очень беспокойном состоянии и не может сделать ничего эффективного, чтобы противостоять нам".

- Я думаю, что это совершенно верно, - сказал Киней. - и что мы будем делать после того, как станем хозяевами Сицилии?

"Тогда, - ответил Пирр, - мы сможем пересечь Средиземное море и добраться до Ливии и Карфагена. Расстояние не очень велико, и мы сможем высадиться на африканском побережье во главе таких сил, что легко станем хозяевами всей страны. Тогда мы настолько расширим и

утвердим нашу власть, что нигде не сможем найти врага, который вздумал бы противостоять нам".

- Это совершенно верно, - сказал Киней, - и тогда ты сможешь окончательно сокрушить всех своих старых врагов в Фессалии, Македонии и Греции и стать хозяином всех этих стран. И когда все это будет сделано, что нам тогда делать?"

"Что ж, тогда, - сказал Пирр, - мы можем сесть и расслабиться, есть, пить и веселиться".

Мнение Cineas по этому поводу.

"А почему бы нам, - возразил Кинеас, - не сесть, расслабиться и наслаждаться жизнью сейчас, вместо того чтобы заранее взваливать на себя все эти хлопоты?" В вашем распоряжении уже есть все возможные средства для наслаждения; почему бы не сделать себя счастливым с их помощью сейчас, вместо того чтобы вступать на путь, который приведет к такому ужасному труду и опасностям, к таким неисчислимым бедствиям и через такие моря крови, и все же принесет вам в конце концов не больше, чем вы имели в начале?"

Пирр отправляется в плавание.

Его флот и армия.

Пирр чудом спасается от гибели в результате кораблекрушения.

Возможно, вызывает сомнение, задумывал ли Киней это как серьезный протест против осуществления замыслов Пирра или только как остроумную и добродушную сатиру на безумие честолюбия, чтобы позабавить ум своего государя в какой-нибудь краткий промежуток досуга, наступивший в разгар его забот. Как бы это ни было задумано, это не произвело серьезного впечатления на Пирра и не привело к изменению его планов. Подготовительная работа шла полным ходом, и как только часть войск была готова к отправке, Кинеас был назначен командовать ими, и они пересекли Адриатическое море. После этого Пирр завершил организацию оставшихся сил. Оно состояло из двадцати слонов, трех тысяч всадников и двадцати тысяч пеших, с двумя тысячами лучников и двадцатью тысячами пращников. Когда все было готово, Пирр погрузил эти войска на борт большого флота галер, транспортов и плоскодонных лодок, которые для этой цели были присланы ему из Тарента Кинеасом, и, наконец, отплыл. Он оставил Птолемея, своего старшего сына, которому тогда было около пятнадцати лет, регентом королевства, и взял с собой двух младших сыновей, Александра и Елена. Экспедиции, по-видимому, было суждено начаться с катастрофы, ибо не успел Пирр отплыть, как поднялся ужасный шторм, который какое-то время угрожал полным уничтожением флота и всех, кто был на его борту. Корабль, на котором находился сам Пирр, был, конечно, больше и лучше укомплектован людьми, чем другие, и в конце концов, вскоре после полуночи ему удалось достичь итальянского берега, в то время как остальная часть флота была отдана на милость ветров и рассеяна по морю во всех направлениях, далеко и широко. Но, хотя корабль Пирра приблизился к берегу, сила ветра и волн была так велика, что долгое время находившиеся на борту не могли высадиться на берег. Наконец ветер внезапно изменил свое направление и начал очень сильно дуть от берега, так что, казалось, была большая вероятность того, что корабль снова унесет в море. На самом деле опасность была настолько неминуемой, что Пирр решил броситься в море и попытаться доплыть до берега вплавь. Он так и сделал, и немедленно за ним последовали его слуги и охранники, которые прыгнули в воду вслед за ним и сделали все, что было в их силах, чтобы помочь ему выбраться на сушу. Опасность, однако,

была огромной, ибо ночная тьма, рев ветра и волн, а также ярость, с которой прибой извергался из берега, делали эту сцену неописуемо ужасающей. Наконец, однако, на рассвете потерпевшей кораблекрушение компании удалось добраться до суши.

Пирр был почти полностью истощен физически из-за перенесенных переутомлений, но, по-видимому, он ни в коем случае не был подавлен духом. Жители страны стекались к побережью, чтобы оказать помощь. Впоследствии нескольким другим судам удалось достичь берега; и поскольку ветер теперь быстро стих, люди на их борту столкнулись со сравнительно небольшими трудностями при высадке на берег. Пирр собрал спасенные таким образом остатки и выстроил их на берегу. Он обнаружил, что у него было около двух тысяч пеших, небольшой отряд конницы и два слона. С этим войском он немедленно выступил в поход на Тарент. Когда он приблизился к городу, Киней вышел ему навстречу во главе войск, которые были предоставлены в его распоряжение и которые благополучно преодолели проход.

Он обосновывается в Таренте.

Его энергия.

Пирр принимает очень решительные меры.

Как только Пирр обосновался в Таренте, он немедленно взял на себя командование всем, что там было, как будто он уже был признанным властелином города. На самом деле он застал город в настолько дезорганизованном и незащищенном состоянии, что это взятие власти с его стороны, казалось, было оправдано необходимостью данного дела. Жители, как это часто бывает с людьми, когда их дела находятся в крайнем и отчаянном состоянии, стали безрассудными. Повсюду в городе царили беспорядок и праздность. Мужчины проводили свое время, бродя с места на место, или празднично сидя дома, или собираясь толпами в местах общественных увеселений. Они оставили всякую заботу об общественных делах, доверившись Пирру, который спасет их от надвигающейся опасности. Соответственно, Пирр понял, что необходима полная революция во внутреннем состоянии города, и он немедленно принял самые эффективные меры для ее осуществления. Он закрыл все места общественного увеселения и даже общественные прогулки и променады, а также положил конец всем пирам, пирушкам и развлечениям. Каждый мужчина, способный носить оружие, был зачислен в армию, и сформированные таким образом войска ежедневно выводились на суровые и длительные учения и смотры. Народ громко жаловался на эти поборы, но власть была в руках Пирра, и они были вынуждены подчиниться. Однако многие жители были настолько недовольны этими действиями, что уехали и вообще покинули город. Конечно, именно те, кто был самым безнадежно ленивым, распутным и безрассудным, таким образом удалились, в то время как более выносливые и решительные остались. Пока происходили эти изменения, Пирр устанавливал и ремонтировал защитные сооружения города. Он укрепил стены и ворота, а также организовал полную систему охраны и часовых. Одним словом, положение Тарента вскоре полностью изменилось. Из открытого и незащищенного города, наполненного приверженцами праздности и удовольствий, он превратился в крепость, хорошо защищенную со всех сторон материальными средствами защиты и занятую хорошо дисциплинированным и решительным гарнизоном.

Тарентинцы были греками по происхождению.

Жители юго-восточной части Италии, где находился Тарент, были греческого происхождения, поскольку страна была заселена, по-видимому, эмигрантами с противоположных берегов Адриатического моря. Таким образом, их язык, а также обычаи и образ жизни отличались от языка римских общин, населявших западные части полуострова. Итак, греки в тот период считали себя единственным по-настоящему цивилизованным народом в мире; все остальные народы они называли варварами. Поэтому жители Тарента, посылая за Пирром, чтобы тот пришел к ним на помощь против римлян, рассматривали его не как иностранца, призванного помочь им в гражданской войне против их собственных соотечественников, а скорее как соотечественника, пришедшего помочь им в войне против иностранцев. Они считали его принадлежащим к той же расе и происхождению, что и они сами, в то время как на врагов, которые приходили из-за Апеннин, чтобы напасть на них, они смотрели как на чужую и варварскую орду, объединиться против которой было в общих интересах всех народов греческого происхождения. Именно это совпадение интересов Пирра и людей, которым он пришел на помощь, как в отношении их национального происхождения, так и в отношении дела, которым они занимались, позволило ему взять на себя такую высшую власть над всеми их делами, когда он прибыл в Тарент.

Войска входят медленно.

Lævinus.

Жители соседних городов медлили с отправкой Пирру обещанного ему тарентинцами количества войск; и прежде чем его силы были собраны, пришло известие, что римляне наступают во главе огромной армии под командованием консула Левина. Пирр немедленно приготовился выступить им навстречу. Он собрал войска, которые уже были собраны, и, покинув город, двинулся навстречу консулу. Немного продвинувшись вперед, он отправил посла в лагерь Левина, чтобы предложить этому полководцу, прежде чем доходить до крайностей, попытаться урегулировать спор между римлянами и тарентинцами каким-либо мирным путем, и предложил свои услуги в качестве судьи и посредника для этой цели. На это посольство Левин хладнокровно ответил, "что он не хотел принимать Пирра в качестве посредника и что он не боялся его как врага". Конечно, после получения такого послания Пирру ничего не оставалось, как готовиться к войне.

Пирр видит римский лагерь.

Соответственно, он двинулся вперед во главе своих войск, пока, наконец, не достиг равнины, где разбил лагерь со всеми своими силами. Перед ним была река, небольшой ручей под названием Сирис.[J] Римляне подошли и расположились лагерем на противоположной стороне берега этого ручья. Пирр вскочил на коня и поехал на возвышенность у реки, чтобы взглянуть на них.

Он был очень удивлен тем, что увидел. Порядок войск, систематическое и регулярное расположение стражи и часовых, а также регулярность всего лагеря вызвали его восхищение.[K]

- Варвары! - воскликнул он. "В их манере устраивать лагерь определенно нет ничего от варваров, и мы скоро увидим, как обстоит дело у них в других отношениях".

Сказав это, он повернулся и поскакал в свой лагерь. Однако теперь он начал очень серьезно беспокоиться о результате приближающегося состязания. Враг, с которым он собирался

вступить в бой, был, очевидно, гораздо более грозным, чем он ожидал. Он решил оставаться на месте, пока не придут союзники, которых он ожидал из других греческих городов.

Соответственно, он принял меры для того, чтобы как можно сильнее укрепиться на своей позиции, и послал сильный отряд из своих основных сил к реке, чтобы охранять берег и помешать римлянам переправиться и напасть на него. Левин, с другой стороны, зная, что Пирр ожидает сильных подкреплений, решил не ждать, пока они придут, а сразу же переправиться через реку, несмотря на охрану, которую Пирр выставил на берегу, чтобы помешать переправе.

Римляне нападают на Пирра, переправляясь через реку.

Римляне не пытались переправиться через ручей одним отрядом. Войска разделились, и несколько колонн двинулись к реке и вошли в воду в разных местах вверх и вниз по течению, пешие солдаты - у бродов, где вода была наиболее мелкой, а всадники — в других местах, наиболее благоприятных, которые они могли найти. Таким образом, вся река вскоре наполнилась солдатами. Стража, которую Пирр выставил на берегу, обнаружила, что они совершенно неспособны противостоять такому множеству людей; более того, они начали опасаться, что их могут окружить. Соответственно, они покинули берег реки и отступили к основным силам армии.

Необыкновенное зрелище.

Пирр был сильно обеспокоен этим событием и начал считать, что находится в неминуемой опасности. Он выстроил своих пехотинцев в боевом порядке и приказал им держаться за оружие, в то время как сам двинулся во главе всадников к реке. Как только он подошел к берегу, его взору предстало необычайное зрелище. Поверхность ручья, казалось, со всех сторон была покрыта щитами, которые немного возвышались над водой, поскольку их поддерживали руки приближавшихся всадников и пехотинцев. Как только римляне высадились на берег, они выстроились в ряд, и Пирр, подойдя к ним, дал им бой.

Пирр бросается в глаза.

Борьба продолжалась с предельной решимостью и яростью с обеих сторон в течение длительного времени. Сам Пирр был очень заметен в битве, так как на нем были очень дорогие и великолепные доспехи, настолько блистающие своим блеском, что он был объектом всеобщего внимания. Несмотря на это, он проявлял себя в самых горячих точках сражения, бросаясь на врага с самой бесстрашной отвагой всякий раз, когда представлялся случай, и перемещаясь вверх и вниз по линиям, где больше всего требовалась его помощь или поощрение его присутствием. Наконец один из его военачальников, по имени Леонат, подъехал к нему верхом и сказал:

Беседа Пирра и Леоната.

- Видите ли вы, сир, этого всадника-варвара на черном коне с белыми ногами? Я советую вам остерегаться его. Кажется, он вынашивает какой-то глубокий замысел против вас; он выделяет вас, постоянно следит за вами и следует за вами, куда бы вы ни пошли. Он подстерегает возможность осуществить какой-то ужасный замысел, и тебе не мешало бы быть с ним настороже".

"Леонат, - сказал Пирр в ответ, - мы не можем бороться со своей судьбой, я это очень хорошо знаю; но я считаю, что ни у этого человека, ни у любого другого человека в римской армии, который ищет встречи со мной, не будет причин поздравлять себя с ее результатом".

Пирр в страшной опасности.

Едва он произнес эти слова, как увидел всадника, на которого указал Леонат, несущегося на него во весь опор, крепко сжимая в руках копье, железный наконечник которого был направлен прямо на Пирра. Пирр немедленно прыгнул навстречу своему противнику, одновременно прицеливаясь собственным копьем. Лошади встретились, и оба были сброшены с ног потрясением от столкновения. Друзья Пирра бросились туда. Они обнаружили, что обе лошади были пронзены копьями, и теперь они оба лежали на земле, умирая. Некоторые из воинов вытащили Пирра из-под его лошади и унесли с поля боя, в то время как другие закололи римлянина на месте.

Слоны.

Пирр, избежавший этой ужасной опасности, решил теперь быть более настороже. На самом деле он предполагал, что римские офицеры придут в ярость из-за смерти своего товарища и предпримут самые отчаянные усилия, чтобы отомстить за него. Соответственно, он ухитрился найти возможность посреди неразберихи сражения снять доспехи, которые делали его таким заметным, обменявшись ими с одним из своих офицеров по имени Мегаклес.

Замаскировавшись таким образом, он вернулся к битве. Он воспитал пехотинцев и слонов; и вместо того, чтобы, как прежде, заниматься одиночными подвигами личной доблести, он посвятил все свои силы руководству ходом сражения, подбадривая людей и сплачивая их, когда они были на время изгнаны со своих позиций.

Трофеи несут по полю боя.

Пирр показывает себя.

Заменой доспехов, которую Пирр изготовил таким образом, он, вероятно, спас себе жизнь; ибо Мегакл, где бы он ни появлялся после того, как надевал одежду Пирра, всегда оказывался в окружении врагов, которые наседали на него непрерывно и повсюду в большом количестве, и в конце концов он был убит. Когда он упал, люди, убившие его, схватили сверкающий шлем и сверкающий плащ, которые были на нем, и с триумфом унесли их в римские ряды, как доказательство того, что Пирр был убит. Эта весть, передаваясь от чина к чину в армии, вызвала долгий и громкий крик одобрения и триумфа, который сильно взволновал и воодушевил римлян, в то время как в армии Пирра она пробудила соответствующее чувство уныния и страха. На самом деле, в течение короткого времени в обеих армиях повсеместно верили, что Пирр мертв. Чтобы исправить это ложное впечатление среди своих солдат, которое в течение некоторого времени грозило привести к самым фатальным последствиям, Пирр проехал вдоль рядов с непокрытой головой, показываясь своим людям и крича им, что он еще жив.

Трофеи.

Римляне потерпели поражение.

Наконец, после долгого и очень упорного конфликта, греки одержали победу. Этот результат, в конце концов, в значительной степени был достигнут благодаря слонам, которых Пирр ввел в бой. Римские лошади, совершенно непривычные к виду таких огромных зверей, были безмерно напуганы этим зрелищем и в смятении разбежались всякий раз, когда видели приближающихся чудовищ. Фактически, в некоторых случаях всадники полностью теряли контроль над своими лошадьми, и отряд поворачивался и бежал, тесня и сокрушая ряды своих друзей позади себя. В конце концов римляне были полностью вытеснены с поля боя. Они даже не вернулись в свой лагерь, но, в замешательстве переправившись через реку, разбежались во всех направлениях, оставив всю страну своему завоевателю. Затем Пирр переправился через реку и овладел римским лагерем.

Глава VI.

Переговоры.

280-279 гг. до н. э.

Последствия победы.

Общественное мнение в Риме.

Результат битвы на берегах Сируса, решительный и полный, каким бы ни была победа греков, произвел, конечно, в Риме глубокую сенсацию. Однако вместо того, чтобы обескуражить римский сенат и народ, это только придало им новой энергии и решимости. Считалось, что победа была полностью обусловлена необычайной военной энергией и мастерством Пирра, а не каким-либо превосходством греческих войск над римскими в храбрости, дисциплине или эффективности на поле боя. На самом деле, в Риме того времени была поговорка, что именно Левин был завоеван Пирром в битве, а не римляне - греками. Римское правительство, соответственно, немедленно начало набирать новых рекрутов и готовиться к новой кампании, более обширной и завершенной, и в гораздо большем масштабе, чем раньше.

Ожидания Пирра.

Его ошибка.

Пирр был очень удивлен, когда услышал все это. Он предполагал, что римляне были бы обескуражены поражением, которое они потерпели, и теперь думали бы только о предложениях и переговорах о мире. Он, по-видимому, был весьма несовершенно информирован о состоянии римского государства в этот период и о степени могущества, которого оно достигло. Он предполагал, что, потерпев столь знаменательное и решающее поражение, римляне будут считать себя побежденными, и что теперь им ничего не оставалось, как подумать о том, как они могли бы заключить наилучшие условия со своим завоевателем. Римские войска действительно отступили из окрестностей места, где произошла битва, и предоставили Пирру беспрепятственно овладеть этой землей. Пирру даже разрешили продвинуться на значительное расстояние к Риму; но вскоре он узнал, что, несмотря на временные неудачи, его враги не имели ни малейшего намерения подчиняться ему, а готовились снова выступить в бой с большими силами, чем когда-либо.

Кинеас отправил посла в Рим.

В этих обстоятельствах Пирр некоторое время пребывал в некоторой растерянности, что делать. Должен ли он развить свою победу и смело продвигаться к столице с целью полного разгрома римской власти, или же ему следует удовлетвориться преимуществом, которое он уже получил, и довольствоваться пока тем, что он является хозяином Западной Италии? После долгих колебаний он остановился на последнем варианте. Соответственно, он приостановил свои враждебные операции и приготовился отправить посла в Рим с предложением мира. Синеас, конечно же, был послом, которому было поручено действовать в этом случае.

Планы Кинея по подкупу римских сенаторов.

Кинеас, соответственно, отправился в Рим. Его сопровождала целая свита слуг, соответствующих его рангу королевского посла, и он взял с собой большое количество дорогих подарков, которые должны были быть преподнесены видным людям Рима, чтобы, как могло показаться, облегчить его переговоры. Характер средств, на которые он, таким образом, по-видимому, полагался в своем посольстве в Рим, может, возможно, указывать на секрет его успеха в выполнении дипломатических обязанностей, которые он выполнял в Греции и в Азии, где он приобрел такую известность благодаря своей ловкости в заключении договоров, благоприятных для интересов своего повелителя. Как бы то ни было, Кинеас обнаружил, что политика, которую он обдумывал, не нашла бы отклика в Риме. Вскоре после своего прибытия в город и на ранней стадии переговоров он начал предлагать свои подарки общественным

деятелям, с которыми ему приходилось иметь дело, но они отказались их принимать. Римские сенаторы, которым были предложены подарки, вернули их все, сказав, что в случае заключения договора и установления мира между двумя народами у них не должно быть возражений против обмена подобными любезностями; но, пока шли переговоры, они считали неприличным принимать какие-либо подобные подношения. Возможно, дополнительным доказательством характера влияния, на которое Киней привык полагаться в своих дипломатических начинаниях, может быть воспринято то, что по этому случаю он преподнес многие из своих подарков дамам римских сенаторов, а также самим сенаторам; но жены были признаны такими же неподкупными, как и мужья. Все подарки были одинаково возвращены.

Речь Киней в римском сенате.

Не обескураженный неудачей этой попытки, Киней получил разрешение римского сената предстать перед ними и обратиться к ним по поводу взглядов, которых придерживался Пирр относительно основы мира, который он предлагал. В назначенный день Киней отправился в зал заседаний сената и произнес там длинную, очень искусную и красноречивую речь в присутствии сената и главных жителей города. На этот раз он был очень впечатлен зрелищем, которое представило его взору августейшее собрание. Впоследствии он действительно сказал, что римский сенат казался ему съездом королей, настолько величественным был внешний вид этого органа и столь впечатляющей была атмосфера спокойствия и серьезности, царившая в их заседаниях. Кинеас произнес очень умелую и эффектную речь. Он объяснил взгляды и предложения Пирра, представив их в максимально благоприятном и привлекательном свете. Пирр, по его словам, был готов заключить мир на равных условиях. Он предложил, чтобы он выдал всех своих пленников без выкупа, а римляне - своих. Затем он заключит союз с римлянами и поможет им в будущих завоеваниях, которые они замыслили. Все, о чем он просил, - это чтобы римское правительство разрешило ему сохранить Тарент и страны, связанные с ним и зависящие от него; и чтобы, сохраняя свое господство над этими землями, он мог смотреть на римский народ как на своих союзников и друзей.

Дебаты в сенате.

После того, как Кинеас закончил свою речь и покинул зал заседаний сената, среди сенаторов возникли дебаты по поводу предложений, которые он им высказал. Мнения разошлись; одни были за то, чтобы отклонить предложения сразу; другие считали, что их следует принять. Те, кто был склонен к миру, настаивали на мудрости присоединения к предложениям Пирра, указывая на огромную опасность продолжения войны. "Мы уже проиграли одно большое и решительное сражение, - говорили они, - и в случае возобновления борьбы мы должны ожидать, что наш враг окажется еще более грозным, чем он был раньше; ибо многие итальянские народы восточного побережья встали под его знамена с тех пор, как услышали о одержанной им победе, и прибывают новые. Фактически, его сила с каждым днем становится все больше и больше; и для нас лучше заключить с ним мир сейчас, на тех почетных условиях, которые он нам предлагает, чем рисковать еще одним сражением, которое может привести к самым катастрофическим последствиям".

Эпизод из дискуссии.

Аппия Клавдия на кровати доставляют в сенат.

В разгар этой дискуссии было замечено, как престарелый сенатор, который из-за своих лет и немощей долгое время не мог занимать свое место, пришел в собрание, поддерживаемый и ведомый своими сыновьями и зятьями, которые уступали ему дорогу в проходах и проводили его внутрь. Его звали Аппий Клавдий. Он был слеп и почти беспомощен из-за возраста и немощи. Он услышал в своей комнате о нерешительности сената относительно дальнейшего ведения войны с Пирром и приказал, чтобы слуги подняли его с постели и понесли на кресле по улицам в здание сената, чтобы он мог там еще раз возвысить свой голос, чтобы спасти, если возможно, честь и достоинство своей страны. Войдя в зал, он сразу же стал объектом всеобщего внимания. Как только он занял свое место, в зале воцарилась почтительная тишина, все прислушивались к тому, что он хотел сказать. Он выразился следующим образом:

Речь Аппия Клавдия.

"Сенаторы Рима, я слеп, и я привык считать свою слепоту бедствием; но теперь я мог бы пожелать, чтобы я был не только слеп, но и глух, и тогда я, возможно, никогда не услышал бы о позоре, который, кажется, навис над моей страной. Где теперь хвастовство, которое мы делали, когда Александр Македонский начинал свою карьеру, что, если бы он обратил свое оружие на Италию и Рим, а не на Персию и Восток, мы бы никогда не покорились ему; что он никогда не приобрел бы славу непобедимого, если бы только напал на нас, но, с другой стороны, если бы он вторгся в наши владения, то только способствовал бы славе римского имени своим бегством или падением? Эти хвастовства мы произносили так громко, что эхо от них разнеслось по всему миру. И все же сейчас перед вами безвестный авантюрист, который высадился на наших берегах как враг и захватчик, и поскольку он добился частичного и временного успеха, вы обсуждаете, не заключить ли вам с ним позорный мир и не позволить ли ему остаться. Каким тщетным и глупым выглядит все наше хвастливое неповиновение Александру, когда мы теперь трепещем при имени Пирра — человека, который всю свою жизнь был последователем и зависимостью одного из второстепенных полководцев Александра — человека, который едва смог удержаться в своих собственных владениях — который не смог удержать даже малую и незначительную часть Македонии, которую он завоевал, но был с позором изгнан из нее; и который сейчас приезжает в Италию скорее как беженец, чем как завоеватель — авантюрист, который стремится к власти здесь, потому что он не может прокормить себя дома. домой! Я предупреждаю вас, не ожидайте, что вы сможете чего-то добиться, заключив с ним такой мир, какой он предлагает. Такой мир не искупает вину за прошлое и не дает никакой безопасности на будущее. Напротив, это откроет дверь другим захватчикам, которые придут, ободренные успехом Пирра и ободренные презрением, которое они будут испытывать к вам, позволяя безнаказанно подвергать себя такой смелости и оскорблениям".

Влияние его речи на сенат.

Эффект этой речи на сенат заключался в том, что он выразил единодушную решимость продолжать войну. Киней был соответственно отклонен таким ответом: римляне не будут слушать никаких предложений о мире, пока Пирр остается в Италии. Если бы он вообще покинул страну и удалился в свои собственные владения, они бы тогда прислушались к любым предложениям, которые он мог бы внести относительно договора о союзе и дружбе. Однако до тех пор, пока он оставался на итальянской земле, они не хотели заключать с ним никаких условий, хотя бы он одержал тысячу побед, но будут вести с ним войну до последней крайности.

Синеас отчитывается о своей миссии.

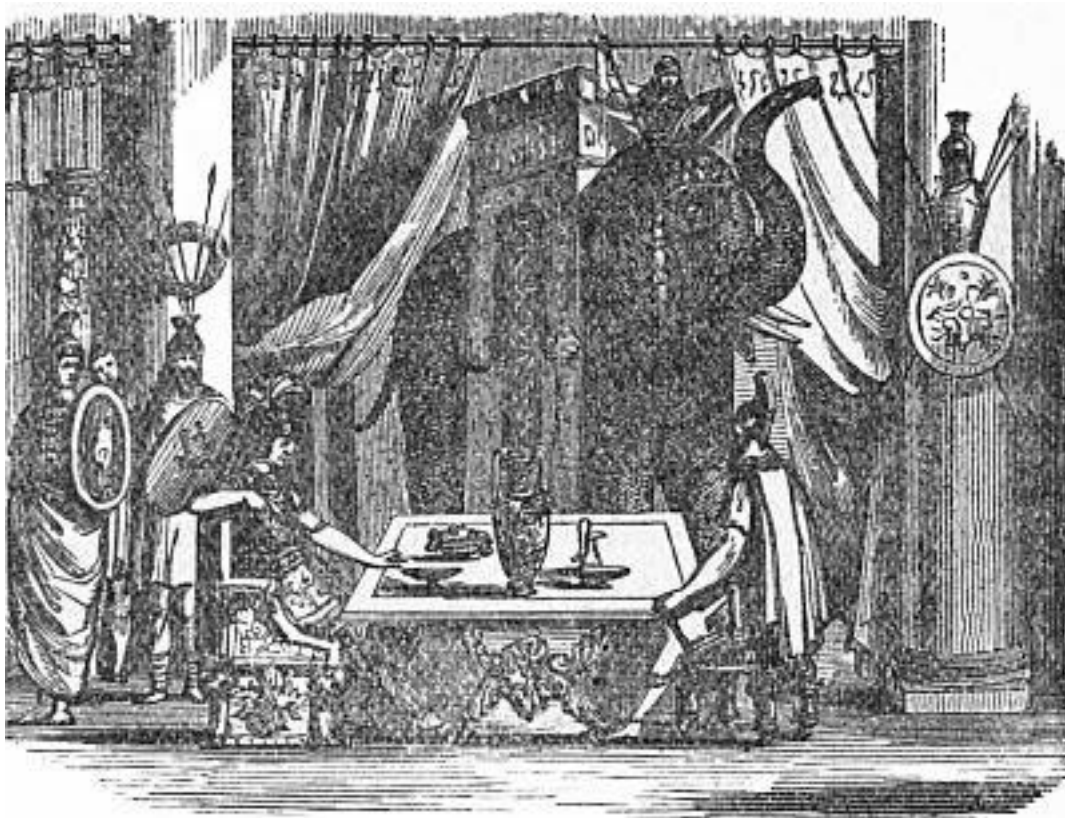
Киней вернулся в лагерь Пирра с этим ответом. Он также сообщил Пирру много информации о правительстве и народе Рима, численности населения, богатстве и ресурсах города; ибо, пока он был занят проведением переговоров, он прилагал все усилия, чтобы получить разведанные по всем этим вопросам, и он был очень внимательным и проницательным наблюдателем всего, что видел. Отчет, который он дал, был очень мало рассчитан на то, чтобы ободрить Пирра в его будущих надеждах. Народ Рима, сказал Кинеас, был гораздо многочисленнее, чем он предполагал раньше. Теперь у них уже была пешая армия, вдвое превосходившая ту, которую разбил Пирр, и, кроме того, в городе все еще оставалось множество людей подходящего возраста для призыва в армию, достаточных для формирования еще более крупных армий. Одним словом, перспектива была очень далека от того, чтобы обещать Пирру легкую победу.

Фабриций послал к Пирру.
Его прием.

Конечно, теперь обе стороны начали энергично готовиться к войне. Однако, прежде чем военные действия возобновились, римляне отправили гонца в лагерь Пирра для переговоров об обмене пленными. Имя этого посла было Фабриций. Фабриций, как сообщил Пирру Киней, был очень высоко почитаем в Риме за свою честность и военные способности, но у него не было собственности, поскольку он полностью зависел от своего жалованья как офицер армии. Пирр принял Фабриция всамой почтительной манере и обращался с ним со всеми знаками внимания и почестей. Более того, он в частном порядке предложил ему крупную сумму денег золотом. Он сказал Фабрициусу, что, прося его принять такой подарок, он делал это не с какой-либо низменной целью, а только в знак дружбы и гостеприимства. Фабриций, однако, отказался принять подарок, и Пирр больше не настаивал на нем.

Слон, спрятавшийся в палатке.

На следующий день Пирр придумал, как преподнести своему гостю небольшой сюрприз. Он предположил, что никогда не видел слона, и соответственно распорядился, чтобы одно из самых крупных из этих животных было тайно помещено за занавеской в комнате, где должен был быть принят Фабрициус. Слон был покрыт своими доспехами и великолепно убран. После того, как вошел Фабрициус, и пока он сидел в комнате, совершенно не осознавая, что перед ним происходит, внезапно занавес был поднят, и слон внезапно предстал взору; и в то же мгновение огромное животное, подняв хобот, угрожающе взмахнуло им над головой Фабрициуса, издав при этом устрашающий крик, какой его учили издавать, чтобы вселить ужас во врага, нападая на него на поле битвы. Фабриций, вместо того чтобы казаться испуганным или даже изумленным этим зрелищем, спокойно сидел на своем месте, внешне совершенно невозмутимый, и, повернувшись к Пирру с видом величайшего хладнокровия, холодно сказал: "Ты видишь, что ты не произвел на меня никакого впечатления ни своим золотом вчера, ни своим зверем сегодня".

Слон спрятался.

Пирр делает Фабрицию выгодные предложения.

Пирр вовсе не был недоволен этим ответом, каким бы прямолинейным он ни казался. Напротив, на него, по-видимому, произвело очень глубокое впечатление ощущение суровой и неподкупной добродетели характера Фабриция, и он испытывал сильное желание заручиться услугами такого офицера при своем дворе и в армии. Соответственно, он сделал Фабрицию новые предложения, убеждая его использовать свое влияние, чтобы склонить римлян к заключению мира, а затем отправиться с ним в Эпир и поступить к нему там на службу.

"Если ты сделаешь это, - сказал Пирр, - я сделаю тебя главой моих военачальников и моим самым близким другом и соратником, и ты будешь наслаждаться обильными почестями и наградами".

"Нет, - ответил Фабриций, - я не могу принять эти предложения, и не в твоих интересах, чтобы я их принимал; ибо, если бы я отправился с тобой в Эпир, твой народ, как только они хорошо узнают меня, потерял бы к тебе всякое уважение и захотел бы видеть своим царем меня, а не тебя".

Нам, возможно, следует понимать этот ответ, так же как и тот, который Фабриций сделал Пирру по поводу слона, как задуманный в несколько шутовском смысле; поскольку, если мы предположим, что они были произнесены серьезно, они будут указывать на дух тщеславия и пустого хвастовства, которые, казалось бы, полностью несовместимы с тем, что мы знаем о характере Фабриция. Как бы то ни было, Пирр был доволен и тем, и другим; и чем больше он видел и узнавал о римлянах, тем больше ему хотелось прекратить войну и заключить с ними союз. Но римляне упорно отказывались вести с ним переговоры, за исключением условия, при котором он сначала полностью покинет Италию, а это было условие, которое он считал

невозможным выполнить. Фактически, это было бы равносильно признанию того, что он потерпел полное поражение. Соответственно, обе стороны снова начали энергично готовиться к войне.

Римские армии наступают.

Два полководца.

Армии разбивают лагерь на виду друг у друга.

Римляне двинулись из города на юг с большой армией под командованием двух своих консулов. Консулов в то время звали Сульпиций Саверрио и Деций Мус. Эти полководцы продвинулись в Апулию, страну на западном побережье Италии, к северу от Тарента. Здесь они разбили лагерь на равнине у подножия Апеннин, недалеко от места под названием Аскулум. Перед их лагерем протекал ручей, а за ним были горы. Ручей был большим и глубоким и, конечно, надежно защищал их позицию. Услышав о приближении римлян, Пирр сам выступил в поле во главе всех своих войск и двинулся им навстречу. Он прибыл на равнину, на которой стояла лагерь римская армия, и расположился на противоположном берегу ручья. Таким образом, армии были размещены в непосредственной близости друг от друга, их разделял только ручей. Вопрос заключался в том, какая из них должна попытаться пересечь ручей и атаковать другую. Они оставались в таком положении значительное время, ни одна из сторон не отваживалась предпринять попытку прохода.

Пока ситуация была в таком состоянии — войска с обеих сторон ждали возможности атаковать своих врагов и, вероятно, совершенно не боялись физических опасностей, с которыми им предстояло столкнуться в ходе конфликта, — чувство самообладания и уверенности среди людей в армии Пирра было сильно нарушено странным суеверием. В армии ходили слухи, что Деций Мус, римский военачальник, был наделен некой магической и сверхъестественной силой, которая при определенных обстоятельствах могла стать фатальной для всех, кто выступал против него. И хотя греки, по-видимому, не испытывали страха перед материальной сталью римских легионов, эта таинственная и божественная добродетель, которую они считали присущей командиру, вселяла в них непреодолимый ужас.

История Деция Муса.

Его воинские почести.

История заключалась в том, что рассматриваемая сверхъестественная сила зародилась у одного из предковнынешнего Деция, храброго римского полководца, который жил и процветал в столетие, предшествовавшее временам Пирра. Его тоже звали Деций Мус. В начале своей жизни, когда он был подчиненным офицером, он был средством спасения всей армии от самой неминуемой опасности, овладев возвышенностью среди гор с отрядами, находившимися под его командованием, и удерживая ее против врага до тех пор, пока римские войска не были выведены из опасного ущелья, где в противном случае они были бы разбиты и уничтожены. Он был очень польщен за этот подвиг. Консул, командовавший по этому случаю, наградил его золотой короной, сотней быков и великолепным белым быком с позолоченными рогами. Простые солдаты тоже устроили в его честь грандиозный праздник, на котором они увенчали его на поле боя венком, сделанным из высушенных трав, в соответствии с древним обычаем награждать таким образом любого человека, который должен стать средством спасения армии. Конечно, такое событие, как спасение армии, было очень редким явлением; и, соответственно,

коронация солдата его товарищами на поле боя была очень высокой честью, хотя само украшение было изготовлено из столь незначительных и никчемных материалов.

Видение.

Предложена необычная альтернатива.

После этого Деций быстро поднимался от ранга к рангу, пока, наконец, не был избран консулом. Во время своего консульства он вышел на поле боя вместе с одним из своих коллег, которого звали Торкват, во главе большой армии, ведя очень важную войну во внутренних районах страны. Наконец пришло время для решающего сражения. Обе армии были выстроены на поле боя, все приготовления были сделаны, и битва должна была состояться на следующий день. Ночью, однако, каждому консулу явилось видение, сообщавшее ему, что волею судьбы *полководец* с одной стороны и *армия* с другой должны быть уничтожены на следующий день; и что, следовательно, любой из консулов, пожертвовав собой, может обеспечить уничтожение врага. С другой стороны, если бы они приняли меры для своего спасения, генерал на другой стороне был бы убит, а на их стороне *армия* потерпела бы поражение и была бы разорвана на куски.

Два консула бросают жребий.

Деций приносит себя в жертву.

Два консула, посоветовавшись на следующее утро, немедленно решили, что либо один, либо другой из них должен умереть, чтобы обеспечить победу оружию своей страны; и сразу же возник вопрос, какой метод им следует избрать, чтобы определить, кто из них должен быть принесен в жертву. Наконец было решено, что они пойдут в бой, как обычно, каждый под командованием своего собственного крыла армии, и что тот, чье крыло первым начнет сдаваться, должен предложить себя в качестве жертвы. Соответствующие меры были приняты, и результат доказал, что Деций был тем, на кого должна была лечь тяжкая обязанность самопожертвования. Крыло под его командованием начало сдаваться. Он немедленно решил исполнить свой обет. Он призвал первосвященника. Он облачился в одеяние жертвы, которую собирались принести в жертву. Затем, обернув голову своим военным плащом и встав на копье, которое было предварительно положено на землю, он повторил в надлежащей форме слова, которыми он посвятил себя и армию врага Богу Смерти, а затем наконец вскочил на своего коня и яростно вонзился в самую гущу врага. Конечно, он был сразу же пронзен сотней копий и дротиков; и сразу же после этого вражеская армия со всех сторон отступила, и римляне покинули поле боя, одержав полную победу.

Суеверные страхи солдат.

Власть, которая в данном случае сверхъестественным образом была дарована Децию для обеспечения победы римского оружия, пожертвовав собственной жизнью на поле битвы, впоследствии, как предполагалось, перешла по наследству от отца к сыну. Деций Мус, полководец, противостоявший Пирру, был внуком своего тезки, упомянутого выше; и теперь среди греков ходили слухи, что он намеревался, как только армии вступят в бой, обеспечить уничтожение своих врагов, пожертвовав собой, как это сделал его дед. Солдаты Пирра были готовы встретиться лицом к лицу с любыми обычными и естественными шансами и опасностями

войны; но там, где ужасные и непреодолимые указы духовного мира были направлены против них, неудивительно, что они боялись встречи.

Деций Мус.

Ответ Деция Муса Пирру.

При таких обстоятельствах Пирр отправил группу гонцов в римский лагерь, чтобы сказать Децию, что если в предстоящей битве он попытается прибегнуть к какому-либо подобному искусству некромантии, чтобы обеспечить победу римской стороне, то его попытка окажется совершенно безуспешной; ибо всем греческим солдатам было приказано не убивать его, если он бросится к ним, но взять его живым и доставить пленником в лагерь Пирра; и что затем, после окончания битвы, он должен быть подвергнут, как они заявили, самым жестоким и жестоким пыткам. позорные наказания, как магу и самозванцу. Деций прислал ответное сообщение, что у Пирра нет причин испытывать какое-либо беспокойство по поводу курса, которого римский полководец будет придерживаться в предстоящем сражении. Мера, о которой он упоминал, была из тех, к которым римляне не привыкли прибегать, за исключением чрезвычайных ситуаций самого крайнего и опасного характера, и Пирру не следовало льстить себя мыслью, что римляне рассматривали его вторжение как достаточно серьезное событие, чтобы потребовать от них прибегнуть к каким-либо необычным средствам защиты. Они были полностью убеждены в своей способности встретиться с ним и победить обычными способами ведения войны. Чтобы доказать, что они были честны в своем мнении, они предложили отказаться от преимущества, которое река давала им в качестве средства обороны, и позволить Пирру беспрепятственно перейти ее, с тем чтобы после дать сражение в открытом поле; или они сами перейдут реку и будут сражаться на ее стороне Пирра — в зависимости от того, что предпочтет сам Пирр. Они не просили никаких преимуществ, но были готовы встретиться со своими противниками на равных и довольствоваться результатом.

Пирр не мог с честью отказаться принять этот вызов. Он решил остаться на месте и позволить римлянам перейти реку. Это они, соответственно, и сделали; и когда все войска совершили переход, они были выстроены в боевом порядке на равнине. Пирр также собрал свои войска, и обе стороны приготовились к сражению.

Римляне боялись слонов.

Римляне больше всего боялись слонов и прибегали к некоторым своеобразным и экстраординарным средствам борьбы с ними. Они приготовили огромное количество колесниц, каждая из которых была вооружена длинным заостренным копьем, выступающим вперед таким образом, что, когда колесницы должны были направиться к слонам, эти копья или клювы должны были пронзать тела животных и уничтожать их. Колесницы тоже были наполнены людьми, все они были снабжены горящими головнями, которые они должны были бросать в слонов и пугать их, когда те будут приближаться. Все эти колесницы были тщательно расставлены перед той частью армии Пирра, где стояли слоны, и колесничим было строго приказано не двигаться с места, пока они не увидят приближающихся слонов.

Битва.

Слоны.

Боевые колесницы.
Сомнительная победа.

Битва, как и следовало ожидать, исходя из предшествовавших ей обстоятельств и из характера сражающихся, велась с самым яростным и упорным отчаянием. Это продолжалось в течение всего дня; и на разных участках поля и в разные часы дня преимущество иногда было на одной стороне, а иногда на другой, так что долгое время было совершенно неясно, каким будет конечный результат. Слонам удалось обойти колесницы, которые были выставлены, чтобы перехватить их, и они нанесли большое поражение римским войскам. С другой стороны, отряд римской армии пробился к лагерю Пирра и отчаянно атаковал его. Пирр отвел часть своих сил для защиты своего лагеря, и это переломило ход сражения против него. С помощью самых геркулесовых усилий Пирр сплотил своих людей и восстановил их доверие; и затем на какое-то время военная удача, казалось, склонилась в его пользу. В течение дня Деций был убит, и все командование римской армией перешло к Сульпицию, его коллеге. Сам Пирр был тяжело ранен. Когда, наконец, солнце зашло, и надвигающаяся ночная тьма помешала продолжению сражения, обе стороны отвели тех, кто остался в живых из своих армий, оставив поле покрытым мертвыми и умирающими. Один из военачальников Пирра поздравил его с победой. "Да, - сказал Пирр, - еще одна такая победа, и я буду уничтожен".

Зимние квартиры.

На самом деле, после того, как они померились силами друг с другом в этой битве, ни одна из сторон, казалось, не спешила начинать новое состязание. Они оба отошли в безопасные места и начали посылать за подкреплением и принимать меры по укреплению своих сил для будущих операций. Они оставались в таком состоянии бездействия до тех пор, пока, наконец, сезон не закончился, и тогда они отправились на зимние квартиры, каждый наблюдая за другим, но откладывая, по общему согласию, все активные боевые действия до весны. Весной они снова выступили в поход, и две армии снова приблизились друг к другу. Теперь у римской армии было два новых командующих, одним из которых был знаменитый Фабриций, с которым Пирр ранее вел переговоры. Таким образом, два командира были хорошо знакомы друг с другом; и хотя как государственные деятели они были врагами, в частной жизни они были очень хорошими друзьями.

Никий.
Врач Пирра.
Его предательство.

У Пирра на службе был врач по имени Никий. Этот человек задумал предложить римлянам отравить его хозяина при условии получения соответствующего вознаграждения. Соответственно, он написал Фабрицию письмо с таким предложением. Фабриций немедленно передал письмо своему коллеге, и они оба согласились с решением самому сообщить Пирру о сделанном им предложении и предостеречь его от домашнего предателя. Соответственно, они отправили ему письмо, которое получили, сопроводив его письмом от себя следующего содержания:

"Гай Фабриций и Квинт Эмилий приветствуют царя Пирра:

- Похоже, тебе так же не повезло с выбором друзей, как и с выбором врагов. Письмо, которое мы отправляем настоящим, убедит вас в том, что окружающие вас люди, на которых вы

полагаетесь, совершенно недостойны вашего доверия. Вас предали; ваш лечащий врач, человек, который должен быть вам самым верным, предлагает отравить вас. Мы предоставляем вам эту информацию не из каких-то особых дружеских чувств к вам, а потому, что не хотим, чтобы нас заподозрили в пособничестве убийству — преступлению, которое мы ненавидим. Кроме того, мы не хотим быть лишенными возможности показать миру, что мы способны встретиться с вами и победить в открытой войне".

Щедрый обмен пленными.

Пирр был очень поражен тем, что он считал необычайным великодушием своих врагов. Он немедленно собрал всех пленных, которых отнял у римлян, и отправил их домой, в римский лагерь, в знак признания и благодарности с его стороны за высокий и благородный образ действий, который избрали его противники. Однако они, подобно римлянам, не приняли бы такой знак, не заплатив за это ничего взамен, и, соответственно, отправили домой Пирру группу греческих пленников, равных по количеству и рангу тем, кого Пирр освободил.

Нет покоя.

Все это, как правило, усиливало нежелание Пирра настаивать на дальнейшем ведении войны. С каждым днем он все больше и больше желал заключить мир с римлянами, очень предпочитая, чтобы такой народ был его союзниками, а не врагами. Они, однако, твердо и упорно отказывались вести с ним переговоры на любых условиях, если только в качестве предварительного шага он не вернется в свои собственные владения. Он думал, что не сможет сделать этого с честью. Соответственно, он был сильно озадачен и начал искренне желать, чтобы ему пришло в голову что-нибудь, что дало бы ему благовидный предлог для отъезда из Италии.

Глава VII.

Сицилийская кампания.

291-276 гг. до н. э.

Ланасса.

Тиран, ее отец.

Его приключения.

Уже упоминалось, что одной из жен, на которых Пирр женился после смерти Антигоны, египетской принцессы, была Ланасса, дочь Агафокла, царя Сицилии. Агафокл был чудовищем-тираном самого худшего сорта. Его армия была немногим лучше организованной банды разбойников, во главе которой он совершал мародерские набеги на все народы, находившиеся в пределах его досягаемости. Он совершал эти хищнические вылазки иногда в Италию, иногда на карфагенские территории на африканском побережье, а иногда на острова Средиземного моря. В этих кампаниях он столкнулся с большим разнообразием приключений и испытал все

возможные судьбы, которые могла принести удача на войне. Иногда он торжествовал над всеми, кто противостоял ему, и был опьянен процветанием и успехом. В другое время, из-за своей безумной и безрассудной глупости, он вовлекал себя в самые отчаянные затруднения и часто был вынужден бросить все и бежать в одиночестве в абсолютной нужде с поля своих попыток совершить подвиги, чтобы спасти свою жизнь.

Бегство Агафокла из Африки.

Ужасные последствия.

Море окрасилось кровью.

В одном из таких случаев он бросил армию в Африке, которую захватил туда в ходе одного из своих грабительских предприятий, и, тайно покинув лагерь, совершил побег с небольшим количеством сопровождающих, бросив армию на произвол судьбы. В этот раз его бегство было настолько внезапным, что он оставил двух своих сыновей позади себя в руках и на милость солдат. Солдаты, как только обнаружили, что Агафокл ушел и оставил их, пришли в такую ярость против него, что предали смерти его сыновей на месте, а затем всем телом сдались врагу. Агафокл, когда весть об этой сделке дошла до него на Сицилии, в свою очередь пришел в ярость против солдат и, чтобы отомстить им, немедленно разыскал среди населения страны их жен и детей, их братьев и сестер и всех, кто был каким-либо образом связан с ними. Этих невинных представителей отсутствующих преступников он приказал схватить и убить, а их тела бросить в море по направлению к Африке в знак мстительного триумфа и неповиновения. Резня по этому поводу была столь велика, что воды моря окрасились кровью на большом расстоянии от берега.

Шокирующая история.

Тексина и ее дети.

Конечно, подобная жестокость не могла быть осуществлена без пробуждения в тех, кто от нее пострадал, духа ненависти и мести. Против жизни тирана строились бесчисленные заговоры, и в последние годы своей жизни он жил в постоянном страхе и отчаянии. Его судьба, однако, была еще более поразительной как иллюстрация того, как старость честолюбивых и беспринципных людей часто омрачается неблагодарностью и порочностью их детей. У Агафокла был внук по имени Архагат, который, если все рассказы верны, в печали свел в могилу седые волосы старого царя. История слишком шокирующая, чтобы в нее можно было полностью поверить, но говорят, что этот внук сначала убил сына и наследника Агафокла, своего собственного дядю, чтобы самому унаследовать трон — его собственный отец, который должен был стать следующим наследником, был мертв. Затем, не желая ждать, пока умрет сам старый король, он начал составлять заговоры против его жизни и против жизней остальных членов семьи. Хотя несколько сыновей Агафокла были мертвы, будучи уничтожены насилием или пали на войне, у него были жена по имени Тексина и двое детей, которые все еще оставались в живых. Царь так беспокоился об этих детях из-за Архагата, что решил отправить их с матерью в Египет, чтобы они были вне досягаемости их безжалостного племянника. Тексина очень неохотно соглашалась на такую меру. Для нее и ее сыновей предполагаемый отъезд в Египет был немногим лучше, чем отправление в изгнание, и, более того, ей крайне не хотелось оставлять своего мужа одного в Сиракузах, беззащитного перед махинациями и заговорами, которые его неестественный внук мог бы организовать против него. Однако в конце концов она

подчинилась суровой необходимости и уехала, со слезами попрощавшись с мужем. Очень скоро после ее отъезда ее муж умер.

Необыкновенная история.

Изобретение Менона для введения яда.

История, рассказанная о том, как он умер, такова: при его дворе был человек по имени Менон, которого Агафокл взял в плен юношей и с тех пор держал при своем дворе. Хотя первоначально Менон был пленником, захваченным на войне, он стал любимцем Агафокла и занял высокое положение на его службе. Однако снисходительности фаворитизм, с которыми к нему относились, не были таковы, чтобы пробудить в Меноне какие-либо чувства благодарности или установить какую-либо истинную дружбу между ним и его хозяином; и Архагат, внук, нашел средство побудить его предпринять попытку отравления царя. Поскольку все обычные способы введения яда были исключены бдительностью и строгостью, с которыми охранялись обычные пути приближения к королю, Менон ухитрился достичь своей цели, отравив перо, которое король впоследствии должен был использовать как зубочистку. Таким образом, яд попадал в зубы и десны жертвы, где вскоре начинал действовать, вызывая ужасные изъязвления и невыносимую боль. Заражение ядом через короткое время распространилось по всему организму страдальца и привело его на край могилы; и, наконец, обнаружив, что он потерял дар речи и, по-видимому, был без сознания, его безжалостные убийцы, возможно, опасаясь, что он может снова ожить, поспешили отнести его к могильной куче, прежде чем жизнь угасла, а огонь завершил работу, начатую ядом.

Опасность узурпации власти.

Утверждение Священного Писания: "Взявшие меч от меча и погибнут" - иллюстрируется и подтверждается историей почти каждого древнего тирана. Мы обнаруживаем, что почти все они в конце концов приходят к какому-нибудь ужасному концу. Кажется, что человек, узурпирующий трон с помощью насилия, во все века и у всех народов наверняка будет изгнан с него с помощью еще большего насилия после короткого периода пребывания у власти; а тот, кто отравляет или убивает предыдущего соперника, которого он хочет сместить, почти неизменно оказывается сраженным ядом или кинжалом следующего, кто хочет сместить его.

Карьера Менона.

Пирр получает два заманчивых приглашения.

Смерть Агафокла произошла примерно за девять лет до кампании Пирра в Италии, описанной в предыдущей главе, и в течение этого периода Сицилийское королевство находилось в очень расстроенном состоянии. Менон сразу же после отравления царя бежал в лагерь Архагата, который в то время командовал армией на некотором расстоянии от города. Здесь за короткое время ему удалось убить Архагата и захватить верховную власть. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем появились новые претенденты и конкуренты на обладание тронном, и вспыхнули новые войны, в ходе которых Менон был свергнут. Наконец, в разгар сражений и беспорядков, которые царили, двум ведущим генералам сицилийской армии пришла в голову идея выдвинуть сына Пирра от Ланассы наследником короны. Этот царевич был, конечно, внуком старого царя Агафокла, и, поскольку поблизости не было другого потомка царской линии, которого можно было бы сделать представителем древней монархии, упомянутые выше военачальники сочли, что единственной мерой, дающей хоть какую-то

надежду на восстановление мира в стране, было отправить посольство к Пирру и пригласить его приехать и посадить на трон своего юного сына. Сына Ланассы звали Александр. Он был мальчиком, возможно, в то время ему было около двенадцати лет.

Недоумение Пирра.

В то же самое время, когда Пирр получил приглашение отправиться на Сицилию, к нему пришло послание от определенных партий Греции, в котором сообщалось, что из-за некоторых произошедших там революций ему представилась очень благоприятная возможность обеспечить себе трон этой страны, и призывалось приехать и предпринять попытку. Некоторое время Пирр пребывал в полной нерешительности, какое из этих двух предложений принять. Награда, предложенная ему в Греции, была более заманчивой, но экспедиция на Сицилию, казалось, сулила более определенный успех. Прокручивая в уме вопрос, за какую победу ему следует взяться в первую очередь, он жаловался на мучительную жестокость фортуны, предлагающей ему два таких заманчивых приза одновременно, чтобы заставить его отказаться либо от того, либо от другого. В конце концов он решил сначала отправиться на Сицилию.

Он решает отправиться на Сицилию.

Было сказано, что одной из причин, которая очень сильно повлияла на его разум при принятии этого решения, был тот факт, что Сицилия находилась так близко к побережью Африки; а поскольку сицилийцы были вовлечены в войны с карфагенянами, он думал, что в случае успеха его операций на Сицилии для него будет открыт путь для экспедиции в Африку, и в этом случае он не сомневался, что вскоре сможет свергнуть карфагенскую державу и присоединить все северные побережья Африки к своим владениям. Таким образом, его империя охватывала Эпир, всю южную часть Италии, Сицилию и побережье Африки. Впоследствии, подумал он, он мог бы легко добавить Грецию, и тогда его владения включали бы все богатые и густонаселенные страны, окружающие самую важную часть Средиземного моря. Таким образом, его правительство стало бы первоклассной военно-морской державой, и любое дальнейшее расширение его влияния, которого он впоследствии пожелал бы, могло быть легко осуществлено.

Короче говоря, Пирр решил сначала отправиться на Сицилию и на короткое время отложить свои планы относительно Греции.

Он делает большие приготовления в Таренте.

Соответственно, он приступил к выводу своих войск из внутренних районов страны, в Италии, и сосредоточил их в Таренте и его окрестностях. Он также начал проводить военно-морские приготовления в очень широком масштабе. Порт Тарент вскоре стал очень оживленным местом. Работа по строительству и ремонту кораблей, по изготовлению парусов и такелажа, по постройке и вооружению галер, по дисциплине и обучению экипажей, по созданию запасов продовольствия и военного снаряжения велась с большой активностью и привлекла всеобщее внимание. Сами тарентинцы стояли в стороне, пока шли все эти приготовления, скорее как зрители сцены, чем как активные участники. Пирр взял на себя абсолютное командование их городом и правительством и осуществлял верховную власть, как если бы он был признанным сувереном страны. Его пригласили приехать из его собственного королевства, чтобы *помочь* тарентинцам, а не для того, чтобы *управлять* ими; но он захватил верховную власть, оправдав захват, как это обычно бывает с военными при подобных обстоятельствах, необходимостью

дела. "В городе должен быть порядок и подчинение властям, - сказал он, - иначе мы не сможем добиться прогресса в усмирении наших врагов". Таким образом, тарентинцы были вынуждены подчиниться его приходу к власти, убежденные, возможно, отчасти его доводами и, во всяком случае, заставленные замолчать демонстрацией силы, которой это сопровождалось; и они утешали себя в условиях, которых они не могли предотвратить, считая, что лучше уступить временному иностранному господству, чем быть полностью разбитыми, как это, по всей вероятности, произойдет с их внутренними врагами до прихода к ним Пирра.

Протестуют тарентинцы.

Их аргументы.

Когда, однако, они узнали, что Пирр намеревался уйти от них и отправиться на Сицилию, не добившись на самом деле их избавления от угрожавшей им опасности, они сначала протестовали против этого замысла. Они хотели, чтобы он остался и завершил начатую им работу. Римляне были сдержаны, но не покорены. Они говорили, что Пирр не должен уходить и оставлять их до тех пор, пока их независимость и свобода не будут полностью установлены. Они протестовали против его замысла, но их протесты оказались совершенно безрезультатными.

Когда, наконец, тарентинцы узнали, что Пирр твердо решил отправиться на Сицилию, они пожелали, чтобы он вообще вывел свои войска из их страны и предоставил их самим себе. Однако Пирр отказался это сделать. У него не было намерения отказываться от власти, которую он приобрел в Италии, и, соответственно, он начал готовиться к оставлению сильного гарнизона в Таренте для поддержания там своего правительства. Он организовал в городе своего рода регентство и выделил из своей армии достаточные силы, чтобы поддерживать его у власти во время своего отсутствия. Когда это было сделано, он начал готовиться к переброске остальной части своих войск морем на Сицилию.

Пирр заранее отправляет Синейя на Сицилию.

Он решил, согласно своему обычаю, сначала послать Кинейя вперед, чтобы тот сделал предварительные приготовления на Сицилии. Следовательно, Киней покинул Тарент с небольшой эскадрой кораблей и галер и после короткого путешествия благополучно прибыл в Сиракузы. Он обнаружил, что ведущие державы этого города готовы приветствовать Пирра, как только тот прибудет, и сделать царем молодого Александра. Киней завершил приготовления для этой цели, а затем разослал гонцов в различные другие города на северной стороне острова, сообщив им о возникшем плане возвести на трон наследника царя Агафокла и попросив их о сотрудничестве в этом. Он вел эти переговоры с таким благоразумием и искусством, что почти вся та часть острова, которая находилась в руках сицилийцев, с готовностью согласилась с этим планом, и жители повсюду были готовы приветствовать Пирра и молодого принца, как только они прибудут.

Форма Сицилии.

Положение Мессаны.

Поведение мамертинцев на Сицилии.

Мамертинцы полностью овладевают Мессаной.

Сицилия, как можно увидеть, обратившись к карте, имеет треугольную форму. В то время в руках сицилийцев находилась только южная часть. Северо-восточной и северо-западной частями острова владели, соответственно, две иностранные и враждебные державы. В северо-

восточной части острова находился город Мессана - современная Мессина. Во времена экспедиции Пирра Мессана была резиденцией и оплотом воинственного народа, называемого мамертинцами, которые несколько лет назад пришли из Италии через Мессанский пролив и, став хозяевами этой части острова, с тех пор удерживали там свои позиции, несмотря на все усилия сицилийцев изгнать их. Говорили, что мамертинцы первоначально прибыли на Сицилию, как Пирр прибыл в Италию, — по приглашению. Агафокл послал за ними, чтобы они пришли и помогли ему в некоторых его войнах. После того как цель, за которой они были посланы, была достигнута, Агафокл отпустил своих помощников, и они отправились в обратный путь. Они проследовали через северо-восточную часть острова в Мессану, откуда должны были отправиться в Италию. Хотя они оказали Агафоклу весьма действенную помощь в его походах, они также доставили ему бесконечное количество неприятностей своим буйным и неуправляемым духом; и теперь, когда они покидали остров, жители страны, через которую они проезжали по пути, повсюду смотрели на них с ужасом. Жители Мессаны, стремясь избежать ссоры с ними и намереваясь способствовать их мирному отъезду из страны всеми доступными им средствами, приняли их в городе и гостеприимно приняли их там. Однако вместо того, чтобы спокойно уйти из города в надлежащее время, как ожидали от них мессанцы, они внезапно и неожиданно напали на людей по согласованному сигналу, овладели городом, безжалостно вырезали всех мужчин, захватили женщин и детей, а затем, каждый обосновался в доме, который ему предоставил выбор или случай, женился на жене и усыновил детей, мужа и отца которых он убил. Результатом стал самый полный и экстраординарный переворот, который только может позволить себе мировая история. Это была политическая, социальная и внутренняя революция в одном лице.

Это событие произошло за много лет до похода Пирра; и хотя за это время сицилийцы приложили немало усилий, чтобы изгнать незваных гостей и вернуть Мессану во владение, они не смогли завершить начатое. Мамертинцы удержали свои позиции в Мессане, и из этого города, как из своей крепости, они распространили свою власть на значительную часть окружающей страны.

Эта территория мамертинцев находилась в северо-восточной части острова. С другой стороны, в северо-западной части находилась большая провинция в руках карфагенян. Их главным городом был Эрикс; хотя был и другой важный город и порт, называемый Лилибеем, который находился к югу от Эрикса, на берегу моря. Здесь карфагеняне привыкли высаживать свои подкрепления и припасы; и благодаря оперативной и прямой связи, которую они могли таким образом поддерживать с самим Карфагеном, они могли противостоять всем попыткам сицилийцев изгнать их.

Три цели, которые необходимо выполнить на Сицилии.

Таким образом, Пирру предстояло достичь трех целей на Сицилии, прежде чем его владычество над островом могло быть полным, а именно: самих сицилийцев в южной и центральной частях острова следовало примирить и объединить, побудить их прекратить свои внутренние распри и признать молодого Александра царем острова; а затем мамертинцы в северо—восточной части и карфагеняне на северо-западе должны были быть покорены и изгнаны.

Работа была выполнена, насколько это касалось самих сицилийцев, в основном кинематографистами. Его ловкие переговоры в значительной степени уладили раздоры, царившие среди народа, и подготовили почву для приветствия Пирра и молодого царевича, как

только они появятся. Что касается карфагенян и мамертинцев, то, конечно, ничего нельзя было предпринимать до прибытия флотов и армий.

Великая экспедиция отплывает на Сицилию.

Наконец приготовления к отплытию экспедиции из Тарента были завершены. Флот состоял из двухсот парусников. Огромная эскадра, каждое судно которой было битком набито вооруженными людьми, покинула гавань Тарента под наблюдением ста тысяч зрителей, собравшихся, чтобы засвидетельствовать ее отплытие, и медленно направилась вдоль берегов Италии, в то время как ее прибытие в Сиракузы было предметом всеобщего ожидания и интереса в этом городе. Когда наконец в поле зрения показался флот, входящий в порт назначения, все население города и окрестностей стеклось к берегам, чтобы стать свидетелями этого зрелища. Благодаря усилиям, приложенным Кинеем, и в результате принятых им мер люди всех рангов и классов были готовы приветствовать Пирра как ожидаемого освободителя. От имени молодого принца, своего сына, он должен был восстановить древнюю монархию, восстановить мир и гармонию на земле и изгнать ненавистных внешних врагов, наводнивших ее пределы. Соответственно, когда флот прибыл и Пирр со своими войсками высадился с него, все население встретило их громкими и шумными возгласами.

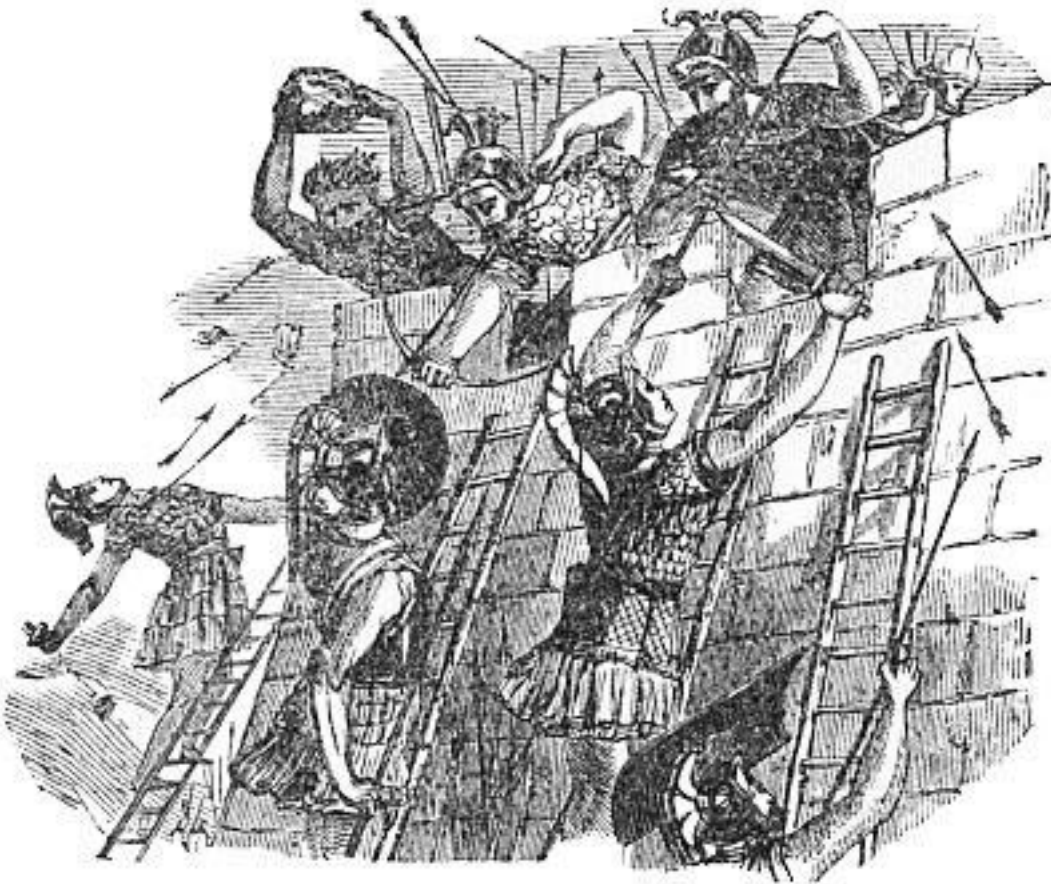
Он решает взять Эрикс штурмом.

После завершения празднеств и ликований, устроенных в честь прибытия Пирра, юный Александр был провозглашен царем и от его имени было учреждено правительство — разумеется, сам Пирр был облечен всей реальной властью. Затем Пирр выступил в поход; и, собрав свои силы, он оказался во главе тридцати или сорока тысяч человек. Сначала он атаковал карфагенян. Он двинулся к той части острова, которую они удерживали, и дал им сражение самым энергичным и решительным образом. Они отступили в свои города и заперлись за крепостными стенами. Пирр двинулся в атаку на них. Он решил взять Эрикс, который был самым сильным из карфагенских городов, штурмом, вместо того чтобы ждать медленных операций обычной осады. Соответственно, войскам было приказано немедленно продвигаться к стенам, и там, поднявшись с помощью бесчисленных лестниц на парапеты наверху, они должны были пробиться внутрь, преодолев оборону города, несмотря на все сопротивление. Конечно, такая служба, как эта, является самой опасной из всех обязанностей, когда-либо требовавшихся от солдата. Башни и парапеты над ними, на которые пытаются взобраться нападающие, покрыты вооруженными людьми, которые толпятся у той части стены, против которой должна быть направлена атака, и стоят там наготове с копьями, дротиками, камнями и всеми другими мыслимыми метательными средствами, чтобы обрушить их на головы осаждающих, поднимающихся по лестницам.

Пирр во главе колонны.

Однако Пирр, каковы бы ни были его недостатки в других отношениях, по-видимому, никогда не был склонен приказывать своим солдатам идти навстречу какой-либо опасности, которую он сам не хотел разделить. Он возглавил колонну при штурме Эрикса и первым взобрался по лестницам. Однако, прежде чем двинуться в атаку, он совершил грандиозную религиозную церемонию, в которой просил помощи у бога Геркулеса в предстоящем столкновении; и дал торжественную клятву, что, если Геракл поможет ему в битве, чтобы дать ему возможность продемонстрировать перед сицилийцами такую силу и доблесть и совершить такие подвиги,

которые будут достойны его имени, его происхождения и его прошлой истории, он немедленно после битвы устроит на месте ряд празднеств и жертвоприношений самого внушительного и великолепного характера в честь бога Геракла. . Когда эта клятва была произнесена, зазвучала труба, и штурмующий отряд двинулся вперед во главе с Пирром. Взявшись по лестнице, он защищался своим щитом от снарядов, сбрасываемых на него сверху, пока не достиг вершины стены, и там, благодаря своей огромной силе, отчаянной и безрассудной храбрости, он вскоре добрался до тех, кто следовал за ним, и занял там позицию как для себя, так и для них, рубя одного за другим тех, кто пытался противостоять ему, пока не окружил себя чем-то вроде парапета, сложенного из тел погибших.

Нападение

Битва на стенах.
Пирр побеждает.

Тем временем вся линия лестниц, тянувшихся вдоль стены, была переполнена мужчинами, которые пробивались наверх, преодолевая сопротивление, которое осажденные оказывали им сверху; в то время как тысячи солдат, выстроенных внизу как можно ближе к месту конфликта, осыпали штурмующий отряд градом дротиков, стреловидных метательных средств, палиц и других метательных снарядов, чтобы помочь штурмующему отряду, оттеснив осажденных с вершины стены. Эти средства настолько помогли тем, кто взбирался по лестницам, что вскоре им удалось овладеть стеной и таким образом сделать себя хозяевами города.

Грандиозный праздник.

Затем Пирр, во исполнение своего обета, устроил грандиозный праздник и посвятил несколько дней играм, зрелищам и всякого рода общественным празднествам, намереваясь выразить свою искреннюю благодарность Гераклу за божественную помощь, которой бог удостоил его при штурме города.

Результат битвы.

Он нападает на мамертинцев.

Одерживает победу.

В результате этого сражения и некоторых других военных операций, которые мы не можем здесь подробно описывать, карфагеняне были изгнаны с открытого поля и вынуждены запереться в своих цитаделях или удалиться в горные твердыни, где они нашли убежища и оборону, из которых Пирр не мог сразу их выбить. Соответственно, оставив все как было в Карфагене, или западной части острова, он продолжил атаковать мамертинцев в восточной части. Он добился такого же успеха и здесь. Благодаря такту и мастерству, которые он проявлял в своих военных приготовлениях и маневрах, а также отчаянной храбрости и стремительности, которые он проявлял в бою, он побеждал везде, куда бы ни приходил. Он захватил и разрушил многие крепости мамертинцев, полностью изгнал их с открытой местности и запер в Мессане. Таким образом, остров был почти полностью возвращен во владение сицилийцам, в то время как иностранные захватчики, хотя и были сдержаны, в конце концов, по-настоящему изгнаны не были.

Карфагеняне послали к нему гонцов, предлагая условия мира. В этих предложениях их намерение состояло в том, чтобы сохранить свою провинцию на Сицилии, как это было до сих пор, и согласиться с Пирром в отношении границы, при этом предложенный договор требовал от каждой стороны придерживаться своих соответствующих пределов, установленных таким образом. Пирр, однако, ответил, что он не может принять никаких подобных предложений. Он ответил им точно так же, как римляне ответили ему в аналогичном случае, сказав, что он должен настаивать на их первом полном уходе с Сицилии в качестве предварительного шага к каким бы то ни было переговорам. Карфагеняне не согласились с этим требованием, и поэтому переговоры были приостановлены.

Пирр строит новые планы.

Тем не менее карфагеняне были так надежно закреплены в своих укреплениях, что Пирр предположил, что работа по вытеснению их силой будет медленным, утомительным и, возможно, сомнительным предприятием. Соответственно, его смелый и неугомонный дух задумал оставить все как есть и продолжить осуществление своего первоначального замысла, организовав грандиозную экспедицию для вторжения в Африку. Фактически, он думал, что это было бы наиболее эффективным средством изгнать карфагенян с Сицилии; поскольку он предполагал, что, если он высадится в Африке и будет угрожать самому Карфагену, тамошние власти будут вынуждены отозвать все свои силы из чужих земель для защиты своих собственных домов и очагов в столице. Поэтому он решил без промедления снарядить свой флот для путешествия через Средиземное море.

Не хватает моряков.

Сицилийцы выступают против его планов.

У него было достаточно кораблей, но ему не хватало моряков. Чтобы удовлетворить эту потребность, он начал привлекать сицилийцев к себе на службу. Они очень неохотно ввязывались в это дело, отчасти из естественного отвращения к столь далекому и опасному предприятию, а отчасти потому, что не желали, чтобы Пирр сам покидал остров до тех пор, пока их иностранные враги не будут полностью изгнаны. "Как только вы уйдете, - сказали они, - карфагеняне и мамертинцы выйдут из своих укрытий, и страна немедленно столкнется со всеми трудностями, от которых вы пытались нас избавить. Весь ваш труд пропадет даром, и мы, возможно, окажемся в еще более плачевном состоянии, чем когда-либо".

Всеобщее восстание на Сицилии.

Было очевидно, что эти утверждения были верны, но Пирра никак нельзя было заставить обратить на них внимание. Он был полон решимости осуществить свой план высадки на побережье Африки. Соответственно, он продолжал свои приготовления в более произвольном и безрассудном духе, чем когда-либо. Он стал суровым, властным и деспотичным в своих действиях. Он арестовал нескольких ведущих генералов и государственных министров — людей, которые были его самыми заклятыми друзьями и через посредство которых он был приглашен на Сицилию, но которых теперь он подозревал во враждебном отношении к его планам. Одного из этих людей он предал смерти. Тем временем он продвигал свои приготовления, заставляя людей вступать в его армию и подниматься на борт его флота, и прибегая к другим суровым и крайним мерам, которым народ, возможно, подчинился бы от одного из своих наследственных государей, но которые были совершенно невыносимы, когда их навязывал иностранный авантюрист, прибывший на их остров по их приглашению для выполнения предписанного и определенного долга. Одним словом, прежде чем Пирр был готов начать свой африканский поход, по всей Сицилии вспыхнуло всеобщее восстание против его власти. Часть людей присоединилась к мамертинцам, часть - к карфагенянам. Одним словом, вся страна была охвачена смутой, и Пирр испытал унижение, увидев, как огромная структура власти, которую, как он себе представлял, он так успешно создавал, внезапно рухнула со всех сторон на землю.

Характер Пирра.

Он не обладает настойчивостью.

Новый план.

Как читатель, вероятно, узнал задолго до этого, не в характере Пирра было оставаться на месте и бороться с подобными трудностями. Если предстояло предпринять какое-либо новое предприятие или в случае внезапной необходимости вступить в отчаянную битву, Пирр всегда был готов к действию и почти уверен в успехе. Но у него не было никаких качеств, которые когда-либогодились бы ему в условиях такого кризиса, как этот. У него были пыл и порывистость, но не было настойчивости или решительности. Он мог сражаться, но не умел планировать. Он был безрассудно и отчаянно храбр, сталкиваясь с физической опасностью, но, когда сталкивался с трудностями и замешательством, его единственным ресурсом было бегство. Соответственно, вскоре на Сицилии было объявлено, что Пирр решил отложить свой план похода в Африку и возвращается в Тарент, откуда он прибыл. По его словам, он получил сведения из Тарента, которые требовали его немедленного возвращения в этот город. Вероятно, это было правдой, ибо он оставил все в Таренте в таком состоянии, что, несомненно, постоянно получал подобные сведения оттуда. Получал ли он какой-либо особый или

экстраординарный вызов из Тарента именно в это время, крайне неясно. Он, однако, притворился, что такое сообщение пришло; и под этим предлогом он укрылся в своем предполагаемом отъезде, просто чтобы избежать обвинения в том, что его действительно прогнали.

Неудачная попытка вернуться в Италию.

Однако его враги не собирались позволять ему уйти с миром. Карфагеняне, узнав о его замысле, послали флот наблюдать за побережьем и перехватить его; в то время как мамертинцы, перейдя пролив, направились к тому месту на побережье Италии, где, как они ожидали, он высадится, намереваясь напасть на него, как только он ступит на берег. Оба этих плана увенчались успехом. Карфагеняне атаковали его флот и уничтожили множество его кораблей. Самому Пирру едва удалось спастись бегством с небольшим количеством судов и достичь берега. Здесь, как только он достиг этой земли, ему противостояли мамертинцы, которые достигли этого места раньше него с десятью тысячами человек. Пирр вскоре собрал с кораблей, достигших суши, силы столь внушительные, что мамертинцы не осмелились напасть на него всем скопом, но они перекрыли проходы, через которые лежал путь в Тарент, и всячески старались перехватить его и преследовать во время похода. Они убили двух его слонов, отрезали множество отдельных отрядов людей и, наконец, расстроили все его планы и привели всю его армию в замешательство. Наконец Пирр решил вынудить своих врагов к битве. Соответственно, как только представилась благоприятная возможность, он выступил вперед во главе сильного отряда и атаковал мамертинцев внезапным и самым стремительным образом.

Ужасный конфликт.

Последовал ужасный конфликт, в котором Пирр, как обычно, проявил себя лично самым отчаянным образом. На самом деле различные разочарования и досады, которые ему пришлось пережить, привели его в состояние сильного раздражения по отношению к своим мучителям-врагам. Он рвался вперед в самую горячую часть битвы, его огромная мускульная сила позволяла ему на какое-то время сбивать с ног и уничтожать всех, кто пытался ему противостоять.

Пирр ранен в голову.

Шокирующее зрелище.

Чемпион мамертинцев.

В конце концов, однако, он получил страшную рану в голову, которая на какое-то время полностью вывела его из строя. Друзья спасли его от опасности, хотя он был оглушен и потерял сознание от удара, и унесли с места конфликта с кровью, текущей по его лицу и шее, — ужасающее зрелище. Когда его отнесли в безопасное место в его собственных рядах, он вскоре пришел в себя, и оказалось, что он не был серьезно ранен. Однако враги, полные ярости и ненависти, подошли так близко, как только осмелились, к тому месту, куда отнесли Пирра, и стояли там, призывая его вернуться, если он еще жив, и наполняя воздух насмешливыми и оскорбительными криками, а также выкриками вызова и неповиновения. Пирр несколько мгновений терпел это издевательство, насколько это было возможно, но в конце концов оно привело его в совершенную ярость. Он схватил свое оружие, оттолкнул своих друзей и слуг в сторону и, несмотря на все их увещевания и все их попытки удержать его, бросился вперед и

атаковал своих врагов с большей яростью, чем когда-либо. Запыхавшийся от своих прежних усилий и покрытый кровью, он являл собой шокирующее зрелище для всех, кто его видел. Чемпион мамертинцев — тот, кто первым вызвал Пирра на поединок — вышел ему навстречу с поднятым оружием. Пирр парировал удар, а затем, внезапно обрушив свой собственный меч на макушку своего противника, он разрубил его, как рассказывается в этой истории, с головы до ног, произведя столь полное расчленение, что одна половина тела упала на одну сторону, а другая - на другую.

Возможно, трудно определить пределы физической силы, на которую способна человеческая рука. Однако такой факт, как рассечение тела человека ударом меча, рассматривался в древние времена на грани абсолютной невозможности и, следовательно, считался высшим личным подвигом, который мог совершить солдат. Это было приписано в разное время нескольким разным воинам, хотя в наши дни не верится, что этот подвиг когда-либо действительно совершался.

Пирру удастся достичь Тарента.

Но, какова бы ни была судьба мамертинского чемпиона под мечом Пирра, само войско потерпело такое поражение в битве, что они больше не доставляли Пирру хлопот, а, отступив с поля боя, оставили его остаток пути до Тарента в мире. Наконец он прибыл туда с силами, примерно равными тем, с которыми он отправился из Тарента на Сицилию. Однако вся цель его экспедиции потерпела полный крах. Фактически, это предприятие, как и почти все начинания, в которые ввязывался Пирр, хотя и было блестяще и триумфально успешным вначале, в конце привело лишь к разочарованию и катастрофе.

Глава VIII.

Отступление из Италии.

276-274 гг. до н. э.

Состояние армии Пирра.

Его ослабленное состояние.

Силы, с которыми Пирр вернулся в Тарент, были почти такими же большими, как те, которые он забрал с собой, но состояли из совершенно других материалов. Греки из Эпира, которых он в первую очередь привел с собой из своей родной страны, постепенно исчезли из рядов его армии. Многие из них были убиты в бою, и еще большее число пало от переохлаждения и усталости, а также из-за тысяч других потерь, связанных с такой службой, как та, в которой они были задействованы. Их места время от времени пополнялись за счет новых призывников или путем внушения и воинской повинности. Конечно, эти новобранцы не были связаны со своим командиром никакими узами привязанности или уважения. В основном это были наемники, то есть люди, нанятые для войны и готовые сражаться за любое дело или за любого командира, при условии, что им заплатят. Одним словом, соотечественники Пирра из Эпира исчезли, а ряды его армии пополнились беспринципными и обездоленными негодьями, которые не

испытывали ни интереса к его делу, ни гордости за его успех, ни беспокойства о его чести. Они служили ему только ради жалованья и поблажек солдатской жизни, а также из-за случайной надежды на добычу.

Шаткое положение его дел.

По прибытии в Тарент Пирр, помимо состояния своей армии, обнаружил, что положение его дел в других отношениях очень критическое. За время его отсутствия римляне добились больших успехов в подчинении своей власти всей страны. Города и поселки, находившиеся под его властью, когда он отправился на Сицилию, были захвачены римлянами или перешли к ним по собственной воле. Правительство, которое он установил в Таренте, было, таким образом, лишено власти и ограничено территорией; и он почувствовал себя вынужденным немедленно выступить в поход, чтобы вернуть утраченные позиции.

Он немедленно принял энергичные меры по укреплению своей армии и получению необходимых припасов. Его казна была истощена; чтобы пополнить ее, он отправил послов к своим различным союзникам за ссудой денег. Конечно, он знал, что большая часть его армии немедленно покинет его, как только они обнаружат, что он не в состоянии заплатить им. Поэтому какое-то время он был весьма обеспокоен состоянием своих финансов и поручил своим послам самым серьезным образом настаивать на неотложности своих нужд перед союзниками.

Дело при Локрах.

Пирр отвоевывает его.

Однако он не стал дожидаться результата этих мер, а немедленно приступил к активным действиям на местах. Одним из его первых подвигов было взятие Локри, города, расположенного на южном побережье Италии, как видно из карты. Этот город находился в его владении до того, как он отправился на Сицилию, но во время его отсутствия перешел к римлянам. Локри были очень значительным городом, и отвоевание его у римлян считалось довольно важным приобретением. Это место получило свое значение, в некоторой степени, благодаря знаменитому храму, который стоял там. Это был храм Прозерпины, богини Смерти. Этот храм был великолепен по своей структуре, и он был обогащен очень дорогими сокровищами. Это не только выделяло город, в котором он находился, но и из-за необычного стечения обстоятельств, произошедших в связи с ним, стало поводом для одного из самых важных инцидентов в истории Пирра.

Прозерпина, богиня Смерти.

Пояснения.

Кентавры, русалки, гиппогрифы и другие легенды.

Прозерпина, как уже упоминалось, была Богиней Смерти. В наши дни нам очень трудно понять и оценить представления, которые греки и римляне в древние времена имели о сверхъестественных существах, которым они поклонялись, — об этих странных созданиях, в которых так необычно сочетаются историческая правда, поэтическая фантазия и возвышенное суеверие. Чтобы помочь нам правильно понять этот предмет, мы должны помнить, что в те дни границы того, что было известно как действительная реальность, были очень неопределенными и расплывчатыми. Тогда была исследована лишь очень малая часть либо видимого мира, либо области науки и философии; и в мыслях и представлениях каждого человека естественное и

истинное незаметно переходило со всех сторон в чудовищное и сверхъестественное, поскольку в умах людей не было никаких принципов, установленных в уме людей, чтобы обозначить границы, где истинное и возможное должны заканчиваться, а все, что за их пределами, было невозможным и абсурдным. Следовательно, знание, которое люди получали из наблюдения за такими истинами и такими объектами, которые были непосредственно вокруг них, незаметно переходило в область фантазии и романтики, и во все это верили вместе взятые. Они видели львов и слонов в соседних землях, которые они знали; и они верили в кентавров, русалок, гиппогрифов и драконов, которые, как они воображали, обитали в более отдаленных регионах. Они видели героев и вождей на равнинах и в долинах внизу; и у них не было причин не верить в существование богов и полубогов на вершинах голубых и прекрасных гор вверх, где, насколько они знали, могли лежать бескрайние зеленые и прекрасные территории, совершенно недоступные человеку. Точно так же где-то под землей, они не знали где, лежали, как они себе представляли, обширные области, предназначенные для приема духов умерших, с подходами, ведущими к ним сверху, через таинственные гроты и каверны. Прозерпина была Богиней Смерти и царицей этих низших обитателей.

О ее происхождении и истории рассказывали разные истории. Наиболее характерной и детализированной является следующая:

Сказочная история Прозерпины.

Она была дочерью Юпитера и Цереры. Она была очень красива, и, чтобы защитить ее от назойливых любовников, мать отправила ее под присмотром служанки по имени Каллигена в пещеру на Сицилии и спрятала там. Вход в пещеру охраняли драконы. Плутон, который был богом низших областей, попросил ее в жены у Юпитера, ее отца. Юпитер согласился и послал Венеру выманить ее из пещеры, чтобы Плутон мог заполучить ее. Венера в сопровождении Минервы и Дианы направилась в пещеру, где пряталась Прозерпина. Три богини придумали какие-то средства, чтобы отогнать драконов, охранявших пещеру, а затем легко убедили девушку выйти погулять. Прозерпина была очарована зеленью и красотой, которые она обнаружила вокруг себя на поверхности земли, сильно контрастировавшей с мраком и запустением ее пещеры. На прогулке ее сопровождали нимфы и зефиры, и в их компании она прогуливалась, восхищаясь красотой и наслаждаясь ароматом цветов. Некоторые из цветов, которые больше всего привлекли ее внимание, были выращены на месте благодаря чудесной силе Юпитера, который заставил их распуститься в удивительной пышности и великолепии, тем более эффективно очаровывая чувства девушки, которую они соблазняли. Наконец, внезапно земля разверзлась, и появился Плутон, поднимающийся снизу в золотой колеснице, запряженной бессмертными конями, и, схватив Прозерпину, он отнес ее в свои собственные обители.

Церера ищет ее.

Церера, мать Прозерпины, была очень огорчена, когда узнала о судьбе своей дочери. Она немедленно отправилась к Юпитеру и умоляла его вернуть Прозерпину в верхний мир. Юпитер, с другой стороны, убеждал Цереру согласиться на то, чтобы она осталась женой Плутона. Мать, однако, не уступала, и в конце концов ее слезы и мольбы настолько возобладали над Юпитером, что побудили его разрешить Церере вернуть Прозерпину обратно при условии, что она не пробовала никакой пищи, произрастающей в нижних краях. Церера, соответственно, отправилась на поиски своей дочери. К несчастью, она обнаружила, что Прозерпина,

прогуливаясь по Елисейским полям с Плутоном, неосторожно съела гранат, который сорвала с растущего там дерева. Следовательно, она была лишена возможности воспользоваться разрешением Юпитера вернуться на Олимп. В конце концов, однако, Юпитер согласился, чтобы она разделила свое время между низшей и высшей областями, проведя шесть месяцев с Плутоном внизу и шесть месяцев со своей матерью наверху; и она так и сделала.

Мистическое значение жизни Прозерпины.

Все человечество смотрело на Прозерпину с чувством великого почитания и трепета как на богиню и королеву смерти, и ей поклонялись во многих местах с торжественными и внушительными церемониями. Более того, в умах людей было определенное мистическое значение в образе жизни, который она вела, разделяя таким образом свое время путем регулярного чередования нижнего и верхнего миров, что, как им казалось, обозначало и олицетворяло принцип *п्राстительности*, который в определенном смысле можно рассматривать как принцип жизни и смерти попеременно, поскольку в течение шести месяцев в году он проявляется в виде живых и растущих растений, поднимающихся над землей и покрывающих землю зеленью и красотой, а затем, в течение шести месяцев, которые она вела, оставаясь, оно исчезает из поля зрения и существует только в виде инертных и, по-видимому, безжизненных корней и семян, скрытых в скрытых углублениях под землей. Таким образом, Прозерпина считалась прообразом и эмблемой растительности, и, соответственно, ей поклонялись, в некотором смысле, как богине воскрешения и жизни, а также смерти и могилы.

Один из главных храмов, построенных в честь Прозерпины, находился, как уже было сказано, в Локрах, и церемонии и праздники отмечались здесь через установленные промежутки времени с большой помпой и парадом. Этот храм тоже стал очень богатым, в нем были собраны огромные сокровища, состоящие из золотых и серебряных сосудов, драгоценных камней и всевозможных богатых и великолепных принадлежностей — даров и подношений, которые время от времени приносили принцы и короли, присутствовавшие на празднествах.

Пирр решает конфисковать сокровища в Локрах.

Когда Пирр отвоевал Локры у римлян и этот храм со всеми его сокровищами перешел в его власть, некоторые из его советников предположили, что, поскольку он так остро нуждался в деньгах, а все другие его планы по снабжению себя до сих пор проваливались, он должен завладеть этими сокровищами. Утверждалось, что они могли рассматриваться в некотором смысле как общественная собственность; и поскольку локрийцы восстали против него в его отсутствие и теперь были завоеваны заново, он имел право рассматривать эти богатства как трофеи победы. Пирр решил последовать этому совету. Он завладел самыми богатыми и ценными предметами, находившимися в храме, и, погрузив их на борт кораблей, которые он отправил с этой целью в Локры, взялся перевезти их в Тарент. Он намеревался обменять их там на деньги, чтобы получить средства для удовлетворения потребностей своей армии.

Корабли терпят крушение, а сокровища утеряны.

Однако корабли, проходя вдоль побережья, попали в страшный шторм и почти все потерпели крушение. Моряки, управлявшие судами, утонули, в то время как священные сокровища все же были спасены, и это тоже, как могло показаться, благодаря какому-то сверхъестественному действию, поскольку те же волны, которые захлестнули и уничтожили кощунственные корабли и моряков, вынесли ящики, в которые были уложены священные сокровища, на берег; и там

посланцы Пирра нашли их, разбросанными среди скал и на песке в различных точках берега. Пирр был сильно напуган этим несчастьем. Он полагал, что это был Небесный суд, обрушившийся на него под влиянием и при посредничестве Прозерпины, в наказание за его нечестивую самонадеянность в осквернении ее святыни. Он бережно собрал все, что спасло море, и отправил все обратно в Локри. Он устроил там торжественные службы в честь Прозерпины, чтобы выразить свое раскаяние в своих проступках, и, чтобы дать еще более убедительное доказательство своего желания смягчить ее гнев, он казнил советников, которые советовали ему забрать сокровища.

Пирра угнетают суеверные страхи.

Несмотря на все эти попытки искупить свой проступок, Пирр не мог избавиться от мрачного впечатления, которое произвела на него мысль о том, что он навлек на себя прямое неудовольствие Небес. Он не верил, что гнев Прозерпины когда-либо был полностью утолен; и всякий раз, когда несчастья постигали его в его последующей карьере, он приписывал их недовольству богини смерти, которая, как он верил, следовала за ним повсюду и была полна решимости погубить его.

Сезон подходил к концу, и военные действия как Пирра, так и римлян были в значительной степени приостановлены до весны. Пирр потратил этот промежуток времени на приготовления к выступлению в поход, как только закончится зима. Однако ему пришлось столкнуться со многими трудностями. Его финансовые затруднения все еще продолжались. Его усилия по сбору средств увенчались успехом лишь частично. Он обнаружил, что люди во всем регионе вокруг Тарента также были полностью отчуждены от него. Они не простили ему того, что он покинул их и отправился на Сицилию, и вследствие этого отказа от своего дела они потеряли большую часть своего доверия к нему как к своему защитнику, в то время как все, что касалось энтузиазма в его служении, полностью исчезло. Из-за этих и других причин он столкнулся с бесчисленными препятствиями в осуществлении своих планов, и его разум был измучен постоянным разочарованием и тревогой.

Он выходит из Тарента навстречу римлянам.

Однако его решимость и энергия все еще были таковы, что, когда настало время выступать в поход, у него были наготове значительные силы, и он выступил из Тарента во главе их, чтобы пойти навстречу римлянам. С другой стороны, сами римляне собрали очень большие силы и послали их вперед двумя дивизиями под командованием двух консулов. Эти две дивизии пошли разными маршрутами: одна шла на север, через провинцию Самний, а другая на юг, через Луканию, — однако обе вели к Таренту. Пирр также разделил свои силы на две части. Один отряд войск он послал на север, в Самниум, навстречу северной части римской армии, в то время как с другим он двинулся более южным путем, чтобы встретить римского консула, который шел через Луканию. Звали этого консула Курий Дентат.

Пирр встречается с Курием близ Беневента.

Пирр продвинулся в Луканию. Римский полководец, когда он обнаружил, что его враг приближается, счел наиболее благоразумным послать за другой дивизией своей армии, а именно за той, которая маршировала через Самний, и дожидаться ее прибытия, прежде чем дать

Пирру сражение. Соответственно, он отдал необходимые приказы Лентулу, командовавшему северной дивизией, а сам тем временем укрепился сильным лагерем в местечке под названием Беневент. Пирр вошел в Луканию и двинулся к Беневенту, и, выяснив положение дел в лагере и планы Курия, он остановился на некотором расстоянии от римской позиции, чтобы обдумать, что ему лучше всего предпринять. В конце концов он пришел к выводу, что очень важно, чтобы его конфликт с римлянами под командованием Курия произошел до того, как прибудет Лентул, чтобы подкрепить их силы, и поэтому он решил быстро продвигаться вперед, напасть на них и застать врасплох в их укреплениях, прежде чем они узнают о его приближении. Этот план он, соответственно, попытался осуществить. Он продвигался обычным способом и по дорогам общего пользования страны, пока не начал приближаться к Беневенту. В конце дня он разбил лагерь, как обычно; но вместо того, чтобы ждать в своем лагере до следующего дня, а затем двинуться дальше в своей обычной манере, он нанял проводников, чтобы те повели свои войска кружным путем среди гор, с тем чтобы очень рано утром внезапно обрушиться на лагерь римлян с холмов. Было предоставлено огромное количество факелов, чтобы освещать солдатам путь по темным лесам и мрачным ущельям, через которые пролегал их путь.

Он продвигается по горной тропе при свете факела.

Несмотря на все принятые меры предосторожности, трудности маршрута были настолько велики, что продвижение войск было сильно затруднено. Дорога повсюду была загромождена кустарником, камнями, поваленными деревьями и заболоченными участками земли, так что солдаты продвигались очень медленно. Большое количество факелов погасло в течение ночи, некоторые погасли случайно, а другие погасли из-за истощения топлива. Таким образом, большое количество войск было оставлено в темноте, и после некоторого блуждания ощупью по окольным и ненадежным тропинкам они безнадежно заблудились в лесу. Однако, несмотря на все эти трудности и обескураживание, основная часть армии решительно продвигалась вперед, и незадолго до рассвета авангард вышел на высоты над римским лагерем. Как только их было собрано достаточное количество, их сразу же построили в боевой порядок и, спустившись с гор, они предприняли яростную атаку на укрепления противника.

Римляне захвачены врасплох.

Пирр отброшен.

Римляне были застигнуты врасплох, и их лагерь немедленно превратился в место величайшего замешательства. Люди повсюду вскакивали со сна и хватались за оружие. Вскоре они оказались в ситуации, когда могли оказать очень эффективное сопротивление нападению своих врагов. Сначала они отбросили нападавших с тех точек, откуда те пытались проникнуть, а затем, воодушевленные успехом, совершили вылазку из своих укреплений и, в свою очередь, сами стали нападавшими. Вскоре греки были разбиты и вынуждены полностью уйти с земли. Великое множество было убито, и несколько слонов, которых Пирр каким-то образом сумел привести на место, были захвачены. Римляне, конечно, были в большом восторге от этой победы.

На самом деле, Курий был настолько удовлетворен и обрадован этим успехом, и так велика была уверенность, которую он ему внушил, что он решил больше не ждать Лентула, а немедленно выступить и дать Пирру сражение. Соответственно, он вывел свои войска и расположил их на равнине недалеко от своего лагеря, разместив их таким образом, чтобы получить для себя определенное преимущество в характере местности, которую он выбрал, и все же, поскольку между ним и его врагом не было ничего, кроме открытого поля, передвижение

было честным и регулярным вызовом на битву. Пирр принял этот вызов, выведя свои войска на поле боя, и конфликт начался.

Приключения Пирра на поле битвы.

Наступление слонов.

Они в ужасе от факелов.

Как только сражающиеся по-настоящему сцепились, одно из крыльев армии Пирра начало сдаваться. Напротив, другое крыло, которым лично командовал сам Пирр, одержало победу. Пирр сам повел своих солдат вперед; и он придал им столько силы и энергичности своей собственной безрассудной отвагой, что все те части римской армии, которые противостояли им, были разбиты и оттеснены обратно в лагерь. Этот успех, однако, был достигнут не только благодаря личной доблести Пирра. В значительной степени это было связано с силой слонов, поскольку они сражались в этой части поля. Поскольку римляне почти совершенно не привыкли воевать на слонах, они не знали, как противостоять им, и огромные звери сметали все перед собой, куда бы они ни двинулись. В этой критической ситуации Курий приказал двинуть в наступление свежую группу войск. Это был резервный корпус, который он разместил рядом с лагерем, получив приказ держать себя там в готовности, выступить вперед и действовать в любой момент и на любом участке поля боя, где могли потребоваться их услуги. Теперь эти войска были вызваны, чтобы выступить вперед и атаковать слонов. Соответственно, они ринулись вперед, размахивая мечами в одной руке и неся горящие факелы, которыми их снабдили по такому случаю, в другой. Факелы они бросали в слонов, как только те приближались, чтобы напугать их и сделать неуправляемыми; а затем, вооружившись мечами, они нападали на сторожей и погонщиков животных, а также на людей, которые сражались вместе с ними. Успех этого наступления был настолько велик, что вскоре слоны стали неуправляемыми. Они даже ворвались в фалангу и привели ее ряды в замешательство, опрокидывая и топча людей и сами падая на убитых от ран, нанесенных им копьями.

Разгром

Молодой слоненок и его мать.

Говорят, что посреди этой сцены смятения и ужаса произошел примечательный случай, который поразительно иллюстрирует силу материнского инстинкта даже у животных. Случилось так, что в том же подразделении армии Пирра были молодой слоненок и его мать. Первый, хотя и был молод, был достаточно взрослым, чтобы служить боевым слоном, и, как оказалось, его положение на поле битвы было не очень далеко от положения его матери. В ходе битвы молодой слон был ранен, и он немедленно издал пронзительный крик боли и ужаса. Мать услышала крик и узнала голос, который произнес его сквозь весь шум битвы. Она немедленно стала совершенно неуправляемой и, вырвавшись из-под контроля своих хранителей, бросилась вперед, топча все на своем пути, чтобы спасти и защитить свое потомство. Этот инцидент произошел в начале атаки римского резерва на слонов и в значительной степени способствовал панике и замешательству, которые последовали за этим.

Бегство Пирра.

Его отчаянный план.

Наконец он благополучно прибывает в Эпир.

В конце концов Пирр потерпел полное поражение. Он был вынужден покинуть свой лагерь и отступить к Таренту. Римляне немедленно двинулись вперед, окрыленные победой и увлекая за собой всех. Пирр отступал все быстрее и быстрее, его численность постоянно уменьшалась по мере того, как он бежал, пока, наконец, когда он достиг Тарента, в его свите было всего несколько всадников. Он направил своим друзьям и союзникам в Греции самые настоятельные просьбы оказать ему помощь. Помощь, однако, не пришла, и Пирр, чтобы сохранить те небольшие остатки, которые все еще поддерживали его, прибегнул к отчаянному средству - подделал письма от своих друзей, обещая быстрые и обильные поставки, и показал эти письма своим военачальникам, чтобы они не впали полностью в уныние и не отказались от его дела. Однако это жалкое изобретение, даже в случае успеха, могло принести лишь кратковременное облегчение. Вскоре Пирр обнаружил, что всякая надежда и возможность восстановить свое состояние в Италии полностью исчезли, и что у него не осталось иного выхода, кроме как покинуть это место. Итак, сделав вид, что удивляется, почему его союзники не выслали вперед помощи, которую они обещали в своих письмах, и сказав, что, поскольку они были столь медлительны и небрежны, он должен отправиться сам и привести их, но пообещав, что немедленно вернется, он отплыл из Тарента и, переплыв море, отправился домой, в свое королевство. Он благополучно прибыл в Эпир после шестилетнего отсутствия.

Глава IX.

Семья Лисимаха.

284-273 гг. до н. э.

Некоторые сведения о семье Лисимаха.

Читатель, возможно, помнит, что, когда Пирр отступал из Македонии, перед тем как отправиться в свой знаменитый поход в Италию, врагом, до того как он был вынужден отступить, был Лисимах. Лисимах продолжал править Македонией еще некоторое время после ухода Пирра, пока, наконец, сам не был свергнут при обстоятельствах весьма примечательного характера. Фактически, вся его история представляет собой поразительную иллюстрацию природы результатов, которые часто следовали в древние времена за системой правления, которая тогда почти повсеместно преобладала, — системой, в которой верховная власть считалась по праву принадлежащей какому-либо монарху, унаследовавшему ее от своих предков по наследству и который, осуществляя ее, был полностью превыше всякого чувства ответственности перед подданными своего доминиона.

Замечания о принципе наследования по наследству.

Авторы, посвященные теории гражданского правления, иногда говорили, что принцип наследственного суверенитета в управлении нацией имеет решительное преимущество перед любым выборным способом назначения главного судьи из-за его *определенности*. Если система такова, что после смерти монарха верховная власть переходит к его старшему сыну, порядок наследования определяется сразу, без обсуждения или промедления. С другой стороны, если должны состояться выборы, то должно быть соревнование. Формируются партии; разрабатываются планы и контрпланы; завязывается затяжной и жаркий спор; и когда, наконец, голосование заканчивается, иногда возникают сомнения и неуверенность в установлении истинного результата, и очень часто возникает сердитый и упрямый отказ согласиться с ним, когда он будет определен. Таким образом, принцип наследственного происхождения кажется простым, ясным и не подверженным неопределенности или сомнению, в то время как принцип всенародного избрания, как правило, приводит подчиняющуюся ему страну к бесконечным спорам и часто в конечном итоге к гражданской войне.

Трудности, которые часто возникают.

Но хотя это может быть в *теории* функционирования двух систем, на практике было обнаружено, что наследственный принцип имеет очень мало преимуществ перед любым другим в отношении предотвращения неопределенности и споров. Среди бесчисленных форм и этапов, которые принцип наследственного происхождения принимает в реальной жизни, случаев, когда один признанный и неоспоримый суверен страны умирает и оставляет одного признанного и неоспоримого наследника, сравнительно немного. Отношения, существующие между различными ветвями семьи, часто чрезвычайно запутанны. Иногда они по-разному переплетаются друг с другом в результате смешанных браков; иногда возникающие в связи с ними притязания нарушаются, или изменяются, или запутываются в результате завоеваний и революций; и таким образом, они часто оказываются настолько безнадежно запутанными, что никакая человеческая проницательность не может их классифицировать или упорядочить. Случай Франции в настоящее время [\[L\]](#) является яркой иллюстрацией этой трудности, поскольку в этой стране существует не менее трех групп претендентов, которые считают себя имеющими право на верховную власть, а именно представителей династий Бурбонов, Орлеанов и Наполеонов. Каждая из крупных партий основывает претензии, которые они по отдельности выдвигают в пользу своих соответствующих кандидатов, более или менее исключительно на правах, вытекающих из их наследственного родства с бывшими правителями королевства, и между ними нет иного способа решить вопрос, кроме как путем испытания властью. Даже если

бы все заинтересованные стороны были склонны разрешить спор мирным путем, обратившись к принципам закона о происхождении, касающимся передачи государственной власти, невозможно было бы найти никаких принципов, которые применимы к данному делу; или, скорее, принципов, которые потребовалось бы принять во внимание, так много, и факты, к которым они должны быть применены, настолько запутанны и запутанны, что любое четкое решение вопроса на теоретических основаниях было бы совершенно невозможно. Нет и не может быть другого средства решить такой вопрос, кроме власти.

Примеры.

Фактически, история небольших монархий древних времен состоит, иногда на протяжении столетий почти исключительно, из повествований об интригах, раздорах и кровопролитных войнах соперничающих семей и соперничающих ветвей одной и той же семьи, отстаивающих свои соответствующие притязания как наследников на обладание властью. Эта истина поразительно проиллюстрирована событиями, произошедшими в Македонии во время отсутствия Пирра в Италии и на Сицилии, в связи с семьей Лисимаха и его преемником у власти там. Теперь мы продолжим рассказывать об этих событиях в их порядке.

Вернемся к истории Македонии.

Истории о силе и мужестве Лисимаха.

Посажен в темницу со львом.

В то время, когда Пирр был изгнан из Македонии Лисимахом, до его отъезда в Италию, Лисимах был далеко преклонного возраста. Фактически, в то время ему было почти семьдесят лет. Он начал свою военную карьеру еще при жизни Александра Македонского, будучи одним из самых выдающихся полководцев великого завоевателя. В молодости о нем рассказывали много историй о его личной силе и доблести. Однажды, как уже говорилось, во время охоты в Сирии он в одиночку столкнулся со львом огромных размеров, и после очень отчаянной и упорной борьбы ему удалось убить его, хотя и не без того, чтобы самому не получить тяжелые раны в схватке. Другая история заключалась в том, что однажды, вызвав неудовольствие Александра, он был приговорен к смертной казни, и это тоже было сделано очень жестоким и ужасным образом. Его должны были бросить в логово льва. Такой способ казни не был редкостью в древние времена. Он отвечал двойной цели; он служил не только для ужасного наказания человека, но и для достижения полезной цели в отношении животного. Дав ему живого человека для захвата и растерзания, дикая свирепость зверя была стимулирована и увеличена, и таким образом он стал более ценным для целей, для которых его сохранили. Однако в случае с Лисимахом, обе эти цели потерпели неудачу. Как только его поместили в темницу, где его ожидал лев, он напал на зверя, и, хотя тот был безоружен, ему удалось уничтожить его. Александр так восхищался отчаянной силой и мужеством, проявленными в этом подвиге, что простил преступника и восстановил его расположение.

Амастрис и двое ее сыновей.

Лисимах продолжал служить Александру до тех пор, пока был жив этот монарх; и когда после смерти Александра империя была разделена между ведущими военачальниками, королевство Фракия, которое примыкает к Македонии на востоке, [M] было выделено ему в качестве его части. Поэтому в истории его обычно называют царем Фракии, хотя в последующую часть своей жизни он также овладел Македонским царством путем завоевания. Он женился

последовательно на нескольких женах и пережил из-за них множество домашних неурядиц. Его второй женой была сицилийская принцесса по имени Амастрис. На момент замужества с Лисимахом она была вдовой, и у нее было двое сыновей. Пробыв на ней в браке некоторое время, Лисимах отрекся и бросил ее, и она вернулась на Сицилию со своими двумя сыновьями и жила в некоем городе, который там принадлежал им. Молодые люди не достигли совершеннолетия, и Амастрис, соответственно, принял управление городом от их имени. Однако они поссорились со своей матерью и в конце концов утопили ее, чтобы убрать с дороги. Лисимах, хотя и мог справедливо считать себя в некотором смысле причиной этой катастрофы, поскольку, бросив свою жену и лишив ее своей защиты, он вынудил ее вернуться на Сицилию и отдать себя во власть ее противоестественных сыновей, все же был очень возмущен этим событием и, снарядив экспедицию, отправился на Сицилию, захватил город, взял в плен сыновей Амастриса и предал их безжалостной смерти в отместку за их чудовищное преступление.

Арсиноя.

В то время, когда Лисимах расстался со своей женой Амастрис, он женился на Арсинои, египетской принцессе, фактически дочери Птолемея, сына Лага, который в то время был царем Египта. Насколько сильно Лисимах руководствовался в своем отказе от Амастрис влиянием личной привлекательности Арсинои, которая отвлекла его сердце от верности законной жене, и насколько, с другой стороны, он отдалился от нее из-за ее собственного проступка или вспыльчивости, сейчас неизвестно. Во всяком случае, жена-сицилийка, как уже говорилось, была уволена и отправлена домой, а на ее место пришла египетская принцесса.

Вражда в семье Птолемея.

Небольшая степень домашнего покоя и уюта, которыми до сих пор наслаждался Лисимах, отнюдь не улучшилась от этой перемены. Семья Птолемея была охвачена смертельной враждой, и благодаря браку Арсинои с Лисимахом и другому браку, который произошел впоследствии и о котором сейчас пойдет речь, ссора во всей своей горечи была перенесена на семью Лисимаха, где привела к самым ужасным результатам.

Причина ссоры.

Рассказ о семье.

Причина ссоры в доме Птолемея была такова: Птолемей женился на своей первой жене Эвридике, дочери Антипатра. Когда Эвридика во время своего замужества отправилась со своим мужем в Египет, ее сопровождала ее двоюродная сестра Береника, молодая и красивая вдова, которую она пригласила поехать с ней в качестве своей спутницы и подруги. Однако вскоре в отношениях, которые они поддерживали друг к другу, произошла большая перемена. Из очень нежных и доверительных друзей, они превратились, как это часто бывает в подобных случаях, на гораздо менее заметных театрах военных действий, в соперников и врагов. Береника завоевала расположение Птолемея, и в конце концов он женился на ней. Арсиноя, на которой женился Лисимах, была дочерью Птолемея и Береники. У них также был сын, которого звали Птолемей, и который после смерти своего отца унаследовал его трон. Этот сын впоследствии вошел в историю под именем Птолемея Филадельфа. Он был вторым монархом из династии Птолемеев.

Птолемей Керавн.

Перенос ссоры из Египта в Македонию.

Но, помимо этих потомков Береники, в семье Птолемея была еще пара детей, а именно от Эвридики. У Эвридики были сын и дочь. Сына звали Птолемей Керавн; дочь звали Лисандра. Разумеется, между этими двумя ветвями королевского дома всегда бушевала постоянная и ожесточенная вражда. Две жены, хотя и были когда-то подругами, теперь, конечно, ненавидели друг друга лютой ненавистью. У каждой был свой собственный круг сторонников, и двор на долгие годы отвлекался на интриги, заговоры, разногласия и бесконечные схемы и контрсхемы, к которым прибегали обе стороны в своих попытках помешать и обойти друг друга. Поскольку Арсиноя, жена Лисимаха, была дочерью Береники, можно было ожидать, что при дворе Лисимаха возобладают влияние партии Береники. Так бы, несомненно, и было, если бы, к сожалению, между двумя семьями не образовался еще один союз, который осложнил эту связь и привел, в конце концов, к самым плачевным результатам. Этим другим союзом был брак Агафокла, сына Лисимаха, с Лисандрой, дочерью Эвридики. Таким образом, при дворе и в семье Лисимаха у Береники был представитель в лице ее дочери Арсинои, жены самого царя; в то время как у Эвридики также был представитель в лице ее дочери Лисандры, жены царского сына. Конечно, вся острота ссоры распространилась из Египта в Македонию, и дом Лисимаха был взбудоражен разногласиями Арсинои и Лисандры и попытками, которые каждая предпринимала, чтобы уничтожить другую.

Лисандра.

Конечно, в этом состязании преимущество было на стороне Арсинои, поскольку она была женой самого царя, в то время как Лисандра была всего лишь женой его сына. Тем не менее, положение и влияние Лисандры были очень высоки. Агафокл был принцем, пользовавшимся большим уважением и честью. Он был очень успешен в своих военных кампаниях, выиграл множество сражений и значительно расширил владения и власть своего отца. На самом деле он был большим любимцем как в армии, так и в народе, все они смотрели на него как на надежду и гордость королевства.

Зависть и ненависть к Арсиное.

Муж Лисандры в тюрьме.

Опасность для ее детей.

Конечно, дарование всей этой славы и почестей мужу Лисандры только еще больше разожгло соперничество и ненависть Арсинои. Она и Лисандра были сестрами, или, скорее, сводными сестрами, будучи дочерьми одного отца. Однако именно по этой причине они были естественными врагами друг другу, поскольку их матери были соперницами. Арсиноя, конечно, постоянно изобретала средства, чтобы ограничить растущее значение и величие Агафокла. С другой стороны, сам Агафокл, естественно, приложил бы все усилия, чтобы помешать ее замыслам. В конце концов, Арсиное удалось убедить Лисимаха, что Агафокл замышляет заговор против него и намеревается взять царство в свои руки. Возможно, это было правдой. Однако, было ли это правдой или ложью, теперь уже никогда не узнать. Во всяком случае, Лисимаха заставили поверить в это. Он приказал схватить Агафокла и заключить в тюрьму, а затем, вскоре после этого, приказал отравить его. Лисандру охватили ужас и печаль от этого события. Более того, она была сильно встревожена за себя и за своих детей, а также за своего брата, Птолемея Керавна, который был с ней в это время. Было очевидно, что в Македонии для нее больше не

может быть никакой безопасности, и поэтому, взяв с собой своих детей, брата и нескольких друзей, которые поддерживали ее, она сбежала из Македонии и отправилась в Азию. Здесь она прибегла к защите Селевка, царя Сирии.

Бегство Лисандры.

Селевк был еще одним из полководцев Александра — фактически единственным, кроме Лисимаха, кто остался в живых. Он, конечно, как и Лисимах, достиг очень преклонного возраста жизни, будучи в то время старше семидесяти пяти лет. Можно было бы предположить, что эти ветераны прожили достаточно долго, чтобы забыть о своем древнем соперничестве и были готовы провести несколько оставшихся лет в мире. Но на самом деле все было совсем иначе. Селевк был доволен предложением, предоставленным приходом Лисандры, для начала новых войн. Вскоре за Лисандрой последовали в ее бегстве многие знатные люди и вожди Македонии, которые поддержали ее дело. Лисимах, по сути, прогнал их суровыми мерами, которые он принял против них. Эти люди собрались при дворе Селевка, и там вместе с Лисандром и Птолемеем Керавном они начали разрабатывать планы вторжения во владения Лисимаха и отмщения за жестокую смерть Агафокла. Селевка очень легко было склонить к осуществлению этих планов, и война была объявлена.

Собранная армия.

Отчаянная битва.

Лисимах не стал дожидаться, пока враги вторгнутся в его владения; он организовал армию, переправился через Геллеспонт и выступил навстречу Селевку в Малой Азии. Армии встретились во Фригии. Произошла отчаянная битва. Лисимах был побежден и убит.

Птолемей Керавн.

Теперь Селевк решил сам перейти Геллеспонт и, продвинувшись во Фракию и Македонию, присоединить эти царства к своим владениям. Его сопровождал Птолемей Керавн. Этот Птолемей, как следует помнить, был сыном Птолемея, царя Египта, от его жены Эвридики; и на первый взгляд может показаться, что он сам не мог иметь никаких прав на корону Македонии. Но Эвридика, его мать, была дочерью Антипатра, полководца, к которому была приставлена Македония при первоначальном разделе империи после смерти Александра. Антипатр долгое время правил царством с великим блеском и известностью, и его имя и память до сих пор пользовались большим почитанием у всех македонян. Таким образом, Птолемей Керавн начал понимать, что он имеет право наследовать царство как внук и наследник монарха, который был непосредственным преемником Александра, и чьи притязания, следовательно, как он утверждал, имели приоритет над всеми остальными.

Его безрассудный и отчаянный характер.

Союз Керавна с Селевком.

Более того, Птолемей Керавн долгое время жил в Македонии, при дворе Лисимаха, бежав туда из Египта из-за ссор, в которые он был вовлечен в семье своего отца. Это был человек с очень безрассудным и отчаянным характером, и, будучи молодым человеком при дворе своего отца, он показал, что очень плохо переносит предпочтение, которое его отец был склонен оказывать Беренике и ее детям, а не его матери Эвридике и ему самому. В самом деле, было сказано, что одна из причин, которая привела его отца, чтобы дать Беренис семье является приоритетной

Эвридика, и предложить, что ее сын, а не Птолема Серапс должен стать его преемником, был буйным, необузданным духом, который Серапс отображал. Как бы то ни было, Керавн открыто поссорился со своим отцом и отправился в Македонию, чтобы присоединиться там к своей сестре. Впоследствии он провел значительное время при дворе Лиси́маха и принимал активное участие в государственных делах. Когда Агафокл был отравлен, он бежал с Лисандрой к Селевк; и когда Селевк готовился к войне с Лиси́махом, он, вероятно, считал себя в некотором смысле руководителем экспедиции. Он считал Селевка своим союзником и отправился с ним, чтобы помочь ему в попытке восстановить царство его предков.

Его планы.

Продуманное предательство Керавна.

Однако у Селевка не было такого намерения. Он ни в коем случае не считал себя вовлеченным в организацию экспедиции в интересах Керавна. Его планом было расширение собственных владений; а что касается Керавна, то он рассматривал его лишь как авантюриста, следующего в его свите, — возможно, полезного помощника, но ни в коем случае не имеющего права считаться главным участником важных сделок, которые происходили. Керавн, когда узнал, каково на самом деле было положение дел, будучи совершенно беспринципным в отношении средств, которые он использовал для достижения своих целей, решил убить Селевка при первой возможности.

Аргос.

Селевк, по-видимому, не подозревал об этом замысле, поскольку он вступил во Фракию, направляясь в Македонию, без страха и не приняв никаких мер предосторожности, чтобы оградить себя от опасности замышляемого Керавном предательства. Наконец он прибыл в некий город, который, как ему сказали, назывался Аргос. Он, казалось, встревожился, услышав это имя, и, когда они спросили причину, он сказал, что в какой-то давний период своей жизни был предупрежден оракулом остерегаться Аргоса, как места, которому суждено было стать для него ареной какой-то таинственной и ужасной опасности. Он предположил, что в этом предупреждении упоминался другой Аргос, а именно Аргос в Греции. Раньше он не знал о существовании какого-либо Аргоса во Фракии. Если бы он знал об этом, то приказал бы выступить так, чтобы вообще избежать встречи; и теперь, из-за тревожных предчувствий, вызванных этим названием, он решил без промедления покинуть это место. Однако судьба настигла его прежде, чем он смог осуществить свое решение. Птолемей Керавн, воспользовавшись благоприятной возможностью, которая представилась, пока он был в Аргосе, незаметно подошел сзади к престарелому царю и ударил его кинжалом в спину. Селевк немедленно упал и умер.

Керавн отправляется в Македонию.

Птолемей Керавн немедленно организовал группу приверженцев и отправился в Македонию, где надел диадему и добился провозглашения себя царем. Он обнаружил, что страна охвачена раздорами, в ходе предыдущих царствований время от времени формировалось множество партий, каждая из которых теперь была склонна выступить со своими кандидатами и своими претензиями. Все это Птолемей Керавн смело отложил в сторону. Он попытался заручиться поддержкой всех тех, кто был дружелюбен к древнему дому Антипатра, сказав, что он внук и наследник Антипатра; и, с другой стороны, умиротворить сторонников Лиси́маха, сказав, что он

был мстителем Лисимаха. В каком-то смысле это было правдой, поскольку он убил Селевка, человека, которым был уничтожен Лисимах. Однако, в конце концов, он полагался в средствах поддержания своего нового положения не на свои доводы, а на свои войска; и, соответственно, он продвигался в страну скорее как завоеватель, пришедший покорить нацию силой, чем как принц, мирно унаследовавший наследственную корону.

Его соперники и враги.

Их различные претензии.

Вскоре у него появилось много соперников и врагов на поле боя. Тремя главными из них были Антиох, Антигон и Пирр. Антиох был сыном Селевка. Он утверждал, что его отец честно завоевал Македонское царство и приобрел право править им; что Птолемей Керавн, убив Селевка, не лишил его ни одного из своих прав, но что все они без ущерба перешли к его сыну, и что он сам, следовательно, был истинным царем Македонии. Антигон был сыном Деметрия, который правил в Македонии в прежние времена, до того, как Лисимах вторгся в это царство и завоевал его. Поэтому Антигон утверждал, что его право выше права Птолемея, поскольку его отец был признанным сувереном страны в период, последовавший за правлением Антипатра. Пирр был третьим претендентом. Он завоевал Македонию непосредственно перед воцарением Лисимаха, и теперь, после того как Лисимах был свергнут, его права, как он утверждал, возродились. Одним словом, претендентов на трон было четверо, каждый из которых выдвигал претензии, связанные с правами завоевания и наследования, настолько сложные и переплетенные друг с другом, что делали все попытки мирного урегулирования абсолютно безнадежными. В таком случае не могло быть никакого возможного способа определить, кто имеет наибольшее право на трон. Таким образом, оставался единственный вопрос, который заключался в том, кто лучше всего сможет взять и сохранить его.

Первое состязание было с Антигоном.

Этот вопрос Птолемею Керавнусу пришлось сначала обсудить с Антигоном, который пришел вторгнуться в страну с флотом и армией из Греции. После очень короткого, но ожесточенного сражения Антигон потерпел поражение как на море, так и на суше, и Керавн остался хозяином королевства. Этот триумф значительно укрепил его власть над другими соперниками. На самом деле он ухитрился решить с ними этот вопрос путем заключения договора, по которому они признали его королем. Что касается Пирра, то он согласился, принимая во внимание то, что ему было позволено мирным путем сохранить за собой владение своим королевством, предоставить определенную военную помощь, чтобы укрепить позиции Пирра в войнах, в которых он тогда участвовал в Италии и Сицилии. Силы, которые он предоставил таким образом, состояли из пяти тысяч пеших, четырех тысяч всадников и пятидесяти слонов.

Арсиноя и ее дети.

Их убежище в Кассандрии.

Таким образом, казалось бы, все было улажено. Оставалась, однако, одна трудность. Арсиноя, вдова Лисимаха, все еще была жива. Следует помнить, что именно Арсиноя, чья ревность к своей сводной сестре Лисандре стала причиной смерти Агафокла и бегства Лисандры, а также привела к походу Селевка и последующей революции в Македонии. Когда ее муж был убит, она, вместо того чтобы сразу же подчиниться смене правительства, заперлась в Кассандрии,

богатом и хорошо защищенном городе. С ней были ее сыновья, которые, как дети Лисимаха, были наследниками трона. Она прекрасно понимала, что в настоящее время в ее распоряжении нет средств для удовлетворения требований своих детей, но она была полна решимости не отказываться от них, а защищать себя и своих детей в городе Кассандрия, насколько это было в ее силах, до тех пор, пока не произойдут какие-либо изменения в аспекте государственных дел. Керавн, конечно, видел в ней очень грозного и опасного противника; и, одержав победу над Антигоном и заключив мир с Антиохом и Пирром, он двинулся к Кассандрии, обдумывая вопрос, какими средствами он мог бы наилучшим образом заполучить Арсиною и ее детей в свою власть.

Керавн делает предложение руки и сердца Арсиное.

Он решил испытать эффект хитрости и предательства, прежде чем прибегать к силе. Соответственно, он послал послание Арсиное, предлагая, чтобы вместо того, чтобы ссориться из-за царства, они объединили свои притязания, и прося ее с этой целью стать его женой. Он сказал, что женится на ней и усыновит ее детей как своих собственных, и таким образом весь вопрос будет решен мирным путем.

Арсиноя с готовностью согласилась на это предложение. Это правда, что она была сводной сестрой Керавна; но это родство не было препятствием для супружеского союза, согласно представлениям, господствовавшим при королевских дворах в те дни. Арсиноя, соответственно, дала свое согласие на это предложение и открыла ворота города Керавну и его войскам. Керавн немедленно предал смерти двух ее сыновей. Сама Арсиноя бежала из города. Весьма вероятно, что Керавн позволил ей сбежать, поскольку, поскольку она сама не претендовала на трон, любое открытое насилие, предложенное ей, было бы необоснованным преступлением, которое без необходимости усилило бы ненависть, которая, естественно, была бы вызвана действиями Керавна. Во всяком случае, Арсиноя сбежала и, после различных скитаний, вернулась в свой прежний дом при дворе своего отца в Александрии.

Керавнус пребывает в великом процветании.

Сердце Керавнуса теперь было наполнено ликованием и гордостью. Все его планы увенчались успехом, и он, наконец, оказался в надежном владении, как он думал, могущественным и богатым королевством. Он написал домой своему брату в Египет, Птолею Филадельфу, который, как помнит читатель, вытеснил его оттуда из-за предпочтения его отца детям Береники, сообщив, что теперь он согласен с таким расположением египетского королевства, поскольку приобрел для себя лучшее царство в Македонии. Он приступил к завершению организации своего правительства. Он набрал свои армии; он укрепил свои города; и начал считать себя прочно обосновавшимся на своем троне. Однако всем его мечтам о безопасности и покое вскоре пришел очень внезапный конец.

Угроза вторжения.

На берегах Дуная жила раса полудициализованных людей, называвшихся галлами. Некоторые племена этой нации впоследствии поселились на территории нынешней Франции и дали свое название этой стране. Однако в период событий, о которых мы здесь рассказываем, главным центром их владычества был регион на берегах Дуная, к северу от Македонии и Фракии. Здесь они в течение некоторого времени концентрировали свои силы и постепенно увеличивали свою мощь, хотя Керавн очень мало обращал внимания на их передвижения. Однако теперь в

столице Керавна внезапно появилась депутация, которая сообщила, что они готовы к вторжению в его владения, и спросила его, сколько денег он даст за мир. Керавн, гордясь своей новоиспеченной властью, отнесся к этому предложению с насмешкой. Он приказал послам вернуться и сказать, что, отнюдь не желая купить мир, он *непозволит* им заключить мир, если они немедленно не пришлют ему всех своих главных генералов в качестве заложников за их хорошее поведение. Конечно, после такого обмена сообщениями, как это, обе стороны немедленно приготовились к войне.

Керавн готовится защищаться.

Керавн повержен на землю и убит.

Керавн собрал все силы, которыми мог командовать, выступил на север навстречу своему врагу, и между двумя армиями произошла великая битва. Керавн лично командовал в этом конфликте. Он выехал на поле боя во главе своего войска верхом на слоне. В ходе боя он был ранен, и слон, на котором он ехал, в то же время пришел в ярость, возможно, из-за того, что сам был ранен, и сбросил своего всадника на землю. Галлы, сражавшиеся вокруг него, немедленно схватили его. Без каких-либо колебаний или промедления они отрубили ему голову и, подняв ее на острие пики, с триумфом пронесли по полю. Это зрелище настолько потрясло и запугало армию македонян, что ряды вскоре были сломлены, и войска, уступив дорогу, разбежались во все стороны, а галлы оказались хозяевами поля боя.

Упавший слон

Последствия смерти Керавнуса.

Смерть Птолемея Керавна была, конечно, сигналом для всех старых претендентов на трон вновь выступить со своими многочисленными притязаниями. Последовал длительный период раздоров и беспорядков, в течение которого галлы учинили ужасный хаос во всех северных частях Македонии. Антигону, наконец, удалось добиться преимущества и получить своего рода номинальное владение троном, которым он владел до тех пор, пока Пирр не вернулся в Эпир из Италии. Пирр, узнав о таком положении вещей, не мог устоять перед охватившим его желанием совершить вторжение в Македонию и захватить для себя трофей, за который так яростно боролись соперники, имевшие на это не больше прав, чем он.

Глава X.

Отвоевание Македонии.

273-272 гг. до н. э.

Фатальные недостатки в характере Пирра.
Непостоянство Пирра.

Это было величайшим несчастьем в жизни Пирра, несчастьем, проистекающим, по-видимому, из врожденного и радикального дефекта его характера, заключавшегося в том, что у него не было четких планов или целей, а он пускался в один проект за другим, поскольку случайность или каприз могли склонить его, по-видимому, без какой-либо предусмотрительности, соображения или замысла. Казалось, у него не было никакого плана, он не жил ради какой-либо цели, не помышлял о конце, но им руководил какой-то слепой и инстинктивный импульс, который привел его к любви к опасности и к дикому восторгу от совершения военных подвигов ради них самих и без оглядки на какую-либо конечную цель, которую они должны были достичь. Таким образом, хотя он и проявлял огромную силу, он не производил постоянного эффекта. В его действиях не было ни постоянства, ни настойчивости, да и не могло быть таковых, поскольку во всем его политическом курсе не было никаких скрытых целей, с помощью которых можно было бы поддерживать настойчивость. Следовательно, он всегда был готов отказаться от любого предприятия, в котором он мог бы участвовать, как только оно начинало сопряжено с трудностями, требующими проявления терпения, выносливости и самоотречения, и браться за любое новое начинание, при условии, что оно обещало быстро привести его на поле битвы. Одним словом, он был типом и образцом того большого класса способных людей, которые растрачивают свою жизнь на череду усилий, которые, хотя и демонстрируют большой талант у тех, кто их выполняет, все же не имеют плана или цели и заканчиваются, не принося никакого результата. Такие люди часто, подобно Пирру, достигают определенного величия. Они известны среди людей за то, что, по-видимому, способны сделать, а не за то, что они сделали на самом деле.

Последствия, которые возникли в результате этого.

В соответствии с этим взглядом на характер Пирра, мы видим, что он постоянно меняет сферу своих действий, перемещаясь из одной страны в другую, везде одерживая великие победы и проявляя во всех своих операциях — в организации и сколачивании своих армий, в своих

маршах, в своих лагерях и в расположении своих войск на поле битвы, и особенно в своем поведении в период настоящего конфликта — самую неукротимую энергию и самое совершенное военное мастерство. Но когда битва была разыграна и одержана победа, и за этим последовало событие, требующее хладнокровного и расчетливого обдумывания при составлении планов на будущее и неуклонного следования им, когда они были сформированы, характер и ресурсы разума Пирра оказались прискорбно недостаточными. Первого вызова с любой другой стороны, приглашающего его к более непосредственным волнениям и действиям, всегда было достаточно, чтобы отозвать его прочь. Таким образом, он последовательно менял поле своей деятельности с Македонии на Италию, с Италии на Сицилию, с Сицилии обратно в Италию и из Италии снова в Македонию, постоянно начиная с чего-то нового, но нигде не достигая никаких целей.

Примеры отсутствия у него настойчивости.

Его решимость еще раз вторгнуться в Македонию по возвращении в Эпир из Италии была вызвана, по-видимому, простой случайностью, когда правительство было неустойчивым и что Антигон не был уверен в своем владении тронem. Когда он впервые приступил к осуществлению этого плана, у него не было намерения пытаться завоевать Македонию, но он намеревался совершить грабительское вторжение в страну с целью грабежа, поскольку ее незащищенное положение давало ему, как он думал, благоприятную возможность сделать это. Довод, которым он оправдывал это вторжение, заключался в том, что Антигон был его врагом. Птолемей Керавн заключил с ним союзный договор и предоставил ему войска для набора и усиления его армий в Италии, как уже говорилось; но Антигон, когда его призвали, отказался это сделать. Это, конечно, дало Пирру достаточно оснований, как он себе представлял, для его предполагаемого вторжения в македонские владения.

Причины предполагаемого вторжения в Македонию.

Однако, помимо этого, существовало и другое оправдание, а именно необходимость. Хотя Пирр был вынужден уйти из Италии, он вернулся ни в коем случае не один, а привел с собой довольно большую армию, состоящую из многих тысяч человек, каждого из которых теперь нужно было кормить и платить жалованье. Все ресурсы его собственного королевства были почти исчерпаны из-за набранных им средств к существованию в Италии, и теперь, по его мнению, было необходимо вступить в какую-нибудь войну, чтобы найти работу и средства к существованию для этих войск. Поэтому он решил во что бы то ни стало совершить набег на Македонию.

Прежде чем отправиться в свой поход, он ухитрился набрать значительные силы из числа галлов в качестве вспомогательных войск. Кроме того, у Антигона на службе были галлы, поскольку они сами, как могло показаться, были разделены как в отношении своей политики, так и в отношении своих вождей, а также македонян; и Антигон, воспользовавшись их разногласиями, ухитрился привлечь некоторую часть из них на свою сторону, в то время как остальных именно по этой причине было легче склонить присоединиться к экспедиции Пирра. Когда дела обстояли таким образом, Пирр, завершив приготовления, двинулся в поход и вскоре пересек македонскую границу.

Вначале Пирр добивается успеха.
Страна склонна подчиниться ему.

Как это обычно бывало с предприятиями, которыми он занимался, с самого начала он добился большого успеха. По мере своего продвижения он завоевал несколько городов и поселков, и вскоре начал придерживаться более высоких взглядов на цель своей экспедиции, чем у него было вначале. Вместо того чтобы просто разграблять границу, как он намеревался вначале, он начал думать, что для него было бы возможно полностью подчинить Антигона и вновь присоединить всю Македонию к своим владениям. Он был хорошо известен в Македонии, его прежние кампании в этой стране очень широко привлекли его внимание к тамошнему народу и армии. Он также был всеобщим любимцем среди них в то время, когда был их правителем; народ восхищался его личными качествами солдата и привык сравнивать его с Александром, на которого, как говорили, он сильно походил своей внешностью и манерами, а также присущей ему атмосферой военной откровенности и великодушия. Теперь, вступая в страну Македонию, Пирр обнаружил, что народ склонен относиться к нему с теми же чувствами благосклонности, которые они прежде питали к нему. Несколько городских гарнизонов встали под его знамена, а отряды войск, которые Антигон послал вперед к границе, чтобы задержать его продвижение, вместо того чтобы дать ему сражение, перешли к нему всем скопом и поддержали его дело. Одним словом, Пирр неожиданно для самого себя обнаружил, что его экспедиция, вместо того чтобы быть просто вторжением через границы с целью грабежа, приобретает характер обычного вторжения. Короче говоря, успехи, которых он добился, были таковы, что вскоре стало очевидно, что встретиться с Антигоном в одном серьезном сражении и одержать одну победу - это все, что требовалось для завершения завоевания страны.

Бой в горном ущелье.

Соответственно, он все больше и больше концентрировал свои силы, укреплялся всеми доступными ему средствами и продвигался все дальше и дальше в глубь страны. Антигон начал отступать, желая, возможно, достичь какой-нибудь позиции, где он мог бы занять выгодное положение. Пирр, действуя со своей обычной энергией, вскоре настиг врага. Он подошел с тыла к армии Антигона в узком ущелье среди гор; по крайней мере, древний историк, повествующий об этих событиях, называет это место узким ущельем, хотя, судя по количеству людей, участвовавших в последовавшем сражении, а также по характеру самого сражения, как описывает его историк, кажется, что на дне ущелья должна была быть значительная ширина ровной местности.

Рассказ о фаланге.

Основной силой войск Антигона была фаланга. Македонская фаланга считается одним из самых необычных военных изобретений древних времен. Его изобретение приписывалось Филиппу, отцу Александра Македонского, хотя вполне вероятно, что оно было только усовершенствовано и доведено до всеобщего употребления, но на самом деле создано не им. Единая фаланга состояла из корпуса численностью около четырех тысяч человек. Эти люди были расположены компактно, весь корпус состоял из шестнадцати шеренг, и в каждой шеренге было по двести пятьдесят шесть человек. Каждый из этих людей носил короткий меч, предназначенный для использования в экстренных случаях, и был защищен большими щитами. Однако главная особенность их доспехов, от которых зависела основная мощь фаланги как воинского подразделения, заключалась в чрезвычайно длинных копьях, которые они носили. Длина этих копий обычно составляла двадцать один, а иногда и двадцать четыре фута. Рукоятки были тонкими, но прочными, а наконечники - стальными. Копья предназначались не для метания, а

для того, чтобы их крепко держали в руках и направляли в сторону врага; и они были такими длинными, а ряды людей располагались так близко друг к другу, что копья пятой шеренги выступали на несколько футов перед людьми, стоявшими в первой шеренге. Таким образом, у каждого человека в первой шеренге было по пять копий со стальными наконечниками, торчащих на разное расстояние перед ним, в то время как люди, стоявшие в шеренгах дальше, опирали свои копья на плечи тех, кто был перед ними, так, чтобы поднять острия в воздух.

Его ужасающая эффективность.

На него невозможно произвести какое-либо впечатление.

Мужчины были защищены большими щитами, которые, когда фаланга выстраивалась в сомкнутый строй, просто касались друг друга и образовывали неприступную оборону. Одним словом, фаланга, медленно двигавшаяся по равнине, представляла собой вид огромного чудовища, покрытого чешуей и оцетинившегося стальными наконечниками, — своего рода военного дикобраза, к которому ничто не могло приблизиться или каким-либо образом ранить. Ракеты, брошенные в его сторону, были перехвачены щитами и безвредно упали на землю. Дротики, стрелы, дротиками и любым другим оружием, которое можно было метать на расстоянии, были столь же неэффективны, и никто не мог подойти достаточно близко к людям, защищенным таким образом, чтобы нанести по ним удар мечом. Даже кавалерия была совершенно бессильна атаковать такие *кавалерийские отряды*, какие представляла фаланга. Никакая атака, какой бы яростной она ни была, не могла сломить его зубчатые ряды; атака на него могла закончиться только тем, что люди и лошади, составлявшие его вместе, были насажены на наконечники бесчисленных копий.

Для формирования фаланги и успешного маневрирования ею требовалась специальная подготовка, как со стороны офицеров, так и рядовых, и в македонских армиях система была доведена до очень высокого совершенства. Однако, когда иностранные вспомогательные силы служили под началом македонских генералов, они обычно не формировались таким образом, но им разрешалось сражаться под началом своих собственных лидеров и в привычной для их соответствующих наций манере. Соответственно, армия Антигона, поскольку он отступал раньше Пирра, состояла из двух частей. Фаланга шла впереди, а большие отряды галлов, вооруженных и одетых в своей обычной манере, находились в тылу. Конечно, Пирр, когда он подошел с этим отрядом к ущелью или долине, первым столкнулся с галлами. Их ряды, по-видимому, заполнили всю долину в том месте, где Пирр настиг их, так что в начале сражения Пирру оставалось только вступить с ними в бой. Не было достаточно места, чтобы фаланга могла прийти им на помощь.

Слоны.

Боевой порядок.

Помимо фаланги и отрядов галлов, в армии Антигона был отряд слонов. Их позиция, как могло бы показаться, находилась между фалангой и галлами. При таком положении вещей Пирр, идущий в атаку с тыла, конечно, столкнулся бы сначала с галлами, затем со слонами и, наконец, с самым грозным из всех - с самой фалангой.

Слоны одолели.

Фаланга.

Пирр приглашает врага присоединиться к нему.

Пирр с величайшей яростью бросился в атаку на галлов, и, хотя они оказали очень решительное сопротивление, вскоре были разбиты и почти все изрублены в куски. Следующим шел отряд слонов. Армия Пирра, разгоряченная своей победой над галлами, яростно наступала и вскоре так окружила слонов и окружила их, что их стражи поняли, что всякая надежда на сопротивление тщетна. Они сдались, не предприняв попытки защититься. Теперь фаланга осталась. Она поспешно сменила фронт и заняла оборону. Пирр двинулся к нему со своими войсками, выстроив своих людей в ряд перед длинными рядами копий, и остановился. Ощетинившееся чудовище оставалось неподвижным, не выказывая никакого желания бросаться на своего врага, но, по-видимому, ожидая нападения. Пирр выехал перед своими рядами и оглядел скопление македонцев перед собой. Он обнаружил, что знает этих офицеров лично, поскольку служил с ними раньше в войнах, в которых он участвовал в Македонии в прежние годы. Он отдал им честь, назвав их по именам. Они были довольны тем, что их таким образом запомнил и признал столь известный персонаж. Пирр убеждал их отказаться от Антигона, который, как он утверждал, не имел справедливого права на корону и чью узурпированную власть он собирался свергнуть, и приглашал их поступить к нему на службу как к древнему и законному правителю их страны. Офицеры, казалось, были очень расположены выслушать эти предложения; в конце концов, они вскоре решили согласиться на них. Фаланга всем скопом перешла на сторону Пирра, и Антигон, лишенный, таким образом, последней поддержки, покинул поле боя в сопровождении нескольких личных сторонников и бежал, спасая свою жизнь.

Пирр побеждает и становится хозяином Македонии.

Конечно, Пирр сразу же оказался в полном владении Македонским царством. На самом деле Антигон не совсем отказался от борьбы. Он отступил к побережью, где ему удалось на некоторое время удержать во владении несколько приморских городов; но его власть как царя Македонии исчезла. Несколько внутренних городов какое-то время пытались сопротивляться правлению Пирра, но вскоре он взял их под контроль. В некоторых городах, которые он завоевал таким образом, у него были галльские гарнизоны.

Конечно, после такой революции, как эта, требовалось многое сделать, чтобы уладить дела правительства на новой основе и обеспечить безопасность королевства в руках завоевателя; но никто, хоть в малейшей степени знакомый с характером и склонностями Пирра, не мог ожидать, что он будет вообще расположен выполнять эти обязанности. У него не было ни проницательности, чтобы спланировать, ни твердости цели, чтобы осуществить такие меры. Он мог победить, но и только. Закрепить за собой результаты своих завоеваний было совершенно выше его сил.

Жалобы народа.

Пирр не обращает на них особого внимания.

На самом деле, далекий от того, чтобы так использовать свою власть, чтобы укрепить свое положение и установить постоянное и устоявшееся правительство, он так управлял государственными делами, или, скорее, он так пренебрегал ими, что очень скоро начало преобладать растущее недовольство. Галлы, которых он оставил в качестве гарнизонов в завоеванных городах, управляли ими таким произвольным образом и грабили их так безрассудно, что вызывали крайнее раздражение народа. Они искренне жаловались Пирру. Пирр уделял мало внимания их заявлениям. Сражаться с открытым врагом на поле боя ему

всегда доставляло удовольствие; но встречаться с трудностями такого рода и бороться с ними — выслушивать жалобы, доказательства, обсуждать и обдумывать средства правовой защиты — для него было сплошным утомлением и тяжелым трудом.

Пирр получает неожиданное приглашение.

Что бы он сделал и каков был бы конец его правления в Македонии, если бы его предоставили самому себе, сейчас неизвестно; ибо, к большому счастью, как он считал, он внезапно был избавлен от всех затруднений, в которые постепенно попадал, как он часто бывал избавлен в подобных обстоятельствах раньше, благодаря поступившему к нему как раз в это время приглашению приступить к новому военному предприятию, которое полностью увело бы его из страны. Едва ли нужно говорить, что Пирр принял приглашение с величайшей готовностью. Обстоятельства дела будут объяснены в следующей главе.

Глава XI.

Спарта.

1000-272 гг. до н. э.

Спарта.

Некоторые сведения о городе.

Спартанские цари.

Война, к участию в которой был приглашен Пирр, в то время, о котором говорится в конце предыдущей главы, возникла из-за семейной ссоры в одной из царских семей Спарты. Спарта была одним из главных городов Пелопоннеса и столицей очень могущественного и воинственного царства.^[N] Правительственные институты в этом содружестве были очень своеобразными, и среди самых необычных из них было устройство, принятое в отношении королевской власти. Существовали две династии, или линии королей, правивших совместно. Разделение власти между двумя должностными лицами, правившими в какой-то момент времени, возможно, было в чем-то похоже на то, что было сделано в Риме между консулами. Но эта система отличалась от системы консульского правления тем фактом, что спартанские цари были не избранными магистратами, как римские консулы, а наследственными суверенами, унаследовавшими свою власть от своих предков, каждый в своей линии.

Происхождение системы.

Oracle в Delphi.

Происхождение этой необычной системы, как говорили, было таково: в очень ранний период истории Спарты царь внезапно умер, оставив двух детей-близнецов в качестве своих наследников, но не назначив ни одного из них своим преемником. Затем спартанцы обратились к матери двоих детей, чтобы узнать, кто из них первенец. Она притворилась, что не может сказать. Затем они обратились к дельфийскому оракулу с вопросом, что им делать. В ответе

оракула им было предписано сделать обоих детей царями, но воздать высшие почести старейшему. Этим ответом спартанцы были лишь частично избавлены от своей дилеммы; ибо, согласно указаниям оракула, необходимость определения вопроса о приоритете в отношении рождения двух детей оставалась, без какого-либо света или руководства, данного им в отношении способа это сделать.

Трудность.

Две линии королей.

Двоевластие.

Наконец какой-то человек предложил установить наблюдение за матерью, чтобы выяснить, к кому из своих детей она испытывает самую сильную привязанность. Они предположили, что она действительно знала, кто из них первенец, и что она невольно отдала бы тому, кого рассматривала в этом свете, преимущество в тех материнских услугах и обязанностях, которые она оказывала младенцам. Этот план удался. Было обнаружено, кто был первенцем, а кто младшим; и спартанцы, соответственно, сделали обоих детей царями, но первому присвоили высший ранг, как и повелел оракул. Оба ребенка выжили, выросли мужчинами и в свое время поженились. По странному совпадению они женились на сестрах-близнецах. В двух семьях, возникших таким образом, зародились спартанские царские линии, которые совместно правили королевством на протяжении многих последующих поколений. Чтобы выразить эту необычную систему правления, иногда говорят, что Спарта, хотя и управлялась царями, была не монархией, а *двоевластием*.

Разногласия.

Ликург.

Однако двоевластие, как и следовало ожидать, оказалось не очень успешным на практике. Возникали различные разногласия и трудности; и в конце концов, примерно через двести лет после первоначального основания двух линий, королевство стало почти полностью дезорганизованным. На этом этапе возник знаменитый законодатель Ликург. Он разработал систему законов и постановлений для королевства, которые были немедленно введены в действие и привели не только к наведению порядка в государственных делах того времени, но и, в конечном счете, стали средством подъема Спарты до наивысшего уровня процветания и известности.

Его семья.

Смерть его отца.

Своим успехом в принятых им мерах Ликург был обязан не только проницательности, которую он проявил при их разработке, и энергии, с которой он приводил их в исполнение: лично он занимал весьма своеобразное положение, которое предоставляло ему большие возможности для выполнения его работы. Он был членом одной из царских семей, младшим сыном одного из царей. У него был старший брат по имени Полидект. Его отец скоропостижно скончался от ножевого ранения, полученного им в драке. Сам он лично не участвовал в драке в качестве одного из сражающихся, а лишь вступил в нее, чтобы разнять других людей, которые каким-то образом оказались втянутыми во внезапную ссору. В ходе борьбы он получил удар кухонным ножом, которым был вооружен один из участников конфликта, и немедленно скончался.

Полидект, конечно, будучи старшим сыном, унаследовал трон. Он, однако, очень скоро умер, оставив жену, но детей не было. Однако примерно через восемь месяцев после его смерти у его вдовы родился ребенок, и этот ребенок, согласно принятым в то время принципам наследования, имел право наследовать своему отцу.

Ликург принимает корону.
Чудовищное предложение.

Поскольку, однако, на момент смерти Полидекта ребенок еще не родился, Ликург, его брат, был тогда, по-видимому, наследником. Соответственно, он принял на себя управление страной — в той мере, в какой оно перешло к линии, к которой принадлежал его брат, — намереваясь лишь удерживать ее временно и окончательно отказаться от нее, когда появится надлежащий наследник. Между тем вдова вполне естественно предположила, что он хотел бы сохранить власть надолго. Сама она также стремилась править как царица; и поэтому она сделала Ликургу жестокое и противоестественное предложение лишить жизни своего ребенка при условии, что он женится на ней и позволит ей разделить с ним царство. Ликург был сильно потрясен, получив такое предложение, но счел за лучшее на данный момент сделать вид, что соглашается с ним. Соответственно, он объяснил королеве, что для нее было бы не лучше предпринимать попытку, которую она предложила, чтобы тем самым не поставить под угрозу свою собственную безопасность. "Подожди, - сказал он, - и дай мне знать, как только родится ребенок; тогда предоставь все мне. Я сам сделаю все, что потребуется".

Кроме того, у Ликурга были слуги, которым было приказано быть наготове к моменту рождения ребенка и, если окажется, что это сын, немедленно принести младенца ему, где бы он ни находился и чем бы ни был занят. Если окажется, что это дочь, они должны были оставить ее в руках женщины, которая заботилась о королеве. Младенец оказался сыном. Соответственно, офицеры взяли его и немедленно доставили в Ликург. Противоестественная мать, конечно, понимала, что его у нее отобрали, чтобы уничтожить, и она согласилась с предполагаемым замыслом, чтобы, пожертвовав своим ребенком, увековечить свое собственное королевское достоинство и власть. Ликург, однако, намеревался довести дело до совершенно иного результата.

Составьте план избавления от ребенка.

В то время, когда слуги принесли новорожденного младенца в дом Ликурга, Ликург был занят с компанией друзей, которых он пригласил на праздник. Эти друзья состояли из знати, генералов, государственных министров и других главных лиц спартанского содружества, которых Ликург собрал таким образом, вероятно, в ожидании того, что должно было произойти. Слугам было приказано без промедления доставить ребенка к нему, где бы они ни могли его найти. Соответственно, они вошли в помещение, где собрались Ликург и его друзья, неся младенца на руках. Ликург принял его и, подняв перед собравшимися, громким голосом крикнул им: "Спартанцы, я представляю вам вашего новорожденного царя!" Народ встретил молодого принца с самыми экстравагантными проявлениями радости, и Ликург назвал его Харилаем, что означает "Дорогой народу".

Великодушно поведение Ликурга.

Поведение Ликурга в этом случае было сочтено очень великодушным и благородным, поскольку, провозгласив ребенка истинным наследником короны, он сразу отказался от всех своих притязаний на наследство и стал частным лицом. Очень немногие из сыновей королей, как в древние, так и в современные времена, пошли бы таким путем. Но, хотя в отношении своего положения он унизил себя, опустившись таким образом со своего места на троне до ранга частного лица, он очень высоко возвысил себя в отношении влияния и характера. Он сразу же стал защитником личности ребенка и регентом королевства на время совершеннолетия молодого короля; и все жители города, аплодируя благородному поступку, который он совершил, начали питать к нему чувства высочайшего уважения.

Возникли серьезные трудности.
Негодование королевы.

Однако это доказывало, что ему еще предстояли очень серьезные трудности, с которыми ему было суждено встретиться и преодолеть, прежде чем будет полностью открыт путь для выполнения великой работы, за которую он впоследствии получил такую известность. Хотя народ в целом в Спарте горячо приветствовал поведение Ликурга и оказывал ему величайшее доверие, все еще оставались немногие, кто ненавидел его и выступал против него. Конечно, сама королева, замыслам которой он помешал, была крайне возмущена тем, что ее таким образом обманули. Провалом ее замысла были разочарованы не только ее личные амбиции, но и ее женская гордость была смертельно уязвлена тем, что Ликург отклонил ее предложение стать его женой. Поэтому она и ее друзья были непримиримо враждебны к нему. У нее был брат по имени Леонидас, который горячо поддерживал ее дело. Леонид открыто поссорился с Ликургом. Однажды он обратился к нему в присутствии нескольких свидетелей в очень резкой и угрожающей манере. "Я очень хорошо знаю, - сказал он, - что ваше кажущееся бескорыстие и демонстрация вашего рвения к безопасности и благоденствию молодого короля - все это пустое притворство. Вы замышляете уничтожить его и взойти на трон вместо него; и если мы немного подождем, то увидим, как вы добьетесь результатов, к которым вы действительно стремитесь, в своей незаконной и лицемерной политике".

Ликург принимает решение об изгнании из Спарты.

Услышав эти угрозы и доносы, Ликург, вместо того чтобы гневно ответить на них, сразу же начал спокойно обдумывать, как ему лучше поступить. Он размышлял о том, что жизнь ребенка была под угрозой, несмотря на все предосторожности, которые он мог предпринять для его сохранения; и если в результате какого-либо несчастного случая он умрет, его враги могут обвинить его в тайном убийстве ребенка. Поэтому он решил раз и навсегда устранить все возможные подозрения, настоящие или предполагаемые, относительно чистоты своих мотивов, полностью уехав из Спарты до тех пор, пока ребенок не достигнет совершеннолетия. Соответственно, он принял меры для помещения молодого короля под покровительство тех, кого нельзя было заподозрить в сговоре с ним с какой-либо преступной целью, а также организовал администрацию для управления страной до достижения королем совершеннолетия. Предприняв эти шаги, он попрощался со Спартой и отправился в долгое путешествие.

Приключения Ликурга во время его отсутствия.

Его не было на родине много лет, за это время он посетил все основные государства и царства земли, занимаясь, куда бы он ни поехал, изучением истории, правительства и институтов стран, через которые он путешествовал, а также посещением и беседой со всеми самыми выдающимися людьми. Сначала он отправился на Крит, большой остров, лежащий к югу от Эгейского моря, западная оконечность которого находилась недалеко от побережья Пелопоннеса. Пробыв некоторое время на Крите, посетив все его главные города и основательно ознакомившись с его историей и состоянием, он отплыл в Малую Азию и посетил там все главные столицы. Из Малой Азии он отправился в Египет и, закончив свои наблюдения и исследования в городах Нила, направился на запад и прошел через все страны, лежащие на северном побережье Африки, а затем из Африки переправился в Испанию. Он оставался достаточно долго в каждом посещаемом им месте, чтобы досконально ознакомиться с его философией, правительством, цивилизацией, уровнем развития искусств и обычаями общественной жизни — фактически со всем, что могло иметь отношение к национальному процветанию.

Рассказ о Харилае.

Его неэффективность.

Недовольство народа.

Тем временем течение дел в Спарте текло отнюдь не гладко. Шли годы, и молодой принц Харилай приближался к периоду возмужания, когда он столкнулся с различными трудностями, которые сильно смущали и озадачивали его. Он обладал очень дружелюбным и кротким нравом, но был совершенно лишен силы и энергии характера, необходимых для того положения, в котором он находился. Возникли разногласия между ним и другим королем. Они оба тоже поссорились со своей знатью и с народом. Люди не уважали их и постепенно научились презирать их власть. Они помнили эффективность и успех правительства Ликурга, а также регулярность и порядок, которыми был отмечен весь ход государственных дел во время его правления. Теперь они также более полно, чем прежде, оценили благородные личные качества, которые проявил Ликург, — его широту взглядов, твердость цели, бескорыстие, великодушие; и они противопоставили возвышенные чувства и принципы, которые всегда руководили им, слабости, ребячеству и мелочным амбициям своих настоящих царей. Одним словом, все они желали, чтобы Ликург вернулся.

Даже сами короли поддерживали это пожелание. Они поняли, что их дела приходят в замешательство, и начали испытывать опасения. Ликург неоднократно получал послания от них и от народа Спарты, призывавшие его вернуться, но он отказался принять эти предложения и продолжал свои путешествия и исследования, как и прежде.

Ликургу предлагается вернуться.

Наконец, однако, спартанцы отправили официальное посольство к Ликургу, сообщив ему о тревожном состоянии государственных дел в Спарте и опасностях, угрожающих государству, и самым настоятельным образом убеждая его вернуться. Эти послы в своей беседе с Ликургом сказали ему, что у них в Спарте действительно были цари, насколько позволяли рождение, титул и ношение царских одежд, но что касается каких-либо царских качеств, помимо этой простой внешней демонстрации, они не видели ничего подобного с тех пор, как Ликург покинул их.

Он наконец подчиняется.

Ликург, наконец, согласился выполнить просьбу. Он вернулся в Спарту. Здесь он на некоторое время занялся тщательным изучением положения в стране, беседой с самыми влиятельными людьми в городе и возобновлением своего знакомства с ними. В конце концов он разработал план всей организации правительства. Он предложил этот план руководящим лицам и, заручившись согласием достаточного числа из них с ведущими положениями своей новой конституции, начал принимать меры по ее публичному обнародованию и утверждению.

Он советуется с дельфийским оракулом.

Первым шагом было получить религиозную санкцию на его действия, чтобы внушить простым людям чувство почтения и благоговения перед его авторитетом. Соответственно, он покинул Спарту, сказав, что собирается посоветоваться с дельфийским оракулом. В назначенное время он вернулся, принес с собой ответ оракула. Ответ был следующим:

Ответ.

"Ликург любим богами и сам божественен. Законы, которые он установил, совершенны, и в соответствии с ними возникнет содружество, которое впоследствии станет самым известным в мире".

Харилай в ужасе.

Он бежит в святилище.

Этот ответ, ставший известным в Спарте, произвел на всех впечатление очень высокого чувства авторитета Ликурга и расположил все классы людей к молчаливому согласию с грядущими переменами. Ликург, однако, не полностью полагался на это расположение духа. Когда пришло время формировать новое правительство, однажды утром, в очень ранний час, он разместил вооруженные силы на рыночной площади, так что люди, когда они вышли, как обычно, на улицы, обнаружили, что Ликург вступил в военное владение городом. Первым чувством было всеобщее возбуждение и тревога. Царь Харилай, с которым, по-видимому, вообще не советовались при этих передвижениях, был очень напуган. Он предположил, что произошло восстание против его власти и что его жизнь в опасности. Чтобы спастись, он бежал в один из храмов, как в святилище. Ликург послал к нему, сообщив, что те, кто участвовал в произошедшей революции, не хотели причинить ему вреда ни в отношении его личности, ни в отношении его королевских прерогатив. Этими заверениями опасения Харилая были рассеяны, и с тех пор он сотрудничал с Ликуртом в осуществлении его мер.

Природа и последствия ликуржских институтов.

Здесь не место для полного описания плана правления, который представил Ликург, и институтов, которые постепенно выросли в соответствии с ним. Достаточно сказать, что система, которую он принял, прославлялась во всем мире в период своего существования и с тех пор прославляется во все века как самая суровая и изощренная социальная система, которая когда-либо была создана. Спартакское содружество стало, благодаря институтам Ликурга, одним большим лагерем. Нация была нацией солдат. Были задействованы все возможные средства, чтобы приучить все классы населения, молодежь и стариков, мужчин и женщин, богатых и бедных, ко всем видам лишений. Единственными качествами, которые

уважались или культивировались, были такие суровые добродетели, как мужество, стойкость, выносливость, нечувствительность к боли и горю и презрение ко всем удовольствиям богатства и роскоши. Ликург не излагал свою систему. Он не допустил бы, чтобы ее переписывали. Он предпочел ввести ее в действие, а затем предоставить ей увековечивать саму себя, как вопрос использования и прецедента. Соответственно, после полной организации правительства в соответствии с разработанным им планом, объявления законов и установления обычаев, с помощью которых, по его замыслу, должен регулироваться обычный ход общественной жизни, он решил удалиться с поля боя и ждать результата. Поэтому он сообщил людям, что снова уезжает в другое путешествие и что он оставит в их руках управление правительством, которое он сформировал для них и инициировал; и он потребовал от них торжественной клятвы, что они не внесут никаких изменений в систему до его возвращения. При этом его тайным намерением было *никогда* не возвращаться.

Характер и дух спартанцев.

Таково было происхождение и таков общий характер спартанского правления. Во времена Пирра система действовала около пятисот лет.[O] В этот период государство прошло через множество различных превратностей. Она участвовала в войнах, наступательных и оборонительных; она прошла через множество катастрофических и тяжких испытаний, время от времени страдая от обычных бедствий, которые в те дни так часто нарушали мир и благосостояние наций. Но в течение всего этого времени государство в очень поразительной степени сохраняло те экстраординарные черты и характеристики, которые были приданы ему ликургскими институтами. Спартанцы по-прежнему были ужасны в глазах всего человечества, настолько суровым и неукротимым был дух, который они проявляли во всех предприятиях, в которых участвовали.

Послание отправлено Пирру.

Рассказ Клеонимуса.

Именно из Спарты Пирру пришло послание с просьбой о помощи в войне, которая тогда велась там. Война началась из-за домашней ссоры, возникшей в семье одного из царских родов. Имя принца, обратившегося с прошением к Пирру, было Клеоним. Он был младшим сыном одного из спартанских царей. У него был старший брат по имени Акротат. Корона, конечно, перешла бы к этому брату, если бы он был жив, когда умер отец. Но это было не так. Он умер раньше своего отца, однако оставив наследником сына по имени Ареус. Ареус, конечно, претендовал на трон, когда умер его дед. В то время он сам был немолод. Он уже вышел за пределы среднего возраста, и у него был сын, который дорос до зрелости.

Ареус становится королем.

Клеонимус очень не хотел соглашаться с восшествием Арея на трон. Он сам был сыном умершего царя, в то время как Арей был всего лишь внуком. Следовательно, он утверждал, что имеет наибольшее право на престолонаследие. Однако его решение было отклонено, и Ареус принял корону.

Вскоре после своего восшествия на престол Ареус покинул Спарту и отправился на Крит, тем временем доверив управление своим царством своему сыну. Этому сына звали Акротат. Клеонимус, конечно, особенно недобро смотрел на этого молодого человека и вскоре начал строить против него козни. Наконец, по прошествии значительного периода, в течение которого

происходили различные события, которые здесь невозможно описать, произошло обстоятельство, которое в высшей степени возбудило враждебность, которую Клеоним испытывал к Акротату. Обстоятельства были таковы:

Дело Клеонима и Хелидониса.

Обращение к Пирру.

Пирр решает отправиться в Грецию.

Клеонимус, хотя и был далеко продвинут в жизни, женился примерно в то время, когда произошли события, которые мы здесь описываем, на очень молодой девушке по имени Челидонис. Челидонис была принцессой королевского рода и отличалась необыкновенной красотой. Она, однако, испытывала очень мало привязанности к своему мужу, и в конце концов Акротату, который был молод и привлекателен внешне, удалось завоевать ее любовь и увести ее от мужа. Это дело возбудило разум Клеонима до совершенной степени ревности и ярости. Он немедленно покинул Спарту и, хорошо зная характер и склонности Пирра, направился на север, в Македонию, изложил свое дело Пирру и убедил его снарядить экспедицию и отправиться на Пелопоннес с целью помочь ему свергнуть узурпаторов, как он их называл, и вместо этого посадить его на трон Спарты. Пирр сразу понял, что сложившаяся конъюнктура открывает перед ним перспективу блестящей кампании на совершенно новом поприще, и он сразу же решил приступить к этому предприятию. Соответственно, он решил отказаться от своих интересов в Македонии и отправиться в Грецию.

Глава XII.

Последний поход Пирра.

272 г. до н. э.

Пирр готовится к своему походу.

Сразу же после получения приглашения Клеонима Пирр начал широкомасштабные приготовления к намеченной кампании. Он собрал все войска, которыми мог командовать, как из Македонии, так и из Эпира. Он взимал налоги и контрибуции, предоставлял всевозможные военные припасы и заключал все другие соглашения, необходимые для такого предприятия. Эти предварительные операции потребовали значительного времени, так что он был готов начать свой поход только на следующий год. Когда все было готово, он обнаружил, что его силы состоят из двадцати пяти тысяч пеших, двух тысяч всадников и отряда из двадцати четырех слонов. У него было два сына, ни один из которых, по-видимому, не был достаточно взрослым, чтобы ему можно было доверить командование ни в Македонии, ни в Эпире на время его отсутствия, и он, соответственно, решил взять их с собой. Их звали Птолемей и Хелен. Самому Пирру в то время было около сорока пяти лет.

Замыслы Пирра.

Хотя в этой экспедиции Клеоним предполагал, что Пирр направлялся в Грецию только как его союзник и что единственной целью войны было свергнуть Арея и посадить Клеонима на трон вместо него, сам Пирр преследовал совершенно иные планы. Его намерение состояло в том, чтобы, вторгаясь в страну от имени Клеонима, захватить ее всю с целью присоединения к своим собственным владениям. Конечно, он никак не намекнул Клеонимусу, что вынашивает какие-либо подобные замыслы.

Волнения в Греции.

Приближение Пирра, естественно, вызвало большое волнение в Спарте. Его слава как военачальника была известна во всем мире, и вторжение в их страну такого завоевателя во главе столь крупных сил было рассчитано на то, чтобы вызвать большую тревогу среди народа. Спартанцы, однако, не слишком привыкли к тревоге. Они немедленно начали готовиться к самозащите. Они отправили вперед посольство, чтобы встретить Пирра по дороге и спросить, зачем он едет. Пирр отвечал уклончиво и нечестно. По его словам, он не собирался предпринимать никаких военных действий против Спарты. Его дела были связаны с некоторыми другими городами Пелопоннеса, которые некоторое время находились под чужеземным игом и которые он теперь собирался освободить. Эти протесты не обманули спартанцев, но время было выиграно, и таков был замысел Пирра.

Армия Пирра продвигается к Спарте.
Послы.

Его армия продолжала наступать, и по ходу своего продвижения начала захватывать и разграблять города, принадлежащие спартанской территории. Спартанцы снова послали послов, спрашивая, что означают эти действия. Послы обвинили Пирра в том, что вопреки законам и обычаям народов он ведет с ними войну, не объявив ее предварительно.

"А вы, спартанцы, - спросил Пирр в ответ, - всегда сообщаете миру о том, что собираетесь сделать, прежде чем сделать это?" Такой ответ фактически означал признание того, что целью экспедиции было нападение на саму Спарту. Послы поняли это именно так и бросили захватчику вызов.

"Тогда пусть будет война, - сказали они, - если ты так хочешь. Мы не боимся тебя, будь ты бог или человек. Если ты бог, ты не будешь расположен причинить нам никакого вреда, потому что мы никогда не причиняли тебе вреда. Если ты мужчина, ты не сможешь причинить нам вреда, потому что мы можем произвести в Спарте людей, способных встретиться с любым другим мужчиной".

Затем послы вернулись в Спарту, и народ немедленно со всем усердием приступил к приготовлениям к обороне города.

Пирр прибывает в Спарту.
Он откладывает нападение.

Пирр продолжал свой поход и, наконец, ближе к вечеру приблизился к стенам города. Клеоним, который хорошо знал, с какими врагами им приходится иметь дело, настоятельно рекомендовал начать штурм этой ночью, предполагая, что спартанцам удастся создать дополнительные укрепления, если атака будет отложена до утра. Пирр, однако, был настроен отложить атаку до

следующего дня. Он был совершенно уверен в своей добыче и, соответственно, не спешил ее захватывать. Говорили, что он думал, что если атака будет предпринята ночью, солдаты разграбят город, и таким образом он потеряет значительную часть добычи, которую в противном случае надеялся добыть для себя. Днем он мог лучше контролировать их. Соответственно, он решил остаться в своем лагере, за пределами города, на ночь, а утром перейти к штурму. Поэтому он приказал разбить палатки на равнине и спокойно сел.

Планы спартанцев.

Они предлагают убрать женщин.

Женщины направляют делегацию в зал заседаний сената.

Тем временем в стенах дворца царила большая активность. Был созван сенат, который был занят обсуждением и решением различных вопросов, которые неизбежно возникают в такой чрезвычайной ситуации. Был предложен план вывода женщин из города, чтобы спасти их от ужасной участи, которая неизбежно ожидала бы их, если бы армия Пирра добилась успеха на следующий день. Предполагалось, что они могли бы тайно выйти со стороны, противоположной той, на которой стоял лагерь Пирр, и оттуда быть препровождены к морскому берегу, где их можно было бы переправить на кораблях и галерах на остров Крит, который, как явствует из карты, находился недалеко от побережья Спарты. Считалось, что таким образом матери и дочери будут спасены, какой бы ни была судьба их мужей и братьев. Весть о том, что сенат обсуждает подобный план, вскоре распространилась среди народа. Женщины были настроены самым решительным образом против этого плана. Они заявили, что никогда не будут искать безопасности для себя, уезжая и оставляя своих отцов, мужей и братьев в такой опасности. Они поручили одной из них, принцессе по имени Архидамия, сообщить сенату о том, чего они придерживались по поводу этого предложения. Архидамия смело вошла в зал заседаний сената с обнаженным мечом в руке и там остановила дискуссию, в которой участвовали сенаторы, спросив, как они могут придерживаться такого мнения о женщинах Спарты, полагая, что они смогут пережить разрушение города и смерть всех, кого они любили. По ее словам, они не хотели, чтобы их спасали, если только не удастся спасти всех вместе; и она умоляла сенат немедленно отказаться от всех идей об их высылке и позволить им вместо этого принять участие в необходимых работах, необходимых для обороны города. Сенат уступил этому призыву и, отказавшись от замысла отослать женщин, который они вынашивали, немедленно обратил свое внимание на планы обороны.

Препараты для приема Клеонимуса.

В то время как в сенате, а также на улицах и в жилых домах города продолжались эти серьезные консультации и дискуссии, было одно место, которое вызывало волнение совсем иного рода, а именно дворец Клеонима. Там все были в состоянии нетерпеливого ожидания, ожидая скорейшего прибытия своего хозяина. Слуги были уверены, что этой ночью объединенная армия Клеонима и Пирра предпримет нападение на город; и, предполагая, что оно будет успешным, они предполагали, что их хозяин, как только войска овладеют городом, сразу же вернется домой, в свой собственный дом, приведя с собой своего выдающегося союзника. Поэтому они занялись украшением и подготовкой помещений дома, а также приготовлением великолепного угощения, чтобы оказать Клеонимусу и его другу подобающий прием, когда они придут.

Его жена.

Однако Челидонида, молодой и красивой, но неверной жены Клеонима, там не было. Она уже давно покинула жилище своего мужа и теперь была полна неизвестности и тревоги в связи с его угрожающим возвращением. Если город будет взят, она очень хорошо знала, что обязательно снова попадет во власть своего мужа, и твердо решила, что никогда больше не попадет в его власть живой. Поэтому она удалилась в свои покои и там, накинув веревку на шею и сделав все другие необходимые приготовления, стала ожидать исхода битвы, решив покончить с собой в тот момент, когда услышит весть о том, что Пирр одержал победу.

Спартанцы решают атаковать Пирра утром.

Тем временем военачальники спартанцев были заняты укреплением обороны и всеми необходимыми приготовлениями к последовавшему конфликту. Однако они не собирались оставаться в пределах города и ждать там нападения нападавших. С характерным для спартанцев бесстрашием они решили, когда узнали, что Пирр не собирается атаковать город этой ночью, что они сами выйдут ему навстречу утром.

Ров вырыт.

Возведены валы.

Труды женщин.

Однако одной из причин такого решения, несомненно, было то, что город не был окружен мощными стенами и оборонительными сооружениями, как большинство других городов Греции, поскольку для спартанцев было предметом гордости полагаться для защиты на свою личную силу и мужество, а не на искусственные бастионы и башни. Тем не менее, такие искусственные вспомогательные средства не были полностью отвергнуты, и теперь они решили сделать все, что было в их силах в этом отношении, воздвигнув земляной вал под покровом ночной темноты вдоль линии, по которой враг должен был пройти, атакуя город. Соответственно, эта работа была начата. Однако они не стали бы привлекать к этой работе солдат или каких-либо сильных и трудоспособных мужчин, способных носить оружие. Они хотели приберечь все эти силы для более срочной и ужасной работы следующего дня. Соответственно, ров был вырыт, а валы возведены мальчишками, стариками и особенно женщинами. Женщины всех сословий в городе вышли на улицу и всю ночь трудились над этой работой, отложив половину своей одежды, чтобы ее одеяния не мешали им копать. Читатель, однако, не должен в своем воображении наделять этих прекрасных тружениц изящными формами, мягкими манерами и робкими сердцами, которые обычно считаются характерными для женщин, поскольку спартанских женщин с самого раннего детства специально приучали к самым грубым и смелым испытаниям и труду. Их приучали с младенчества к выносливости, учили участвовать в публичных боях и играх, переносить любые виды усталости и воздействия и презирать все, что связано с мягкостью и деликатностью. Одним словом, они были немногим менее мужественны по внешности и манерам, чем мужчины; и соответственно, когда Архидамия вошла в зал заседаний сената с обнаженным мечом в руке и там, смело глядя в лицо всему собранию, заявила, что женщины ни под каким видом не согласятся покинуть город, она поступила так, что в Спарте считалось подобающим положению и характеру ее пола. Одним словом, спартанские женщины были такими же смелыми, суровыми и почти такими же грозными, как мужчины.

Копаем траншею.

Горожане работают всю ночь.

Всю ночь продолжались раскопки. Те, кто был слишком молод или слишком слаб, чтобы работать, ходили туда-сюда, носили инструменты, где они требовались, или приносили еду и питье тем, кто копал траншею, в то время как солдаты спокойно отдыхали в городе, ожидая исполнения обязанностей, которые должны были быть возложены на них утром. Траншея была сделана достаточно широкой и глубокой, чтобы затруднить проход слонов и кавалерии, и по концам ее ограждали повозки, колеса которых были наполовину зарыты в землю в выбранных для них местах, чтобы сделать их неподвижными. Вся эта работа выполнялась в такой тишине и секретности, что из лагеря Пирра ей никто не мешал, и все было завершено еще до рассвета.

Женщины помогают.

Как только начало светать, лагерь Пирра пришел в движение. В городе тоже царили волнение и суматоха. Солдаты взялись за оружие и построились в боевой порядок. Женщины собрались вокруг них, пока они занимались этими приготовлениями, помогая им застегнуть доспехи и подбадривая их словами сочувствия и ободрения. "Как славно будет для вас, - говорили они, - одержать победу здесь, в окрестностях города, где мы все можем быть свидетелями вашего триумфа и насладиться им; и даже если вы падете в поединке, ваши матери и жены всегда рядом, чтобы принять вас в свои объятия, утешить и поддержать в вашей предсмертной борьбе!"

Эффект траншеи.

Вагоны.

Птолемей, сын Пирра, убирает повозки.

Когда все было готово, воины выступили навстречу наступающим колоннам армии Пирра, и вскоре началась битва. Вскоре Пирр обнаружил, что траншея, которую спартанцы вырыли ночью, была предназначена для того, чтобы сильно затруднить намеченные им операции. Лошадь и слоны вообще не могли пересечь его; и даже люди, если им удавалось перебраться через ров, были отброшены назад при попытке взобраться на земляной вал, который был образован вдоль него из-за земли, выброшенной при раскопках, потому что эта земля была рыхлой и крутой и не давала им опоры. Предпринимались различные попытки сдвинуть повозки, которые были воткнуты в землю на концах траншеи, но какое-то время все эти усилия были безрезультатными. Однако в конце концов Птолемей, сын Пирра, был очень близок к успеху. У него было под командованием войско численностью около двух тысяч галлов, и с этим отрядом он сделал круг, чтобы напасть на вереницу повозок таким образом, чтобы получить большое преимущество при атаке на них. Спартанцы сражались очень решительно, защищая их, но галлы постепенно одержали верх, и в конце концов им удалось вытащить из земли несколько повозок. Все, что они таким образом извлекли, они убрали с дороги и бросили в реку.

Триумф Акротата.

Видя это, молодой Акротат, царевич, которого его отец Арей, отсутствующий сейчас, как помнит читатель, на Крите, оставил командовать в Спарте, когда уезжал, поспешил вмешаться. Он встал во главе небольшого отряда из двухсот или трехсот человек и, перейдя город с другой стороны, остался незамеченным, а затем, сделав круг, обошел его и напал на галлов, которые возились с повозками в тылу. Поскольку у галлов впереди уже был враг, почти достаточно

сильный, чтобы справиться с ними, это внезапное нападение сзади полностью изменило чашу весов. Они были отброшены в большом замешательстве. Совершив этот подвиг, Акротат вернулся во главе своего отряда в город, запыхавшийся, измученный проделанными усилиями и весь в крови. Там его встретили самыми громкими аплодисментами и одобрительными возгласами. Женщины собрались вокруг него и осыпали благодарностями и поздравлениями. "Отправляйся в Челидонис, - сказали они, - и отдохни. Она должна быть твоей. Ты заслужил ее. Как мы завидуем ей, что у нее такой любовник!"

Сон Пирра.

Сражение продолжалось весь день, и когда наступила ночь, Пирр обнаружил, что не добился никакого заметного прогресса в деле проникновения в город. Однако теперь он был вынужден отложить все дальнейшие усилия до следующего дня. В положенное время он удалился отдыхать, но проснулся очень рано утром в состоянии сильного возбуждения; и, подозревая нескольких окружавших его офицеров, он рассказал им замечательный сон, который приснился ему ночью и который, по его мнению, предвещал успех усилий, которые им предстояло предпринять на следующий день. По его словам, он видел во сне вспышку молнии, обрушившуюся с неба на Спарту и предавшую огню весь город. Он утверждал, что это было божественным предзнаменованием, которое сулило им определенный успех; и он призвал генералов выстроить войска и подготовиться к наступлению, сказав: "Теперь мы уверены в победе".

Сон не производит никакого эффекта.

Действительно ли Пирру приснился такой сон, или же он выдумал эту историю с целью вновь вселить в своих людей мужество и уверенность, которые, как естественно предположить, могли быть несколько ослаблены неудачами предыдущего дня, невозможно установить с полной уверенностью. Что бы это ни было, оно полностью не достигло намеченного эффекта. Военачальники Пирра сказали в ответ, что предзнаменование было неблагоприятным, а не благоприятным, поскольку одним из фундаментальных принципов гаруспической науки было то, что молния делала священным все, чего касалась. Запрещалось даже наступать на землю, куда упала молния; и поэтому они должны были учитывать, что падение молнии на Спарту, как это было показано Пирру во сне, должно было обозначить, что город находится под особым покровительством небес, и предупредить захватчиков, чтобы они не трогали его. Обнаружив, таким образом, что рассказ о его видении произвел эффект, отличный от того, на который он рассчитывал, Пирр изменил позицию и сказал своим военачальникам, что не следует придавать видениям и грезам никакого значения. Он утверждал, что они могли бы очень хорошо служить развлечением для невежественных и суеверных людей, но мудрые люди должны быть полностью вне всякого их влияния. "У тебя есть кое-что получше этих вещей, на что можно положиться", - сказал он. "У тебя в руках оружие, и твоим предводителем является Пирр. Для тебя это достаточное доказательство того, что тебе суждено победить".

Пирр пробует другой план.

Битва.

Работа женщин.

Мы не знаем, насколько эти заверения были признаны действенными для воодушевления храбрости военачальников; но результат вовсе не подтвердил тщеславных предсказаний

Пирра. В течение первой половины дня он действительно добился больших успехов, и какое-то время казалось вероятным, что город вот-вот попадет в его руки. План его операций состоял в том, чтобы сначала засыпать ров, который вырыли спартанцы; солдаты бросали в него для этой цели большое количество всевозможных материалов, таких как земля, камни, хворост, стволы деревьев и все, что попадалось под руку. Они использовали в этой работе огромное количество мертвых тел, которые они нашли разбросанными по равнине - результаты конфликта предыдущего дня. С помощью созданного таким образом ужасного моста войска попытались перебраться через ров, в то время как спартанцы, построившиеся на вершине земляного вала с внутренней стороны его, отчаянно сражались, чтобы отразить их натиск. Все это время женщины ходили взад и вперед между ними и городом, принося воду и прохладительные напитки, чтобы поддержать слабейших мужчин, и унося домой раненых и умирающих, а также тела мертвых.

Обвинение

Пирр ведет войска вперед.
Лошадь Пирра ранена.
Сам Пирр в большой опасности.
Армия отступает.

Наконец значительному отряду войск, состоявшему из дивизии, находившейся под личным командованием самого Пирра, удалось прорвать линии спартанцев в точке у одного из концов возведенного вала. Когда мужчины обнаружили, что им удалось прорваться, они подняли громкие крики ликования и триумфа и немедленно бросились вперед, к городу. На мгновение показалось, что для спартанцев все потеряно; но вскоре победный ход был внезапно переломлен очень неожиданным происшествием. Стрела пронзила грудь коня, на котором ехал Пирр, и нанесла животному смертельную рану. Конь дернулся и встал на дыбы в агонии и ужасе,

а затем упал, сбросив Пирра на землю. Это происшествие, конечно, остановило продвижение всего отряда. Всадники внезапно развернулись и собрались вокруг Пирра, чтобы спасти его от опасности. Это дало спартамцам время собраться и подтянуть свои силы в таком количестве, что македонские солдаты были рады возможности вернуться обратно, унося Пирра с собой за линию фронта. Немного оправившись от волнения, вызванного этим приключением, Пирр обнаружил, что его войска, обескураженные, по-видимому, бесплодностью своих усилий и особенно этим последним несчастьем, начали терять свой дух и пыл и сражались слабо и неуверенно по всей линии фронта. Следовательно, он пришел к выводу, что больше не было никакой перспективы достичь своей цели в тот день и что было бы лучше сохранить оставшиеся силы своих войск, отозвав их с поля боя, а не обескураживать и ослаблять их еще больше, продолжая то, что теперь было совершенно очевидно бесполезной борьбой. Соответственно, он прекратил боевые действия, и армия удалилась в свой лагерь.

Ареус и Акротатус.

Ареус приходит на помощь городу.

Прежде чем у него появилась возможность предпринять третью попытку, произошли события, которые полностью изменили весь аспект спора. Читатель, вероятно, помнит, что Ареус, царь Спарты, отсутствовал на Крите во время прибытия Пирра и что командование армией на время его отсутствия перешло к Акротату, его сыну; ибо цари другой линии по той или иной причине принимали в то время очень небольшое участие в общественных делах города и редко упоминаются в истории. Ареус, как только услышал о македонском вторжении, немедленно собрал большие силы и отправился обратно в Спарту, и он вошел в город во главе двух тысяч человек сразу после второго отпора, который Акротат дал их врагам. В то же время из Коринфа прибыла еще одна группа подкрепления, состоящая из союзников спартамцев, собранных из северной части Пелопоннеса. Прибытие этих войск в город наполнило спартамцев радостью и полностью рассеяло их страхи. Они считали себя теперь в полной безопасности. Старики и женщины, считая, что их места теперь в изобилии заняты, с этого момента отказались от всякого активного участия в состязании и разошлись по домам, чтобы отдохнуть и подкрепиться после своих трудов.

Однако, несмотря на это, Пирр еще не был готов отказаться от состязания. На самом деле непосредственным результатом прибытия подкреплений было новое пробуждение его духа и новая решимость в том, что он не потерпит поражения в достижении своей цели и завоюет город во что бы то ни стало. Соответственно, он предпринял еще несколько отчаянных попыток, но они оказались совершенно безуспешными; и в конце концов, после ряда проигрышей, он был вынужден отказаться от состязания и уйти. Соответственно, он удалился на некоторое расстояние от Спарты, где разбил постоянный лагерь, прокормив своих солдат грабежом окружающей страны. Он был раздосадован и раздражен унижениями и разочарованиями, которые ему пришлось пережить, и с нетерпением ждал возможности отомстить.

Пирр получает новое приглашение.

Аргос.

Пирр покидает Спарту, и его преследуют.

Смерть Птолемея.

Пока он таким образом обдумывал свое положение, не зная, что делать дальше, однажды он получил послание из Аргоса, города в северной части Пелопоннеса, в котором его просили приехать и принять участие в открывшемся там конкурсе. По-видимому, в этом городе разразилась гражданская война, и один из вождей, зная характер Пирра и его готовность ввязаться в любую ссору, которая была ему предложена, решил обратиться к нему за помощью. Пирр, как обычно, был очень готов уступить этой просьбе. Это дало ему, как часто делали подобные предложения раньше, благовидный предлог отказаться от предприятия, в котором он начал отчаиваться добиться успеха. Он немедленно начал свой марш на север. Спартанцы, однако, ни в коем случае не были расположены позволить ему уйти невредимым. Они наступали со всеми силами, которыми могли командовать, и, хотя они были недостаточно сильны, чтобы вступить с ним в генеральное сражение, они преследовали его и затрудняли его продвижение очень досадным образом. Они устраивали засады в узких ущельях, через которые ему предстояло пройти; они отрезали его отряды, разграбили и уничтожили его багаж. Наконец Пирр отослал назад отряд своей стражи под командованием Птолемея, своего сына, чтобы прогнать их. Птолемей атаковал спартанцев и сражался с ними с большой храбростью, пока, наконец, в пылу сражения знаменитый критянин, обладавший замечательной силой и подвижностью, яростно не подскакал к Птолемею, повалил его на землю и убил одним ударом. Увидев, что он пал, его отряд пришел в смятение и, повернувшись спиной к спартанцам, бежал к Пирру с этой вестью.

Битва с Эвалком.

Месть Пирра.

Пирр, конечно, был взволнован до предела, услышав о том, что произошло. Он немедленно встал во главе конного отряда и поскакал обратно, чтобы напасть на спартанцев и отомстить за смерть своего сына. Добравшись до места, где они расположились, он атаковал своих врагов самым яростным образом и убил большое количество из них в последовавшем за этим конфликте. Одно время он на короткое время подвергался самой неминуемой опасности. Спартанец по имени Эвалк, который подошел и вступил с ним в рукопашную, нанес ему удар по голове, который, хотя и не возымел должного эффекта, пришелся близко к его телу, когда он сидел на своей лошади, и перерезал поводья уздечки. Мгновение спустя Пирр пронзил Эвалка своим копьем. Конечно, теперь Пирр уже не мог управлять своим конем, и он, соответственно, прыгнул с него на землю и сражался пешим, в то время как спартанцы собрались вокруг, пытаясь спасти и защитить тело Эвалка. Последовало яростное и ужаснейшее сражение, в котором многие с обеих сторон были убиты. Наконец Пирру удалось успешно скрыться со сцены, а сами спартанцы в конце концов отступили. Пирр, таким образом, чтобы утешить свое горе, получил удовлетворение от мести, возобновил свой поход и направился в Аргос.

Пирр перед стенами Аргоса.

Подойдя к городу, он обнаружил, что там ему противостоит армия под командованием полководца по имени Антигон. Его армия стояла лагерем на холме недалеко от города, ожидая его прибытия. Разум Пирра был настолько раздражен противодействием, с которым он столкнулся, и поражениями, разочарованиями и унижениями, которые ему пришлось пережить, что он был полон ярости и неистовства и, казалось, проявлял нрав дикого зверя, а не человека. Он послал вестника в лагерь Антигона, гневно бросив ему вызов и вызвав его выйти из своего

лагеря и встретиться с ним в единоборстве на равнине. Антигон очень хладнокровно ответил, что *время* - это оружие, которое он использует в своих состязаниях так же, как и меч, и что он еще не готов к битве; добавив, что если Пирр устал от своей жизни и ему не терпится покончить с ней, есть множество способов, с помощью которых он может осуществить свое желание.

Военная хитрость.

Пирр оставался несколько дней у стен Аргоса, в течение которых между жителями города и несколькими сторонами, участвовавшими в ссоре, велись различные переговоры с целью мирного урегулирования спора, чтобы спасти город от ужасов, сопутствующих соперничеству за обладание им между такими могущественными армиями. Наконец было достигнуто какое-то соглашение, и обе армии согласились отступить. Однако Пирр не собирался выполнять свое соглашение. Несколько сбив жителей города с толку своим обещанием, он воспользовался случаем, чтобы глубокой ночью незаметно подкрасться к одним из ворот, и там, когда один из союзников в городе открыл ему ворота, он начал вводить своих солдат внутрь. Войскам было приказано соблюдать тишину и ступать бесшумно, и таким образом большой отряд галлов получил доступ, и разместился на рыночной площади, не потревожив и не разбудив жителей. Чтобы придать правдоподобность этой истории, мы должны предположить, что часовые были ранее привлечены на сторону Пирра.

Попытка слонов войти в город.

Ужас жителей Аргоса.

Когда пехотинцы, таким образом, вошли в город, Пирр взялся затем пропустить внутрь несколько своих слонов. Однако, когда они приблизились к воротам, оказалось, что они не могут войти, не сняв предварительно башни с их спин, поскольку ворота были достаточно высоки, чтобы пропускать только животных. Солдаты соответственно приступили к демонтажу башен, а затем ввели слонов. Затем башни должны были быть заменены. Работа по сносу башен, а затем по их установке снова, которую все приходилось выполнять в темноте, сопровождалась большими трудностями и задержками, и при этой операции неизбежно было поднято столько шума, что в конце концов люди в окрестных домах подняли тревогу, и за очень короткий промежуток времени был поднят весь город. Во всех кварталах немедленно начались оживленные собрания. Пирр со всей поспешностью выдвинулся на рыночную площадь и расположился там, расставив своих слонов, конницу и пехоту наилучшим образом, чтобы защитить их от любого возможного нападения. Жители Аргоса столпились в цитадели и немедленно послали к Антигону с просьбой прийти им на помощь. Он немедленно привел в движение свой лагерь и, продвигаясь к стенам вместе с основными силами, послал несколько мощных отрядов войск для сотрудничества с жителями города. Все эти сцены, происходившие среди ночной тьмы, когда люди были разбужены ото сна внезапной тревогой, сопровождались, конечно, ужасной паникой и замешательством; и, в довершение всего, Арей со спартанской армией под его командованием, который следовал за Пирром при его приближении к городу и внимательно следил за его передвижениями с тех пор, как он прибыл, теперь ворвался через ворота и атаковал войска своего ненавистного врага на улицах, на рыночной площади и везде, где мог их найти, с оружием в руках. крики, вопли и проклятия превратили весь город в одну широко распространенную сцену невыразимого смятения и ужаса.

Замешательство солдат.

Однако всеобщее замешательство и ужас, вызванные атаками спартанцев, были единственными результатами, которые последовали непосредственно за ними, поскольку войска вскоре обнаружили, что реального продвижения добиться невозможно и что эта ночная война не дает никаких преимуществ. Солдаты не могли отличить друзей от врагов. Они не могли видеть или слышать своего командира или действовать согласованно или в каком-либо порядке. Они были разбросаны повсюду, терялись на узких улочках или падали в канализацию, и все попытки офицеров сплотить их или каким-либо образом контролировать были тщетны. Наконец, по общему согласию, все стороны прекратили борьбу и стали ждать — все в ужасном состоянии неопределенности и неизвестности — наступления рассвета.

Пирр ждет утра.

Бронзовая статуя.

Древнее пророчество.

Тревога Пирра.

Пирр, по мере того как предметы, находившиеся вокруг него, постепенно становились видны в сером свете утра, был встревожен, увидев, что стены цитадели были покрыты вооруженными людьми, а также заметив различные другие признаки, по которым он понял, что в городе ему противостоит очень могущественная сила. Когда стало светлее и стали видны границы рыночной площади, на которой он расположился, и различные изображения и фигуры, которые были размещены там, чтобы украсить ее, он был поражен ужасом при виде одной из групп, очертания которой медленно проступали. Это была бронзовая скульптура, изображающая схватку между волком и быком. По-видимому, в прежние времена какой-то оракул или прорицатель предупредил его, что, когда он увидит волка, сражающегося с быком, он может знать, что час его смерти близок. Конечно, он предполагал, что подобное зрелище, если ему действительно суждено было когда-нибудь увидеть, могло появиться только в каком-нибудь уединенном лесу или в каком-нибудь обширном и малолюдном месте среди гор. Возможно, действительно, он уделил очень мало внимания пророчеству и никогда не ожидал, что оно будет реализовано буквально. Однако, когда эта бронзовая группа предстала его взору, она напомнила ему оракула, и ужасное предчувствие, которое пробудило ее появление, связанное с тревогой, естественно вызванной ситуацией, в которую он попал, наполнило его ужасом. Он боялся, что пробил его час, и теперь его единственной заботой было как можно скорее удалиться от смертельных опасностей, которыми он, казалось, был окружен.

Он решает отступить из города.

Пирр обнаруживает, что улицы заблокированы.

Ужасная неразбериха.

Но трудность заключалась в том, как сбежать. Ворота были узкими, отряд войск, сопровождавший его, был большим, и он знал, что при попытке отступить он будет атакован со всех близлежащих улиц, а также с крыш домов и стен, и что его колонна неизбежно будет приведена в беспорядок, и ворота будут заблокированы, что сделает их совершенно непроходимыми из-за их стремления убежать и возникшей неразберихи. Соответственно, он отправил гонца к своему сыну Елену, который все это время оставался командующим основной частью армии за стенами, приказав ему выступить вперед со всеми своими силами и разрушить часть стены, примыкающую к воротам, чтобы открыть свободный выход для своих войск при их отступлении из города. Сам он оставался на своей позиции на рыночной площади до тех пор,

пока, по его мнению, не прошло времени, достаточного для того, чтобы Хелен получил его приказы и добрался до ворот для их исполнения; а затем, будучи к этому времени сильно теснимым своими врагами, которые рано утром начали атаковать его со всех сторон, он привел свои войска в движение, и посреди сцены неописуемых криков, шума, ужаса и смятения все войско двинулось к воротам, ожидая, что к тому времени, когда они придут туда, Хелен успеет скрыться. выполнил свою работу, и что они должны найти широкое отверстие, проделанное, которое позволило бы легко выйти. Однако вместо этого, еще не дойдя до ворот, они обнаружили, что улицы перед ними были полностью запружены огромным скоплением солдат, которые шумно вливались в город. Похоже, что Хелен так или иначе неправильно понял приказ и предположил, что ему было приказано самому войти в город, чтобы вновь укрепить своего отца в его стенах. Шок от столкновения, вызванный этими противоположными течениями, удвоил замешательство. Пирр и находившиеся с ним военачальники выкрикивали приказы наступающим солдатам Элена отступать; но среди царившего неописуемого шума и неразберихи не было слышно никаких криков, какими бы громкими они ни были. Даже если бы приказы были услышаны, им нельзя было бы повиноваться, поскольку авангард наступающей колонны неудержимо продвигался вперед под давлением тех, кто находился сзади, а паника, которая к этому времени царила среди войск под командованием Пирра, привела их в неистовство в попытках пробиться вперед и выбраться из города. Последовала ужасная сцена смятения и разрушения. Люди давили и топтали друг друга до смерти, и воздух был наполнен воплями боли и ужаса. Разрушение жизни было очень велико, но оно было вызвано почти исключительно давлением и неразберихой — люди, лошади и слоны были неразрывно смешаны в одну огромную живую массу, которая, как казалось тем, кто смотрел на нее сверху, корчилась и боролась в самых ужасных корчах. Драки не было, потому что ни у кого не было места для нанесения удара. Если человек обнажал меч или поднимал пику, давление вокруг немедленно сковывало его руки, и он оказывался совершенно беспомощным. Таким образом, нанесенный ущерб был почти полностью результатом давления и борьбы, а также топтания слонами и лошадьми людей, а людьми друг друга.

Упавший слон в воротах.

Слоны сильно усугубили неразбериху в этой сцене. Один из самых крупных в отряде упал в воротах и некоторое время лежал там на боку, не в силах подняться и истошно вопя. Другой был взволнован до безумия потерей своего хозяина, который свалился с его головы, раненный дротиком или копьем. Верное животное обернулось, чтобы спасти его. Своим хоботом он отшвырнул людей, стоявших у него на пути, направо и налево, а затем, подняв хоботом тело своего хозяина, осторожно положил его на свои бивни, а затем попытался пробиться сквозь толпу, топча всех, кто попадался ему на пути. История наградила этого слона отличием, которое он вполне заслужил, записав его имя. Это был Никон.

Смерть Пирра.

Пирр сильно встревожен.
Он откладывает в сторону свое перо.
Его ударяет брошенная на него плитка.

Все это время Пирр находился в тылу своих войск и, таким образом, был в некоторой степени удален от наибольшего давления. Время от времени он оборачивался и сражался с теми, кто наседали на его строй сзади. Когда опасность стала более надвигающейся, он снял со своего шлема перо, которым отличался от других полководцев, и отдал его другу, находившемуся рядом с ним, чтобы он мог быть менее заметной мишенью для стрел своих врагов. Схватки, однако, между его отрядом и теми, кто преследовал их с тыла, все еще продолжались; и, наконец, в одной из них аргосец ранил его, метнув дротик с такой силой, что острие прошло

через его нагрудник и вошло в бок. Рана была неопасной, но она привела Пирра в бешенство против человека, который ее нанес, и он набросился на него с большой яростью, как будто намеревался уничтожить его одним ударом. Он, весьма вероятно, убил бы грека, если бы как раз в этот момент мать этого человека, по весьма странному совпадению, наблюдала за происходящим с крыши дома, выходявшей на улицу, где происходили эти события. Она немедленно схватила с крыши тяжелую черепицу и со всей силы швырнула ее на улицу в Пирра как раз в тот момент, когда он наносил удар. Черепица упала ему на голову и, сильно ударившись о шлем, снесла и шлем, и голову вместе и раздробила нижние позвонки шеи в месте их соединения с позвоночником.

Его ужасная смерть.

Пирр выронил поводья из рук и тяжело свалился с коня на землю. Случилось так, что никто не узнал его, кто видел его падение, ибо так велика была толпа и смятение, что Пирра разлучили со его ближайшими друзьями. Поэтому те, кто был рядом с ним, когда он упал, двинулись дальше, думая только о собственной безопасности, и оставили его там, где он лежал. Наконец солдат армии Антигона по имени Зопир, подошедший к тому месту в сопровождении еще нескольких человек из своего отряда, взглянул на раненого и узнал в нем Пирра. Они подняли его и потащили с улицы к ближайшему портику. Зопир выхватил свой меч и занес его, чтобы отрубить пленнику голову. В это мгновение Пирр открыл глаза и закатил их с таким ужасным выражением, что Зопир пришел в ужас. В результате его рука дрогнула при нанесении удара, так что он промахнулся и вместо того, чтобы ударить по шее, только ранил и изуродовал рот и подбородок. Ему пришлось повторять удар снова и снова, прежде чем шея была переломана. В конце концов, однако, ужасное дело было совершено, и голова была отделена от тела.

Голова унесена прочь.

Очень скоро после этого Халкионк, сын Антигона, подъехал к тому месту и, узнав, что произошло, попросил солдат поднять ему голову, чтобы он мог взглянуть на нее минутку. Как только она оказалась в пределах его досягаемости, он схватил ее и ускакал, чтобы отнести своему отцу. Он нашел своего отца сидящим со своими друзьями и бросил голову к его ногам, как трофей, который, как он предполагал, его отец был бы рад увидеть. Однако на самом деле Антигон был крайне потрясен этим зрелищем. Он в самых суровых выражениях упрекнул своего сына в жестокости, а затем, послав за изуродованным сундуком, устроил всему телу почетные похороны.

Краткое описание характера Пирра.
Закключение.

Никто не может отрицать, что Пирр был человеком огромной природной силы ума и необычайных способностей как военачальник. Его способности и гений на самом деле были настолько велики, что сделали его, возможно, самым ярким примером того, как высшая власть и благороднейшие возможности могут быть растрачены впустую. Он ничего не добился. У него не было ни плана, ни цели, ни задатка, но он подчинялся каждому сиюминутному порыву и без раздумий и без расчета включался в любой план, который случай или честолюбивые замыслы других могли ему предложить. Ему удалось вызвать огромное количество беспорядков и войн, убить огромное количество людей и завоевать, хотя и временно и без всякой цели, великое множество королевств. Это было зло, и только зло, которое он творил; и хотя масштабы, в

которых он творил зло, были велики, его непостоянство и шаткость полностью лишали его достоинства величия. Его преступления против мира и благополучия человечества не были результатом какой-либо особой порочности; напротив, он был от природы благороден и великодушен духом, хотя со временем, из-за воздействия его поведения на его сердце, эти хорошие качества почти полностью исчезли. Тем не менее, он, кажется, никогда на самом деле не желал человечеству зла. Он совершал свои преступления против них бездумно, просто с целью показать, на что он способен.

Конец.

Сноски

[A] Посмотреть на [карту](#).

[B] Полный отчет об этой операции см. в разделе "История Александра Македонского".

[C] Маршрут Македония - Вавилон см. на [карте](#).

[D] Смерть Александра имела место, и распространение, о котором здесь говорится, было произведено в Вавилоне. О положении этого города относительно Македонии и стран-интервентов см. [Карту](#).

[E] Маршрут, пройденный этой экспедицией, см. на [карте](#).

[F] Посмотреть [карту](#).

[G] Посмотреть [карту](#).

[H] Посмотреть [карту](#).

[I] Посмотреть [карту](#).

[J] Посмотреть [карту](#).

[K] См. [Фронтиспис](#).

[L] Январь 1852 года.

[M] Посмотреть [карту](#).

[N] Положение Спарты смотрите на [карте](#).

[O] Точное время, когда действительно произошли события, связанные с ранней историей Спарты, удовлетворительно не определено, так что даты, помещенные в заголовках страниц, можно рассматривать только как приблизительные.

Примечания переписчика

1. Были внесены незначительные изменения для исправления ошибок наборщиков и обеспечения единообразия орфографии и пунктуации в этом тексте; в остальном были приложены все усилия, чтобы оставаться верными оригиналу книги.
2. Примечания, используемые в этом тексте, первоначально были опубликованы в виде баннеров в заголовках страниц и были перенесены в соответствующий абзац для удобства читателя.
3. Нумерация страниц некоторых гравюр в Таблице гравюр была изменена, чтобы отразить окончательное размещение в готовом тексте.